

Ана Асия

Батарейка
для

арда

Annotation

Все знают, что этот мир защищают воины-арды. Они почти каждый день рискуют жизнью, сдерживая жутких тварей, жаждущих уничтожить человечество. И все знают, что они имеют особые права. Ард может указать практически на любую женщину, и она должна будет стать для него аккумулятором, источником энергии, которую он возьмет через близость. Вот только Линетт Келли и подумать не могла, что такая честь выпадет именно ей.

Внимание! В тексте имеются откровенные сцены, строго 18+

- [Яна Ясная](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Эпилог](#)
-

Яна Ясная
Батарейка для арда

Глава 1

Вечно со мной что-нибудь приключается. В детстве котят и птичек домой таскала, теперь вот — мужика...

Ард возник из ниоткуда прямо передо мной. Я, припозднившись до темна, возвращалась с подработки и уже свернула в подворотню к своему дому, когда воздух перед носом сгустился, и Неукротимый Воин вывалился из тут же погасшего перехода, сделал несколько шагов, пытаясь удержать равновесие, и почти уткнулся в меня. И если бы не золотые, слегка обугленные сейчас, но легко узнаваемые всеми нашивки на уцелевшем рукаве, на мой потерпевший визг уже слетелись бы все окрестные копы, а тело — снесло бы звуковой волной.

А так — я только охнула и поудобнее подперла плечом навалившегося сверху мужчину.

— Эй, мистер! Мистер, вы как? Скорую вызвать?

На мой вопрос ард моргнул и, с явным трудом сосредоточившись на окружающей реальности, ответил:

— Нет. Ты живешь рядом?

Я заторможено кивнула, начиная подозревать, что...

Но не очень-то в это веря.

— Отведи меня к себе домой.

Да быть того не может! Тут рядом Арена, там выносливые спортсменки, энергичные фанатки... Мужик, ты явно промазал!

И пока я, судорожно сглотнув, смотрела в глаза выровнявшегося воина, уже более-менее стоящего на своих ногах, он произнес:

— Рэй Харди, личный номер «эй бис четыреста тридцать восемь семьдесят пять». Предъявляю неотъемлемое право. — И, сделав совсем маленький шаг, вдруг оказался вплотную ко мне, а я только и могла что ошалело хлопать глазами.

В голове загрохотало металась одна-единственная глупая мысль: «А мама мне еще говорила, что мужики с неба не па-а-адают!»

Я не могла рассмотреть в темноте его лица, видела лишь, что он высок и плечист. А еще — чуяла его запах. От арда пахло гарью, сложной смесью незнакомых, неприятных запахов, смутно ассоциирующихся с оружием и опасностью. Но сквозь эту мешанину я чуяла еще один, едва уловимый — и от него у меня слабели ноги, а по телу бежали мурашки.

Воин шагнул в сторону, освобождая путь, и я пошла вперед, чувствуя,

как шумит в голове, и как ард, пристроившись сзади почти вплотную, идет за мной следом, и как-то умудряется не мешать мне идти, и кажется, нюхает мои волосы — и от этого в голове шумит еще сильнее.

— Добрый вечер, — сказала случайно случившейся у подъезда соседке, и приложила к считывающему устройству кодового замка личный браслет.

Соседка кивнула, скользнув по мне безразличным взглядом. Арда она будто не увидела.

Замок замер на мгновение, а затем пискнул, мигнул зеленым огоньком и впустил нас в подъезд. Будоражащий запах вплыл вместе с нами.

В лифте, стремительно полетевшем к двадцать четвертому этажу, стало еще хуже. Теперь я ощущала запах еще отчетливей, и от него становилось тяжело дышать, грудь стала чувствительной и ныла, а внизу живота наливалось тяжестью. Я попробовала дышать ртом, но это не помогло — губы горели, во рту пересохло. Арда, откинувшегося на противоположную от меня стену лифта, я старалась не замечать. Хотя достаточно трудно не замечать того, чье молчаливое присутствие гонит по твоему телу волны горячей дрожи.

Я мазнула его взглядом, а поймав ответный, отвела глаза и сглотнула. Тяжелый и плотный, как будто материальный взгляд, вызвал неожиданный спазм пониже живота.

Лифт, предупреждающе звякнув, открыл двери, и я вывалилась на волю, в тесноту лестничной площадки, и торопливо поднесла идентификационный браслет к считывающему устройству замка. Пискнула система, оповещая об отключении сигнализации, затем щелкнул отпершийся замок, и я потянула на себя дверь, чувствуя, как дыхание рослого воина шевелит волосы у меня на макушке.

Шаг в тесную прихожую, и меня сгребли в охапку, а чужой рот смял мои губы, породив не протест, а стон удовольствия. Мягко щелкнул замок в двери, отрезая нас от всего мира. Ард подхватил меня под ягодицы, приподнял, и я охотно выгнулась ему навстречу, прижалась бедрами настолько тесно, насколько сумела, и, стиснув его плечи, потерлась грудью о форму. Чужое возбуждение, явно ощущаемое сквозь слои одежды, отзывалось во мне лихорадочной дрожью, предвкушением. Я еще раз потерлась о него всем телом, стараясь перенять на себя сводящий с ума запах.

Руки воина сжали мои ягодицы, а ловкие пальцы сдернули с меня штаны вместе с бельём, пока я царапала форменный ремень, не в силах сообразить, как расстегнуть тугую пряжку. Видно, ард сообразил, что от

меня помощи даже в такой ерунде не дождешься, и отпихнув мои руки, быстро сделал все сам, спустив штаны до колен.

Я, заскулив, выгнулась и прижалась к чужой плоти, извиваясь и всхлипывая.

К черту прелюдию!

Ард прижал меня к себе, ища головкой вход. Я податливо выгнулась, стремясь реабилитироваться, но болтающиеся на коленках штаны мешали. Он, рыкнув, рывком развернул меня к себе спиной и одним ударом вошел в меня полностью.

Я всхлипнула от болезненного ощущения. Видимо, несмотря на бешеную потребность в этом проникновении, я все же не увлажнилась в достаточной степени для таких размеров. Почувствовала, как он замер, упершись во что-то в глубине меня, и требовательно толкнулась бедрами на него.

Плывать на боль, мне надо, необходимо, как он не понимает?! Я вцепилась пальцами в руки, лежащие на моих тазовых косточках, ощутила бьющую его дрожь, созвучную моей собственной и заскулила от острой, болезненной неудовлетворенности. Впилась в его руки ногтями, наказывая за мою муку, и вскрикнула, когда замерший в преступной неподвижности мужчина вдруг сорвался с тормозов.

Первый яростный удар вмял меня в стену. Я, вскрикнув, едва успела подставить руки, а затем толчки обрушивались на меня один за одним, в безжалостном и прекрасном ритме, растягивая меня, заполняя полностью, до упора...

Я вскрикивала на каждый толчок. Прогибалась в спине, чтобы ему было удобнее вколачиваться в меня, чтобы быть доступнее, приятнее — для него. Сосредоточившись на ощущениях в глубине своего естества, с восторгом чувствуя, как подкатывает то самое, неопишное ощущение, предвещающее оргазм. Я замерла, смакуя его, стараясь прочувствовать полностью контраст чужой силы и своего голодного удовольствия.

Мир замер в мучительной неподвижности, нарушаемой лишь рваным дыханием. Предощущение подкатывало. Я сжимала мышцы, стараясь продлить его усилить — и ухнула в кульминацию с головой, растекшись по стене амебой. Оргазмические спазмы захватили меня полностью, отзываясь сладким ощущением в груди, и дрожью в ослабевших конечностях. Мой негаданный партнер джентельменски переждал мою разрядку. Отмер — и в несколько свирепых толчков, снова вмявших меня в опору, догнал меня, поприветствовав собственный оргазм хриплым выдохом.

Я обмякла, навалившись расслабленным телом на стену, и только

удивленно оглянулась, когда ард подхватил меня на руки, и понес — а опустил уже на мою собственную постель. Я вытянулась на животе, взбрыкнула ногами, скидывая левый ботинок — правый потерялся в моей крохотной квартирке где-то по пути. Шевельнув ногами, попыталась стянуть с себя джинсы, но их с меня любезно сдернули.

Тянуть дальше стало невозможно. Я перевернулась на спину, и откинув с лица спутавшиеся рыжие волосы, уставилась на арда, неожиданно-негаданно свалившегося мне на голову со своими ардовскими правами и привилегиями.

Рослый, темноволосый. Высокий и массивный — мне не показалось там, в подворотне. Прямой нос и чувственные губы. Не то чтобы красивый — но грубовато-гармоничный. Взгляд открытый и спокойный — ни стыда, ни беспокойства. Даже маслянистой похоти при взгляде на меня — и той нет. Темные омуты, а не глаза. Серая вода. И под этим взглядом меня вдруг отпускает. Я поступаю так же, как он — я разрешаю себе перестать бояться. Стесняться. Стыдиться.

Я разрешаю себе не страдать. Не маяться угрызениями за то, от чего любой приличной девушке следовало бы сгореть от стыда.

Потому что его Право, мой Долг — это конечно все хорошо, вот только отдавалась я ему только что так, что и гулящие кошки уважительно уступили бы мне первое место на пьедестале...

А и плевать!

Удивительный все же мужик, — успела я отметить про себя. Вот смотришь и понимаешь — этот не выдаст. Никто ничего не узнает. Можно вести себя как угодно распушенно. Можно отпустить себя на волю, и быть неприличной, дикой...

Пока я пялилась, ард успел сбросить драную форму и, оставшись в одной цепочке с двумя плоскими прямоугольными пластинками на ней, шагнул вперед. Я дернулась — и тут же покорно обмякла, придавленная к матрасу тяжелым телом. Мои руки, судорожно стиснувшие простыни, были подняты над головой, и широкие мозолистые ладони нырнули под маечку и медленно поползли вверх, задирая ее, собирая белыми складками, контрастными на фоне смуглых рук...

Я сглотнула.

Маечка моментально оказалась задрана до подбородка, кружево бюстгалтера — там же, и в грудь впился жадный рот.

Поцелуй? Ласки?

Как бы не так!

Этот жадный рот, кажется, вознамерился мою грудь сожрать.

При полном моем попустительстве.

Моя голова металась по подушке, спутывая волосы, а руки позабыли, что им велено было смирно лежать над головой. Они, устав терзать несчастную простынь, вцепились в короткие волосы и то гладили их, то дергали, то прижимали темную голову теснее, то пытались оттолкнуть ее, когда болезненное, остро-сладкое удовольствие становилось невозможно вынести.

Я хрипло стонала, совсем позабыв, что не люблю, когда с нежной кожей соприкасается грубая щетина.

То ли эта щетина касалась чувствительной, возбужденной груди как-то по-особому, то ли я плохо себя знаю!

В какой-то момент ард поймал мой взгляд и, ухмыльнувшись, встал на колени между моими бедрами. Не отводя глаз, подхватил меня под коленки, потянул на себя — и закинул мои ноги себе на плечи. Я смотрела на него — увлеченного, возбужденного... бессовестного! Смотрела, широко распахнув глаза, и не могла разорвать взглядов.

Я смотрела ему в глаза, когда широкие ладони с грубой, шершавой кожей скользили по моим бедрам вниз. Смотрела, когда его руки подхватили меня под ягодицы и приподняли, выгибая так, как удобно ему. Смотрела, когда почувствовала, как горячая головка касается влажных, припухлых половых губ. Когда она мягко растягивала вход...

Смотрела — хотя в таком положении мне было неудобно держать голову приподнятой, но я смотрела. Я хотела видеть его лицо. Я хотела видеть, как меняется его взгляд, когда он входит в меня — на этот раз неспешно, по-хозяйски. Я хотела видеть, как удовольствие искажает его лицо, когда я подаюсь ему навстречу, пока он входит — и сжимаю мышцы, пытаюсь удержать, когда он выходит.

Я хотела видеть, как он выгибается при толчках — и как закрывает глаза, и темные ресницы отбрасывают длинные тени на скулы...

И только тогда я откинулась на кровать — и ощутила, как лопнула пружина чужого терпения.

Толчки стали бешеными, рваными, меня мотало под их напором по постели. А я только подмахивала и, задыхаясь, приговаривала:

— Еще, еще... Сильней!

Напористые движения, непристойные звуки. Возбуждение, затопившее по самое горлышко. Горячее тело, влажное от пота. Твердая плоть, заполнившая мою.

Толчки.

Предвкушение.

Мой пик. Его хрип — и ощущение горячей влаги, пролившейся в меня. Он позволил мне опустить ноги, и я блаженно вытянула натруженные конечности, чувствуя, как приливает к ним кровь. И как пульсирует она в... везде.

Тяжелое мужское тело навалилось сверху, и любезно сдвинулось вбок. — Я под временной стерилизацией. И здоров. Справку о медосмотре скину на твой терминал.

Ой, да пожалуйста!

Как будто кто-то не знает, что воины-арды подвергаются тщательному государственному уходу и не бросают свое семя где попало.

Я вяло пошевелила ступней, давая понять, что услышала, приняла к сведению и вообще... безмерно ликую — только отвали, злыдень, не видишь, девушка устала?! Всё бы вам разговоры разговаривать...

Злыдень хмыкнул и послушно отвалил. Встал — матрас облегченно скрипнул, выправляясь — и куда-то ушел. А я блаженно выдохнула и раскинулась на кровати, расслабленно ловя остаточные отголоски удовольствия.

А потом на кухне хлопнул дверцей холодильник и расслабленность с меня как ветром сдуло!

Кое-как прикрыв срам простыней, я резвой зайкой рванула на кухню, спеша проверить Ужасное Предположение.

— Ты сожрал мою еду?! — горестно возопила я в широкую спину, которая единственная была видна из моего холодильника.

— Кто-то сделал это до меня, — хмыкнул ард, выныривая из белых глубин. — Нет там никакой еды!

И, захлопнув дверцу, ушел в комнату, оставив меня на тесной кухоньке одну как-то справляться с этим ударом.

На всякий случай я все же заглянула в холодильник сама, не желая верить в худшее, и оказалась права — два яйца, полторы сосиски и начатая пачка йогурта были на месте. От сердца отлегло.

Все знают, что наш мир находится на границе нестабильной зоны, на стыке двух версий реальности. Свою мы зовем Ольгейрой, а ту, вторую — Изнанкой, и населена она... а кем только не населена. В школе на уроках естествознания нам показывали проекции, да и общее представление давали — выходило, что обитатели Изнанки твари сплошь неприятные, хотя весьма контактные и человеколюбивые, чего не отнять — того не отнять. Если бы еще не гастрономический оттенок их приязни — и вовсе хорошо было бы.

Для обитателей Изнанки Ольгейра — пастбище, по которому гурьбой

гуляют вкусные, сочные куски мяса в не требующей обдирания оболочке.

Стык миров — понятие лично для меня расплывчатое, и в обиходе зовется попросту Гранью. Представить её (а побывать там — и подавно) большинству обывателей не дано. И слава богу, в общем-то — потому что ребята с Изнанки туда порой как раз заглядывают. Рвутся они туда, как будто им там медом намазано. И к нам рвутся.

Иногда — и прорываются...

Наш мир защищают воины-арды. Неукротимые Воители, способные существовать на Грани и противостоять тварям Изнанки. Почти каждый день они рискуют жизнями, защищая спокойную жизнь обитателей нашего мира. И все знают, что они имеют особые права. В их числе — Неотъемлемое Право. Ард может указать практически на любую женщину, и она должна будет стать для него аккумулятором, источником энергии, которую он возьмет через близость.

Знала об этом и я. Но... До Изнанки далеко, до ардов высоко. Неукротимые Воины не пользуются услугами случайных девчонок с улицы, если только не прижмут непредвиденные обстоятельства. Они заключают контракты с самыми подходящими. И уж поверьте — желающих всегда с избытком, так что из подходящих они выбирают самых красивых, самых ярких, самых-самых.

Что в очередной раз доказывает — арды хоть и Неукротимые Воины, а все равно мужики. А еще возвращает нас к началу рассуждений — знать-то про их права я знала, просто никогда не примеряла подобной ситуации на себя и не тянулась за соискательницами. У меня своя стезя — университет, практика и потом, когда диплом будет в руках, работа. Может, и не слишком любимая, но уважаемая и надежная.

И меня все устраивало.

С финансами, правда, у меня нынче было грустно и печально. Ближайший платеж за подработку будет через два дня, стипендия и вовсе через неделю, а срок внесения квартплаты уже на носу. Добрая квартирная хозяйка усмехнулась и пообещала дожидаться стипендии, но все равно...

Я открыла холодильник, окинула скорбным взглядом свои скромные запасы на два дня, вздохнула и громко спросила в направлении комнаты:

— Ты есть будешь?

— Буду, — отозвался ард у меня над ухом.

Я от неожиданности вздрогнула, и упустила дверцу холодильника.

— Сейчас, курьер доставит, и буду!

В руках у него был мой. Личный. Терминал.

Сердце екнуло. Нет. Нет-нет-нет, он не мог этого сделать.

Ведь не мог же, правда?

Я вглядывалась в наглые серые глаза, и понимала — мог!

Переместив взгляд на свое средство связи, я увидела, как медленно тает ярко-оранжевая надпись «Ваш заказ находится в обработке», и на ее место выплывает окошко, выполненное в том же дизайне «Ваш заказ принят, ожидайте доставки». Судорожно отыскав графу «Сумма заказа», я задохнулась ужасом.

Сколько?

Он что, все это собирается сожрать?!

Да это же... Это же половина моей квартплаты!

От осознания, в какой кредит меня вогнал прожорливый ард (а до стипендии по-прежнему неделя!), со мной приключилось помутнение сознания, руки мои стиснулись, будто сжимая в пальцах чью-то шею, и, впад в боевую ярость, я бросилась на мерзавца.

Вместо того, чтобы испугаться (или, по крайней мере, вернуть мне терминал), разорившее меня чудовище расхохоталось и отступило в комнату, подняв гаджет над головой и дразня меня его обманчивой доступностью.

Минуты, в которые еще можно успеть отменить заказ, неотвратимо утекали в Великое Ничто.

— Отдай мой терминал, — захлебываясь рвущимися на волю бранными словами, бесновалась я.

Но вместо этого, злодей только покрутил им у меня под носом, и отдернул руку.

— Отдай сейчас же! Ты... Ты не имеешь права!

— Вот еще! В экстренной ситуации я имею право требовать любую помощь от гражданских, и использовать все доступные ресурсы, — веселился ард. И это, к сожалению, было сущей правдой.

Я сдулась, насупилась и прекратила бесполезные (и противозаконные, как оказалось) попытки.

В конце концов, за связанные с ардом труды система предлагает существенную компенсацию, и все затраты мне возместятся, но... Это будет еще когда!

А в неприличный и необоснованный кредит я влезла уже сейчас. И как я буду объяснять квартирной хозяйке, что вернуть ей долг пока не могу, потому что в первую очередь с моего счета спишут вот эту задолженность?

Видимо, придется все же одалживаться у родителей, а ведь так не хотелось. Я только-только наладила свою жизнь так, чтобы ни у кого ничего не просить, а теперь опять начнутся разговоры, что ни к чему мне

жить на квартире, это бессмысленные траты, и мне следует вернуться домой...

— Кстати, рыжая, миленькие веснушки! — вмешался в мои размышления веселый голос.

Я захлебнулась возмущением — да как он... Да что он себе позволяет!

— И си... грудь отличная, — хладнокровно продолжил ард, как будто не замечая моего гнева.

Я поперхнулась, и предпочла сделать вид что не заметила второй реплики.

— Нет у меня никаких веснушек! — рыкнула я и подпрыгнула, пытаюсь воспользоваться эффектом неожиданности и отобрать у мерзавца терминал.

— «Нет» и «Я их замазала» — это немножко разные вещи, детка, — ухмыльнулся парень, поднимая вожаденную цель повыше и позволяя мне прыгать вокруг себя. И с явным удовольствием добил: — Но кое-кто недавно занимался активными физическими упражнениями, потел... Так что — миленькие веснушки, рыжая!

Свирепо зарывав, я крутанулась на пятках и сбежала в ванную, к зеркалу. Так и есть. Косметика, не выдержав неравной борьбы с ардовским темпераментом, пала, и из зеркала на меня смотрела я — в веснушках и разводах тональника. Кареглазая, вострепанная и злющая, как кошка, которую сунули в воду. И рыжая, чего уж там...

Вздыхнув, я вытащила из шкафчика за зеркалом молочко для снятия макияжа, ватные тампоны и ликвидировала остатки потекшего безобразия.

А если ард посмеет хоть словечко про мои веснушки сказать, то ух я ему!

К тому моменту, как домофон пискнул, оповещая о приходе курьера, я успела натянуть маечку и домашние штаны, а волосы завязать в небрежный хвост. Вид не то чтобы потрясающий воображение, но всяко лучше, чем девица в простыне и разводах косметики!

Окинув себя в зеркале контрольным взглядом, я убедилась, что выгляжу более-менее прилично, и ринулась к входной двери. В глубине души я лелеяла надежду, что сумею договориться и с ардом, и с курьером. Если оставить от заказа хотя бы четверть — то, возможно, удастся обойтись без обращения к родителям.

Если бы я принимала доставку такого большого продуктового заказа — я бы провела курьера на кухню, и там по списку с сайта отмечала бы наличие каждой позиции. Ард такими мелочами не заморачивался.

Когда я выглянула из ванной, он уже ставил размашистую подпись в

бланке заказа.

Я понуро шагнула вперед, смирившись с финансовым крахом и готовясь оплатить счет, но меня легко и небрежно перехватили и прижали локтем. И пока я возмущенно трепыхалась, ард с каменным лицом велел курьеру:

— Набери это, — и продиктовал ему сложную комбинацию с октоторпами, астериксами и переходами от цифр к буквам.

Курьер, сначала раскрывший рот в явном намерении качнуть права, под невозмутимым взглядом арда увял и послушно делал, что велено.

Я устала висеть, зажатая цельнометаллическим локтем, брыкнулась, пнула арда в щиколотку, пихнула кулачком в ребра — но, получив свободу, не торопилась уходить. Здесь происходило что-то явно чрезвычайно любопытное.

Правильную последовательность паренек из доставки набрал только с третьего раза, и когда подтвердил ее клавишей ввода, умная машинка ненадолго замерла, потом мигнула — и перезагрузилась. А после загрузки на экране, ставшем чисто-белым, оказалась одна черная рамка с мигающим в ней курсором.

Ард забрал у парня платежник (вот уж любитель полапать чужую технику — мысленно возмутилась я), ввел свой личный номер. Терминал еще раз мигнул, сожрал данные и снова засиял яркой белизной в черной рамке. Еще одна сложная комбинация символов — и через некоторое время машинка разродилась длинной лентой чека, а после снова ушла в перезагрузку. Ард дождался, пока чек распечатается до конца, оторвал первый экземпляр, и вернул озадаченному курьеру его оборудование.

Кажется, парень даже не подозревал, что его терминал умеет откалывать подобные номера.

Я, по крайней мере, так уж точно.

— Быстро они, — одобительно прокомментировал ард, когда за курьером закрылась дверь.

Я закатила глаза:

— Еще бы не быстро, маркет расположен в нашем доме!

И, фыркнув, ушла в комнату, демонстративно не обращая внимания, чем он там занимается и всем видом давая понять, что раз мои финансы вне опасности, то все остальное меня ни капельки не интересует.

Вот ведь упырь, а? Что ему стоило прямо сказать — не волнуйся, добрая хозяйка, за меня платит система! Так нет же, изгалялся...

Я тяжело вздохнула, и, строго напомнив себе, что это не мое дело, прислушалась к происходящему на кухне. Там хлопала дверца

холодильника, стукали ящики и доносились другие, не идентифицируемые звуки. Любопытство глодало с неистовой силой.

Я не буду совать нос не в свое дело.

Я не пойду смотреть, что там делает ард.

А, черт возьми, в конце концов, это мой дом, моя кухня, и я имею право знать, что здесь творится!

Впрочем, ничего особенного не творилось — ард заканчивал закладывать продукты в холодильник, и я не удержалась, поддела:

— Наши отношения так стремительно развиваются! Мы уже делим полочки в холодильнике! Того и гляди, до знакомства дойдет...

— Как тебя зовут? — с невозмутимым видом спросил ард. И только в серых глазах мелькнули и пропали черти — и в животе у меня почему-то екнуло.

— Воу, парень, полегче! Я не готова к таким решительным шагам! — возмутилась я, и уплыла в душ, победно вильнув попой перед ардовским носом, с приятным чувством оставленного за собой последнего слова.

Несмотря на грозную славу Неукротимых Воинов, я его почему-то совершенно не боялась.

...ровно до того момента, как дверь в тесную душевую кабину отворилась, и моему взору не предстал осмеянный мной воин, во всем своем грозном великолепии, жаждущий реванша и водных процедур.

От штанов, надетых перед визитом курьера, он уже успел избавиться, и теперь стоял передо мной полностью готовый к приему душа.

Я вдруг сообразила, что впервые его как следует вижу. Раньше мне все как-то было не до того... Широкая безволосая грудь, с твердыми даже на взгляд мышцами, поджарый живот, темная полоска волос, убегающая от пупка вниз...

Я поспешно перевела взгляд выше, делая вид, что вовсе и не смущаюсь, а покраснела от горячей воды, да-да!

Он с каменной физиономией (и эрекцией!) шагнул ко мне. Черти во взгляде играли уже не таясь.

— Не...

«Мы не поместимся!», хотела сказать я, но ард уже подпихнул меня крепким бедром и втиснулся сам.

Что сказать... Помыться нам вряд ли удастся. Между нами не то, что мочалку не просунешь, между нами даже вода вряд ли протечет!

Когда ард начал предпринимать решительные действия в известном направлении, я только пискнула.

— Он не...

«Он для этого не предназначен», — хотела сказать я, но тут ард вошел в меня, и так глубоко, что член, кажется, достал до мозга, отчего высшая нервная деятельность свелась к попыткам не голосить на три этажа, как минимум.

Остатков благоразумия хватило на то, чтобы заткнуть себе рот, впившись во вкусное плечо, вогнать ногти ради устойчивости (и только ради нее!) в горячую мокрую спину — и все.

Разум откозырял, передавая управления рефлексам и инстинктам, и мне стало наплевать на все, кроме ощущения тугой плоти, движущейся у меня между ног.

Когда в стену заколотили, я могла бы сказать: «Я же говорила!», но я не говорила.

— Ли! — надрывался противный склочный сосед за стеной. — Если твой хахаль развалит душ, чинить будешь за свой счет!

Ард поднял голову в сторону звука:

— А если ты не заткнешь пасть, то я и тебя от башки до задницы развалю! — низкий рык растекся по помещению, и затих, оставив ощущение мурашек на моей коже.

Когда прошло несколько секунд, а сосед так и не посмел подать голос, вняв на диво убедительной угрозе, ард перевел взгляд со стены на меня, и уверенно, так по-хозяйски, толкнулся вновь, что я только тихонько всхлипнула, без слов умоляя его продолжать.

Душ я покинула нескоро — мой гость уже ушел, а я еще долго отмокала под горячей водичкой, нежась и приходя в себя, и вышла из него довольная, расслабленная и в состоянии, близком к нирване.

Руки-ноги налились приятной тяжестью, в голове блаженно звенело, обессиленное тело то ли шло, то ли плыло, и в пространстве меня вели не банальные пять чувств, а божественная интуиция, наверняка. Потому что ничем другим мне не объяснить, как я ни во что не впилилась. Миновав, не иначе как чудом, углы и предметы мебели, я пришла на собственную кухню, и там меня ждало потрясение. Просто удар под дых, в самое уязвимое место женской души.

Ард готовил.

Одеться при этом он не посчитал нужным, и поверх темных трусов-боксеров на нем был только мой кухонный фартук, завязанный абы как на бант. Лямки банта небрежно свисали на крепкую задницу. Вот на эту-то картину я и уставилась, чувствуя, как меня покидают остатки разума и адекватности. Здравый смысл проскользил взглядом по мужским ногам (Ровным! Матка боска, да они у него ровнее, чем у меня!), по шикарной

широкой спине, и стек в обморок куда-то в промежность, обрушившись прямо на либидо, которое мирно спало, полностью удовлетворенное, но под этим грузом снова заворочалось.

Умопомрачительный запах жарящегося мяса наносил по моей ранимой девичьей психике последний добивающий удар... Судорожно сглотнув, я поплотнее завязала поясок банного халата.

Держи себя в руках, Ли! Помни: он тебя имеет — ты его кормишь, а никак не наоборот!

Неверным шагом я прошла к любимому месту за столом и села. Ослабевшие ноги не держали.

Сбоку ард выглядел ничуть ни хуже, чем со спины: гордый профиль, сосредоточенное выражение лица человека, творящего колдовство...

Меня бросило в жар, нестерпимо захотелось обмахнуться... Держи себя в руках, Линетт!

Горяч, мерзавец!

На стол передо мной опустилась тарелка, а на нее сверху уверенно шлепнулся здоровенный кусок мяса. Ароматного. Истекающего нежным соком.

Я сглотнула, провожая взглядом мужские руки, ловко орудующие ножом и лопаткой...

Извращенка Линетт Келли! Держи себя в руках! Взгляд — в тарелку, и ешь свое мясо!

И, ради всего святого, постарайся молчать!

А если это не в твоих силах, то говори о чем-нибудь безопасном.

Ард шлепнул второй стейк на тарелку, ступней подцепил спрятанный под стол ради экономии пространства стул и, оседлав его, невозмутимо принялся за еду.

— А чем от тебя пахло? — сдалась я, поняв, что неверно оценила меру своих возможностей, когда приказывала себе есть молча. — В лифте и раньше, на улице?

Ард, деловито орудовавший столовыми приборами, хмыкнул. Во взгляде, который он на меня бросил, мелькнуло и спряталось веселье.

Я свирепо сверкнула глазами на насмешника и сходила за терминалом. Устроилась на своем месте, и демонстративно, с видом «не очень-то мне и нужны твои пояснения», собралась искать ответ в сети. Покачав головой на мою неугомонность, нечаянный гость сжалился, и признался:

— Феромоны. Это защитный механизм моей расы. Когда ард оказывается в состоянии энергетического истощения, в присутствии потенциального энергетического партнера наша эндокринная система

начинает вырабатывать их в бешеном количестве, провоцируя у потенциального донора выброс половых гормонов. Это аварийная система, она не работает, когда энергетический баланс в норме, — он улыбнулся мне то ли извиняюще, то ли сочувственно. — И мы не можем запускать ее сознательно. Так что, не переживай — никто не воспользуется тобой, ввергнув в пучину страсти против воли.

На эту фразу я оторвалась от стейка, который увлеченно ковыряла под познавательную лекцию, и вытаращила глаза на рассказчика.

Где он подцепил эту фразочку?!

Ард шкодливо улыбнулся, довольный произведенным эффектом, и я демонстративно закатила глаза. А про себя подсадовала — ну надо же мне было так легко повестись на подначку!

— Кстати, если тебе интересно, по силе отклика можно спрогнозировать, насколько успешной будет энергетическая связка, — невинно обронил он, и я наострила ушки.

Но мерзавец замолчал и вгрызся в свой ужин с таким усердием, что я заподозрила — он дразнится. Хочет, чтобы я начала выспрашивать, успешной ли оказалась связь со мной, и... и...

И не буду я ничего спрашивать! Вот еще! Мне, между прочим, совсем не интересно!

— Так они же ничем не пахнут, феромоны? — спросила я вместо того, чтобы поддаться на провокацию.

— Слушай, тебе правда так важна химия этих процессов? Просто я сам не очень в теме, я, как бы это сказать... практик, а не теоретик!

Я кивнула с умным видом и сунула в рот кусок мяса.

...умру от любопытства — будет знать!

Так я и сидела, разрываясь между любопытством и желанием сохранить образ взрослой независимой женщины, и, вполне возможно, все же позорно проиграла бы этот бой, когда терминал пискнул, оповещая о входящем сообщении.

Я разблокировала экран. Сообщение пришло на почту — и я не глядя ткнула «удалить», все равно на почту идет один спам. Но внезапно, вместо того чтобы бесследно сгинуть в недрах почтовой корзины, сообщение открылось, мелькнули и стремительно исчезли одно за другим несколько системных сообщений, а потом гаджет добросовестно отобразил значок загрузки.

Что-о-о?!

Что за?..

Что он мне грузит?!

Я торопливо ткнула в иконку отмены, еще раз, и еще — но чертов сюрприз не реагировал. С придушенным писком я дернулась выключить устройство, но вмешались непредвиденные обстоятельства.

Честно, вмешательства арда я реально не предвидела.

Выдернув терминал у меня из рук, он мазнул взглядом по экрану, и не успела я обрадоваться, что пришел сильный мужчина и сейчас спасет деву в беде, как предполагаемый спаситель просто переложил гаджет на другой край стола.

Подальше от меня.

А когда я попыталась вмешаться и забрать свою вещь назад — просто досадливо отвел мою руку.

Я, успевшая привстать, чтобы дотянуться до любимой игрушки в металлическом темно-синем корпусе, озадаченно плюхнулась на свое место.

Ну и как это понимать?..

Невозмутимая физиономия арда как бы намекала — а никак не понимать!

Он жевал мясо, поглядывая на терминал, и явно не собирался ничего объяснять. А когда тот пискнул, оповещая, что ему было трудно, но он справился, мужчина просто забрал устройство и вышел из комнаты.

Ой, подумаешь! Не очень-то и хотелось!

И вообще, это дешевое жилье эконом-варианта, тут слышимость такая, что захоти я, уж нашла бы способ услышать, о чем он сейчас разговаривает! Так подумала я, но не двинулась с места.

Доставать по мелочи нахала, свалившегося мне на голову (хотя, не совсем, конечно, на голову...) — это одно, а всерьез совать нос в дела спецслужб... Оно мне надо? Определенно, не надо.

Он вернулся быстро, когда я еще лениво ковыряла свою порцию. Больше в меня не лезло, но бросить кусок недоеденным совесть и жадность не позволяли.

— Как они тебя нашли? Да еще на моем устройстве... — без особого интереса полюбопытствовала я.

Гораздо больше меня интересовало, лопну ли я по швам, если попытаюсь-таки доест?

— Проще простого, — улыбнулся мужчина, — Как только я воспользовался аварийным способом оплаты, в систему поступил сигнал. Наши отработали платеж и выслали якорь на тот аккаунт, с которого был сделан оплаченный заказ.

— Тебе здорово попадет? — на всякий случай уточнила я, наблюдая,

как ард уверенно приканчивает остатки своей порции.

Не то, чтобы я за него переживала, просто любопытство одолело.

— С чего бы? — хмыкнул он. — Аварийная система на то и аварийная, чтобы ею пользоваться при форс-мажорах.

— А за то, что объявился не сразу? — уже всерьез заинтересовалась я.

— Сразу мне было немножко не до того. Время на восстановление энергопотерь зашито в протокол, рыжая. С момента моей экстренной эвакуации системщики мониторили сеть и ждали, пока я проявлюсь. При данных обстоятельствах, моя обязанность — восстанавливаться, в первую очередь. А во вторую — сидеть на... хм... сидеть ровно, и ждать, пока наши за мной явятся. Еще вопросы?

— Никак нет! — бодро отрапортовала я.

— Вот и хорошо! А то это, вообще-то, секретная информация...

— ...которую ты мне разболтал! — жизнерадостно поддакнула я. — Какая там у вас это статья?

Ага, так я тебе и поверила, балабол!

— Самая страшная. Трибунал, расстрел, колесование...

Вот трепло!

Закатив глаза, я сдалась, сунула в холодильник недоеденный стейк, пристроив тарелку поверх чего-то в вакуумной упаковке, мимоходом ужаснулась тому, сколько же ард жрет, и занялась мытьем посуды.

Все честно, он готовил — я убираю!

Ночь прошла... беспокойно. Насыщенно. Жарко.

Под утро я отрубилась, провалившись в сон, как в колодец, а когда проснулась, арда уже не было. Он отбыл так же внезапно, как и явился, оставив после себя приятную сытую усталость, интересную натертость в чувствительных местах и забитый холодильник.

Когда на следующий день на мой адрес уже знакомый курьер доставил шикарный букет цветов в корзине, я не знала, как к этому отнестись.

Глава 2

— Ты даже представить себе не можешь, сколько их у тебя еще будет, таких мальчиков! — строго выговаривала мне мама, переводя в другую школу, когда в третьем классе я увлеклась «неподходящим» одноклассником, задирой и хулиганом Чейзом Бравзом, но я только рыдала, уверенная, что мама разрушила любовь всей моей жизни.

Права была мама, думала я, тоскливо обводя взглядом макушки своих третьеклашек, склонившихся над учебными терминалами в муниципальной школе города Кронбурга.

С третьего курса всем студентам, претендующим на получение высокого звания «педагог начальных классов» приходилось отбывать обязательную двухнедельную практику, и я тихо радовалась, что мои две недели подходили к концу.

Нет, я неплохо ладила с детьми, да и с обязанностями, в целом, справлялась. И если старшеклассники меня бы сожрали, то для младших классов я была авторитетом, но...

Не тем я мечтала заниматься всю жизнь. И чем дальше, тем чаще я думала о том, что тогда, три года назад, в спорах с родителями, мне следовало проявить больше настойчивости, не позволить себя убедить и поступить по-своему.

— У вас осталось пять минут, кто готов — может сдавать работу, — объявила я своим подопечным, и они зашевелились усердней, а рабочий терминал пискнул, оповещая о входящих файлах.

Я скосила глаза — внутренняя сеть мигала циферкой «три». Значит, осталось получить еще двадцать две работы.

Таймер экране на учительского терминала обнулится, и я, вздохнув, объявила:

— Все, ребята, время истекло, сдайте, пожалуйста, ваши работы.

Через несколько дней после эпохальной встречи с ардом, мой терминал порадовал меня входящим сообщением: «На ваш счет зачислен платеж». Мучимая безденежьем и любопытством, я немедленно сунула нос в банковский личный кабинет и впечатленно присвистнула: даже без стипендии и подработок поступившей от министерства суммы мне хватило бы на год, если жить экономно и не позволять себе излишеств.

Дождавшись, пока отстающие отправят свои работы, подтвердила окончание урока и система выгрузила все сегодняшние материалы в

хранилище. Выйти из учетной записи, выключить терминал...

Последний на сегодня урок закончился, и жизнерадостные третьеклашки, счастливо гомоня, собирались домой. Я занималась тем же, но задумчиво и неспешно. Подождала, пока галдящая стайка вылетит из кабинета, беглым взглядом проверила, не отстал ли кто — и вышла вслед за ними.

В коридоре дети переходили под опеку дежурного воспитателя, а мои обязанности можно было считать законченными. Попрощавшись с дежурной, ответив на дюжину «до свида-а-анья, мисс Келли!» я, наконец, отбыла домой.

И можно было бы воспользоваться муниципальным транспортом, благо, остановка аэробуса в двух шагах от школы, но после дня в помещении с активными детьми мне хотелось пройтись, чтобы глотнуть свежего воздуха и одиночества. Условно, конечно — откуда бы им взяться в центре города?

Деньги от военных пришли с обтекаемой формулировкой «по социальному контракту номер джи-48-739», которая была удобна тем, что могла обозначать просто все, что угодно, от помощи старушкам в свободное время до продажи тела для посмертных исследований — видимо, государство трепетно относилось к праву энергетических доноров на неразглашение данной информации. И в тот же день мой терминал просто атаковали разнообразные сообщения. О предоставлении права на льготное медицинское обслуживание в соответствии с социальным контрактом джи-48-739, о постановке на учет как потенциального донора, внесении в реестр и присвоении личного номера, о предоставлении мне налогового вычета в соответствии с...

Были еще какие-то сообщения, но мой мозг взорвался, хоть я честно старалась разобраться. Энергетическим донорам предоставлялся жирный социальный пакет, и система работала четко и без сбоев — гражданские службы разве что во фронт не вставали, не желая связываться с военкой. Я только головой качала, дивясь подобной оперативности.

Пытаясь выяснить, какие именно блага просыпались на мою голову от государственных щедрот, я основательно порылась в сети, и как-то случайно, незаметно от насущных вопросов переползла на поиск информации про ардов.

То ли без сознания я была, то ли поисковик меня попутал...

Тут дело пошло веселее — я хотя бы понимала не одно слово из десяти, как в налоговом законодательстве. Да и вопрос вызывал во мне живейший интерес.

Информации было много. От сетевых баек (вроде той, где девушке какой-то Неукротимый Воин в официальной форме предъявил неотъемлемое право, а она забеременела, стала жаловаться и требовать пособия на ребенка, начались разбирательства, и выяснилось, что никакой это был не ард, а половой извращенец, а Неукротимые Воины на Изнанку вообще под временной стерилизацией идут — во избежание подобного рода казусов) до официальной информации из вполне компетентных источников.

В случае опасного энергетического истощения, арда «выдергивает» с изнанки к ближайшему наиболее подходящему донору. В сети имелась куча исследований, посвященных тому, как именно природная защитная система ардов определяет подходящность объекта, но все они, в целом, сводились к тому, что предсказать, кого именно выберет истощенный Воин, невозможно. Зато исследователи точно установили, кого не выберут — «объекты» с пониженным эа-полем. Ардовский встроенный «радар», нацеленный на восполнение энергии за счет этого поля, их с легкостью игнорирует.

Благодаря исследованиям этой особенности ардовской системы самосохранения, из-под воздействия неотъемлемого права вывели замужних женщин, к примеру. Или женщин, состоящих в отношениях, подтвержденным гражданским договором, который, конечно, не брак, но все же чуть больше, чем просто «мы встречаемся». После заключения брака или такого вот гражданского договора, пара обращалась к специалисту для установки специального чипа размером с ноготь, который эа-поле успешно подавлял. Человеку от подобной процедуры никакого вреда не было, а для арда он сразу терял привлекательность как энергетический партнер.

Разумеется, как только были созданы эти чипы, сразу же начались злоупотребления, и нашлись умники, предлагающие за «разумную плату» вшить такой подавитель поля абсолютно любой желающей даме...

Когда таких ловили (как выяснилось, наличие незарегистрированного чипа выявлял любой медицинский осмотр), и исполнители, и потребители услуги огребали сумасшедшие штрафы и понижение социального статуса. Изюминкой на торте были исправительные работы. В случае прорыва с Изнанки, нарушителям ардовского права вменялось в обязанность участвовать в ликвидации последствий. Неконтролируемые прорывы у нас случались не то, чтобы часто, но зато военные вместе со спасателями и другими гражданскими службами регулярно, раз в год примерно, устраивали прорыв плановый. У одних учения, у других отработка

действий при чрезвычайных обстоятельствах и подготовка населения, а третьим надо на что-то списать потыренные бюджетные деньги.

После таких «учебных прорывов» оставались разрушенные дома, развороченный асфальт, оборонительные завалы и баррикады. Вот на ликвидацию этих последствий и отправлялись излишне изобретательные и инициативные граждане. И сделано это было, как мне кажется, не для того, чтобы наказать провинившихся тяжелым физическим трудом, а чтобы воочию увидели, к чему может привести их деятельность. Что может случиться с городом и их жизнями, если какому-нибудь случайному арду не хватит энергии.

Потом я вздумала посмотреть фотографии — в сети их было очень много. С парадов, с учений, с церемоний награждения, с самых разных официальных мероприятий. Рослые мужчины, на которых даже гражданская одежда смотрелась формой и красивые женщины рядом с ними. Вздыхнув, я закрыла вкладку поисковика — чего лишнего раз расстраиваться?

За эти две недели, что прошли с момента получения госпособия, у меня почти созрело решение. Третий курс подходил к концу, оставалась только практика и ее защита, а потом... потом я планировала забрать документы из университета, который выбрали для меня родители, и попытаться ухватить за хвост мечты.

Всю жизнь, сколько я себя помнила, мне удавалось находить общий язык с животными. Остричь на лето пушистую, но нервную кошку? Дать лекарство декоративной собачке? Выгулять здорового кобеля? Я охотно мчалась помогать с любой проблемой. И злобную кошку удавалось задобрить, страдающую от болей и потому капризную левретку пролечить, а огромный и самодостаточный соседский пес послушно шел у ноги, как пришитый, радуясь возможности погулять без дерганья за поводок хозяина и сюсюканья хозяйки. Лет с четырнадцати ко мне обращались соседи и знакомые, когда им с домашними питомцами требовалась помощь. А с пятнадцати — знакомые соседей и соседи знакомых.

Я была искренне и беззаботно счастлива, и даже нередкие чрезвычайные происшествия, вроде покусов или следов от когтей, не портили мне настроения надолго — я понимала животных, а любимое дело было источником не только положительных эмоций, но и дополнительных карманных денег.

К сожалению, собственных родителей я понимала гораздо хуже, и их решение отправить меня учиться в педагогический стало для меня неприятным сюрпризом.

«Какая ветеринария, о чем ты?» — отмахнулась мама, когда я попыталась протестовать. — «Тебе нужна респектабельная профессия!»
?

Попытки сопротивления, бессистемные и эмоциональные, окончившиеся полным и обидным провалом, гнев, отрицание, торг, депрессия, принятие.

Я смирилась — и вот уже на третьем курсе педагогического университета.

И пусть удовольствия от учебы я не получала, но для перемен созрела только сейчас. После встречи с ардом.

Вообще, я старалась поменьше о нем думать. Запретила себе вспоминать безумный вечер и ночь, и как тяжелое мужское тело вдавливало меня в матрас, а мое собственное вытягивалось в струнку и извивалось от удовольствия, как блестела от пота его кожа, а щетина царапала нежную, чувствительную мою, как хриплое дыхание обжигало, а властная уверенность — заводила.

Не вспоминала чувство юмора и снисходительную терпеливость. Ежик волос и насмешливые глаза. Жадный рот. Шершавые ладони. Старые шрамы, на которые я случайно натыкалась то и дело...

Не думала. Не переживала. Не беспокоилась.

Вот еще! Делать мне больше нечего, что ли? Я не собиралась привязываться к кому-то за одну-единственную ночь.

Не переживала.

И уж точно ночью перед сном не прокручивала в фантазиях происшедшее!

Я хмуро пнула носком «учительской» туфли (классические лодочки, респектабельный каблук, строгий черный цвет) попавшийся под ноги мелкий камешек.

А пропади он пропадом, этот ард!

Ну, сколько можно, а?!

— Мужика тебе надо! — сказала бы на это подружка Клара, если бы знала.

Но она не узнает. И никто не узнает. Желания делиться произошедшим не было абсолютно никакого.

И — спасибо, мужик у меня недавно был! Два дня натертости сходили. Непривычные мы к таким нагрузкам-с!

До дома я так и дошла пешком. Свернула в Ту Самую арку, сердито отчитав себя за неуместные воспоминания, добрела до подъезда и остановилась — потому что у подъезда стояла большая черная машина, и

стоило мне подойти, пассажирская дверь открылась, и из машины вышел огромный, кубообразный мужик в строгом костюме.

— Опаздываете, мисс Келли, — сурово заявил он мне, поглядев на часы.

Отлично. А я и не знала, что у меня нынче встреча назначена! — мысленно отметила я, но промолчала, не сделав ни шага, и даже прикинула, в какую сторону буду драпать, если вдруг что.

Черное авто уверенно пожирало загородное шоссе, вырвавшись из лабиринта городских загруженных магистралей. Шины шуршали по дорожному покрытию, и скорость мягко вдавливала меня в комфортное сидение — водитель спешил, и внедорожник набрал приличную скорость. Я растерянно хлопала глазами, наблюдая, как проносятся мимо обочины, и не могла поверить, что все это происходит со мной.

— Нам нужна ваша помощь, мисс Келли, — сказал мне кубообразный человек.

Нет, сначала было не так.

— Вы должны проехать с нами, мисс Келли, — вот что сказал мне человек, позже представившийся Гектором Честером.

Я бы умерла там же на месте, и сердце мое уже малодушно стекло куда-то в район консервативных учительских туфель, когда это чудовище соизволило показать корочки вооруженных сил Единого союза государств.

— Мисс Келли, ввиду сложившихся чрезвычайных обстоятельств, мы вынуждены требовать от вас исполнения ваших гражданских обязательств.

Я сглотнула. Я почему-то сразу поняла, какого рода они, эти «чрезвычайные обстоятельства»...

И оказалась права.

Рэя Харди я видела один раз в жизни, но от описания состояния, в котором он находился, у меня сжалось сердце. Столкновение на Грани, неизвестная до того тварь, группе офицера Харди пришлось держать оборону до прибытия основного отряда.

— Ситуация критическая, энергопотеря слишком высока, организм тянет энергию из неприкосновенного запаса и сжигает сам себя. Вам придется выполнить обязанности донора.

Я слушала офицера Честера, кусая губы.

— Хорошо. Я... мне нужно собраться.

— Нет времени, — покачал он головой. — Вы можете оставить ключи нашему сотруднику, и он соберет все, что потребуется.

— Нет! — вскинулась я, не желая думать о том, как посторонний человек (посторонний мужик!) перебирает мое нижнее белье и роется в

гигиенических принадлежностях.

Нет уж, лучше перетерплю, а в больнице как-нибудь решу! В конце концов, деньги на счету есть, а медсестры — тоже женщины, как-нибудь договоримся.

— Либо, если вас это не устраивает, просто составьте список, и все необходимое вам предоставят, — позволил себе скупую улыбку мой собеседник.

Лучше б не улыбался, право слово. Ну не с его внешностью нервных барышень успокаивать, не с его!

— Я могу позвонить родным? И университет... у меня практика, мне нужно будет как-то это решить, и...

— Да, конечно. Вы можете общаться с кем считаете нужным, вас никто не ограничивает. — Гектор Честер открыл для меня пассажирскую дверь. — Но по дороге. Ситуация действительно сложная.

Внутри черный монстр оказался просторным, с двумя рядами пассажирских сидений, повернутых друг к другу. Два из шести мест были заняты мужчинами в знаменитой форме с золотыми нашивками. Один постарше, с мощной челюстью и серебристым ежиком волос, второй помоложе, с быстрыми смешливыми глазами и породистой броской физиономией завязанного бабника. Переднее место, рядом с водителем, было свободно, а самого водителя за спинкой его кресла я не рассмотрела.

— Здрасти, — неловко поздоровалась я со всеми разом и нырнула в сумку за терминалом.

Полированная черная дверца чмокнула пневмосистемой — это кубообразный Гектор загрузился, устроился рядом с ардами и закрыл за собой дверь. Монстр на колесах тронулся.

По здоровом размышлении, родителям я решила ничего не говорить. Домой я захожу редко, они ко мне и вовсе не навещают. Если же вдруг соберутся — отговорюсь как-нибудь, а созваниваться мы будем, как и раньше.

Квартирная хозяйка вест о моем непредвиденном срочном отъезде выслушала спокойно, согласилась за умеренную плату навеститься и навести в квартире порядок — приборы от сети отключить, продукты из холодильника забрать и что там еще может понадобиться...

Как решать вопрос с университетом, я не представляла.

— Офицер Честер, — помявшись, решила я. — Мне предоставят оправдательный документ для деканата? Так мол и так, отдавалась вооруженным силам, прошу понять и простить...

В конце концов, он сам сказал, что по всем вопросам я могу

обращаться к нему и, как я поняла, являлся моим куратором на время всей операции.

У серебристого, до того отрешенно созерцавшего виды за окном, дернулся угол рта. Смешливый поспешно отвернулся. Офицер Честер сидел с каменной физиономией. То ли мой легкомысленный и слегка циничный настрой его глубоко оскорблял, то ли он просто чувство юмора потерял где-то при перелете из столицы в Кронбург.

Я мысленно злобно ухмыльнулась, радуясь реваншу за свой испуг у дома и за всю эту неприятную ситуацию, когда меня хватают, срывают с места, куда-то везут... Даже за то, что я переживаю за мужчину, о котором, по-хорошему, переживать не должна.

Возможно, мне не следовало бы цепляться к человеку, от которого напрямую будет зависеть мой комфорт в ближайшие дни, но...

Меня откровенно несло. Я понимала это сама, но не могла остановиться. Гектор Честер мгновенно был назначен мной виноватым во всех вселенских бедах и катастрофах.

— Вы предпочитаете сохранить конфиденциальность информации о сотрудничестве с вооруженными силами или это не имеет для вас принципиального значения? — предельно вежливо уточнил виновник всех вселенских катастроф, по версии эксперта Линетт Келли.

— Конфиденциально, пожалуйста, — в том же тоне отозвалась я.

— В таком случае, ваш деканат уведомят, что Линетт Келли госпитализирована с острым пищевым отравлением и в ближайшие дни на занятиях присутствовать не сможет. Соответствующие документы вам предоставят.

— Фальсификация! — восхитилась я.

— Если вы являетесь приверженцем радикальной честности, то мы можем предоставить вам другую бумагу. Там все будет написано абсолютно честно...

Вопрос с университетом на этом был исчерпан.

Выбрав в телефонном справочнике раздел «Клиенты», я обзвонила тех, с кем договаривалась о подработках, предупредила о внезапном отъезде, извинилась, предложила помочь с подменой. Разослала всем согласившимся контакты знакомых девчонок, занимавшихся тем же, чем и я. Девчонки были надежнейшие — мы познакомились в ветеринарке, которую посещали с подопечными, и дружили уже не один год, подменяя и страхуя друг друга при нужде, так что рекомендовала я их с легким сердцем.

Написала девчонкам в зверобеседку, предупреждая, что уезжаю,

бросая клиентов на произвол судьбы и подруг. Предостерегла того, кто возьмется выгуливать моего любимчика, огромного паравского дога, что он душка, но с ним нужно с почтением. Проблемы с этим парнем начинаются, когда «ты выгуливаешь меня, но делаешь это без должного уважения».

Беседка отозвалась пожеланиями удачной поездки и восторженными смайлами от Клары, требующей оставить «сладкого мальчика» ей.

Я со вздохом закрыла беседку, убрала терминал в сумку, и села, сложив руки на коленях, как примерная девочка.

— Ну, и что мне надо будет сделать? — спросила я кубообразного офицера Честера.

Все трое мужчин посмотрели на меня с удивлением. Я простодушно уточнила:

— Ну, он ведь без сознания? И как я сумею ему помочь?

— Мисс Келли! — проникновенно отозвался вместо Гектора Честера смешливый брюнет, которого, впрочем, никто мне так и не представил. — Ну скажите, зачем ему сознание? В этом деле достаточно спинного мозга и смазки!

— Ух ты! — восхитилась я радостно. — Так вы смазку с собой и на Грань берете?!

Серебристый отвернулся к окну, но мне были видны лучики смешливых морщин в углу глаз, выдававшие улыбку с головой, брюнет взвился, как укушенный (впрочем, почему как? Я ведь даже знаю, кем укушенный!) и только офицер Честер сидел, словно аршин проглотил и смотрел на меня, словно я нанесла ему личное оскорбление.

Господи, ну что за жизнь была у человека, если он так и не научился распознавать шутки?

— Когда придет донор, офицера Харди вернут в сознание и приведут в форму медикаментозно. К сожалению, подобные препараты, как и все стимуляторы, вредят организму, выжигая его резервы, поэтому использовать их без уверенности, что энергозапас арда будет сразу же пополнен, неразумно, — сухо отчитался мой несчастный куратор.

Хм... Может, ему чувство юмора хирургическим путем ампутировали? Или он до меня только пламенных патриотов сопровождал, и у них дурацких вопросов не было?

Бедный — у меня-то их есть!

Я доверчиво взглянула на офицера Честера.

Офицер Честер смотрел на меня бесстрастно, но жажду крови на его лице я и сама прекрасно дорисовала, у меня богатое воображение.

Внедорожник свернул с шоссе, и прямо по курсу показалось здание

аэропорта.

Что ж, до столицы лететь два часа, я успею озвучить весь список.

Самолет оказался вовсе не рейсовый, а маленькая частная машинка. Стояла себе скромно на дальней полосе и терпеливо поджидала пассажиров. Летать до этого мне не приходилось вовсе, разве что городским аэробусом, так что я всю вертела головой, наблюдая, запоминая и впитывая свежие впечатления...

Удобные кресла, тесный, но уютный салон, улыбчивая стюардесса с указаниями.

Нервное волнение перед взлетом, бетонная лента полосы, улетающая назад, момент перегрузки — заложенные уши и вжатое в кресло тело.

Когда мои спутники, дисциплинированно пристегнувшиеся по команде проводницы, синхронно щелкнули пряжками, я тоже расстегнула ремень.

Обвела их взглядом — смешливый брюнет устроился рядом со мной серебристый сидел напротив, и созерцал в пейзаж за стеклом иллюминатора, а мой куратор постарался устроиться от меня подальше, по диагонали, но не преуспел. В таком тесном салоне дистанцию толком не разорвешь!

Ну-с, приступим.

— Скажите, офицер Честер, а разве у Рэя Харди нет своей девушки?

Во взгляде Гектора Честера промелькнула смертная тоска. Черная, с прозеленью. Или зеленая, с чернением — но все равно, очень безнадёжная.

— Мисс Келли...

— Нет, я не понимаю! А мне важно понять! — и, чувствуя, что офицер вот-вот сдастся, добила: — Нет-нет, я не могу работать в таких условиях!

И Гектор Честер сдался.

— У офицера Харди есть постоянный энергетический партнер, но в данный момент она в отъезде, и потому было принято решение везти к пострадавшему наиболее энергетически успешного из двух доноров.

— А почему только двух? — мгновенно ухватила я за реплику, сделав себе пометочку на память.

Выходит, я — «более успешный из двух доноров», — подумала я под нудные объяснения офицера Честера. И тут же мелькнуло воспоминание — моя крохотная квартирка, кухня, Рэй Харди, насмешливо блестящий глазами и разделяющий стейк... Как там он говорил? «По силе отклика девушки на феромоны можно спрогнозировать, насколько успешной будет энергетическая связка».

Успешная, выходит, оказалась связка...

— Вы слушаете, мисс Келли? — едко уточнил офицер Честер.

— Да, конечно! — бодро откликнулась я. — Вы сказали, что в случаях, когда система воина существенно ослаблена, наиболее качественной оказывается уже состоявшаяся связка, со знакомым и желательно недавним партнером, потому что...

Я вздернула брови, глядя на офицера вопросительно — до сюда он еще не договорил, а сама мысленно возблагодарила три года студенчества, научившие меня неоценимому навыку — не терять мысль лектора, даже думая о своем.

— Потому что, так сказать, первичная «калибровка» и настройка ваших энергопотоков друг на друга уже была произведена и не успела расшататься, — сурово закончил куратор.

Он явно надеялся, что я, пойманная на невнимании, смущенно отстану.

Да конечно! Я бы, может, и отстала, но у меня имелось еще полное лукошко вопросов.

— А отчего офицера Харди не выбросило с Грани к подходящему донору, как в прошлый раз?

Ответил мне на этот раз серебристый. Он говорил, аккуратно подбирая слова, и мне вдруг стало как-то... жутко, что ли? И отчаянно не хотелось знать, что там, на Грани, произошло. Но поздно, я уже задала вопрос, и серебристый уже рассказывал:

— Экстренная эвакуация — это один из многих механизмов самосохранения, свойственных нашей расе. В момент, когда пребывание на Грани становится затрудненным из-за сниженного уровня энергии, срабатывает нечто вроде встроенного пеленга. Он находит в мире наиболее подходящего энергопартнера конкретному арду именно в данный момент, каким-то неизвестным образом считывая данные об объекте, и как бы «якорит» его. При этом учитывается множество параметров: от логичных, вроде того, что объект должен быть один, до необъяснимых. Потом между ардом и донором натягивается, образно говоря, струна. Хотя больше это похоже на растянутую пружину или эластичную нить, которая сокращается и выдергивает воина к донору. Ни объяснить, ни повторить механизм этого процесса никто пока не может, хотя исследования ведутся, — он скупно улыбнулся мне, и я послушно кивнула, поняла, мол.

А седой продолжил:

— Это все происходит хоть и быстро, но не мгновенно. И бывает, обстоятельства складываются так, что воин слишком быстро теряет большое количество энергии. Иногда — в результате атаки твари или

полученной раны, иногда — слишком вложившись в свою собственную атаку. И тогда на формирование струны энергии просто не хватает. Рэю повезло, мы подошли быстро и успели отбить его раньше, чем... Чем ему были нанесены физические повреждения.

Я оценила деликатность. Он явно имел в виду что-то вроде «раньше, чем его начали жрать».

Чертова Изнанка! Чертовы твари! Я судорожно искала тему, на которую можно перевести разговор, заслонить ею тень того страшного, отчего мне так отчаянно хотелось спрятаться с того момента, как увидела у своего подъезда черный внедорожник.

— А почему, когда ард берет энергию, у донора ее не убывает? — вспомнила я вопрос, на который не нашла ответа в сети. — Ни переутомления, ни истощения, ни упадка сил...

Гектор Честер вздохнул так, будто его вели на эшафот.

— Мисс Келли, скажите, вот вы тепло выделяете всем телом, — пришел ему на помощь смешливый. — Так?

— Ну... так, — настороженно согласилась я, пытаюсь сообразить, в чем тут подвох.

— А если за вами будет ходить кот, который об вас греется, то есть, ваше тепло использует, много вы от этого потеряете?

— Ага... то есть, вы хотите сказать, что энергия, которую используют арды, мною уже отработана и мне уже не нужна?

— В целом, верно. Но есть нюансы. Если вытягивать слишком много, то можно все же вызвать истощение. Аналогия тут уже будет не с котом, а... — Он задумался, подбирая сравнение. — Как если человека обложить глыбами льда, которые будут греться об него. Можно замерзнуть.

— Именно поэтому, — вмешался куратор Честер, пока я не успела испугаться и устроить истерику в духе «Не хочу-не буду!», — Вам прикрепят медицинский датчик, отслеживающий состояние вашего здоровья и будут внимательно следить за показаниями. Не пугайте девушку, — попросил он своего соседа. — Состояние Рэя Харди не настолько серьезно, чтобы существовала угроза здоровью донора.

А потом он пояснил уже для меня:

— В подобных случаях никто просто не взял бы на себя ответственность привлекать гражданское лицо. Всегда есть контрактные доноры, получающие за свои услуги весьма приличное содержание и социальные гарантии.

Все же, куратор Честер — мужик. Я бы на его месте уже вовсю пугала донора возможными последствиями и страшными муками, чтобы сидела

молча и боялась, не доставая серьезного человека, а этот, смотри-ка, терпит, да еще и успокаивает!

Я благодарно улыбнулась, и решила, что все — последний вопрос, и дальше молчок! Очень уж мне любопытно было.

— Скажите, а почему офицера Харди мои соседи не заметили? — спросила я и непроизвольно насторожилась, когда серебристый, про которого я успела почти забыть, вдруг повернулся в мою сторону.

И сразу стало заметно, что вовсе он не серебристый, а седой, полностью седой, а еще — какой он огромный, и массивный, и сейчас, когда концентрированное внимание арда было направлено на меня, от его присутствия становилось попросту жутко. Смешливый же, до того вольно раскинувшийся в кресле, вдруг отвернулся и уставился в иллюминатор с невинно-незаинтересованным видом.

— Ну и что это означает? — с вызовом спросила я, не понимая, чем спровоцировала подобную реакцию.

— Клизму это означает. Ведерную, чтобы мозги промыло, — проворчал серебристый, выходя из режима «всех убью, один останусь», и становясь тем, кем мне изначально показался — спокойным, основательным и уравновешенным мужиком.

— Согласно инструкции, при аварийном выбросе с Изнанки, воины-арды должны переходить в режим жесткой энергетической экономии. Но наши же балбесы благородные. Они ж не могут скомпрометировать бедную девушку перед соседями!

На этих словах я начала сдавленно хихикать — судя по реакции смешливого, подобным и впрямь грешили все арды, и тем ввергали свое суровое начальство в печаль.

И в седину, возможно, тем же самым ввергали.

— Словом, этот обалдуй из последних резервов поставил маскировку, и тем самым абсолютно бессмысленно нарушил два пункта устава, приказ командования и мое личное устное распоряжение.

— Вот вы хихикаете, мисс Келли, — проворчал темноволосый ард, — А между прочим, если бы Рэй не закрылся, вы бы стали предметом обсуждений номер один. Вам бы это понравилось?

— Не очень. Но... простите, как к вам обращаться?

— Дэниел Коргс, — буркнул он, явно задетый моим отношением к благородным порывам ардовской души.

— Так вот, мистер Коргс, мне бы это не очень понравилось, — с достоинством продолжила я. — Но у меня, чтобы вы знали, есть рот. И я умею им орать!

И, насмешливо глядя прямо в глаза арду, завершила свою мысль:
— Так что нет, болтливых соседок я не боюсь.

Глава 3

Самолет оказался в воздушном пространстве столицы даже не через два часа, как я ожидала, а примерно через полтора. Я успела съесть ужин, принесенный улыбчивой девушкой, посидеть в сети в поисках информации, сыграть сама с собой в онлайн-игру...

И вот уже спускалась по трапу, внизу у которого ждал черный внедорожник — брат-близнец того, что вез нас в Кронбурге.

Я загрузилась в него со смешанными чувствами. Кажется, меня наконец-то накрыл мандраж.

Стараясь дышать ровно и глубоко — так, чтобы выветрить из головы лишние мысли, я смотрела в окно, и ничего особо не видела. Столица проносилась мимо — и оставалась вне поля моего внимания.

Опомнилась я, только когда автомобиль замедлил ход, да и то скорее от удивления. Я ожидала, что меня привезут в медцентр, а тут... Явно обычный жилой дом. Ну, район с виду престижнее, чем у родителей и, тем более, у меня. Но ничего выдающегося...

Я растерянно вертела головой, пытаюсь сообразить, где здесь могут лечить болящих ардов, но долго осматриваться мне не дали.

Подземная парковка, замки, реагирующие на прикосновение личного браслета седого арда, скоростной лифт, лестничная площадка.

Сердце панически ухнуло в пятки, когда серебристый открыл дверь одной из квартир и предложил мне проходить внутрь.

Куда меня привезли, и, главное, что со мной будут делать?!

Беспокойство не успело разрастись до паники. Из недр квартиры выглянула молодая женщина в медицинской форме и окинула нашу скульптурную группу взглядом через открытую дверь:

— Привезли? Молодцы! Чего ждем?

И я почему-то сразу успокоилась — наверное, от этого характерного властно-деловитого тона, каким часто разговаривают с пациентами опытные врачи — и шагнула вперед.

Это действительно оказалась обычная жилая квартира, только в просторной комнате, на столике перед диваном стояли невнятного назначения приборы, над ними был развернут пустой пока трехмерный экран, как в кино о врачах, а на самом диване, застеленном одноразовой стерильной простышкой, лежал небрежно брошенный пучок датчиков.

Я снова остановилась, растерянно обводя комнату взглядом. Пара

кресел, в одном из них, ближнем к дивану, что-то делала молодая девушка в медицинской форме — наверное, медсестра. На ее руках были робоперчатки, похожие на игровые, только без яркого тюнинга. Она чуть заметно шевелила пальцами, сосредоточенно глядя перед собой, на мониторы приборов на столике. От ее манипуляций голографический экран над столом оживал, заполнялся таблицами, которые сменялись столбиками цифр и графиками...

— Парни, на кухню, — скомандовала старшая из женщин. — А ты, Дэн, вообще можешь быть свободен.

Мужчины без возражений скрылись с глаз, и доктор повернулась ко мне.

— Здравствуй, Линетт. Присаживайся. Ты не против, если я так, попростому?

Я с облегчением кивнула и села на указанный диван.

— Я доктор Эдна Лисовец, личный врач офицера Харди. Это Нита, моя медсестра. — Девушка подняла голову от мониторов и бегло мне улыбнулась. — Сейчас мы с Нитой проведем предварительный осмотр, если ты не возражаешь, а попутно просто побеседуем. Если у тебя есть какие-то вопросы — смело спрашивай.

Я не возражала и, пока медсестра, попросив раздеться до белья и уложив на диван, крепила ко мне датчики, воспользовалась любезным разрешением:

— А почему мы не в больнице?

— А зачем? Физических повреждений у Рэя практически нет, пара ушибов и царапин не в счет. Энергетическая оболочка тоже не требует вмешательства и начнет восстанавливаться сразу, как только энергетический баланс восполнится. В таких условиях держать его в больнице — только девушку дополнительно нервировать. — Она легко мне улыбнулась. — Так, Нита, что так долго?

— Датчик соскакивает, — пробормотала медсестра, действительно, долго воевавшая с одним из них, но потом все же, победившая строптивую технику.

— Медосмотр после прошлого контакта, случайно, не проходила?

— Нет, а должна была? — растерялась я.

— Нет, не должна, — успокоила меня доктор. И пояснила: — Ну, а вдруг бы да? Тогда я бы просто попросила у тебя эти данные с медкарты... А теперь расслабься и лежи.

Она чем-то щелкнула, на столе мерно загудело. Осмотр начался, сообразила я, хотя никаких изменений не почувствовала.

Нита взяла с кресла медицинский портативный сканер, и принялась водить им вдоль моего тела, внимательно глядя на экран, пока датчики считывали свою загадочную информацию и отсылали ее доктору Лисовец.

— Тут порядок, — отчиталась Нита, и вставила сканер в гнездо.

С тихим писком он сконнектился с базой и начал передавать медицинскую информацию основному модулю с тем, чтобы после расшифровки заархивировать сведения и переслать их пользователям. В том числе — на мой личный браслет, как лицу, имеющему право доступа.

— Тебя предупредили, о том, как все будет происходить? — уточнила доктор.

— Да, что-то такое мне сказали, про спинной мозг и смазку, — пробормотала я, краснея.

Балда ты, Ли! Надо было не про его подруг расспрашивать, а организационные моменты прояснить!

— Вот придурки, — в унисон со мной вздохнула доктор. — Солдафоны. Все шутики вокруг одного органа вертятся... Да и мысли там же!

Нита рядом со мной согласно хмыкнула, и негромко уточнила:

— Удобно? Ничего поправить не надо?

Я помотала головой — мол, спасибо, все нормально, и повернулась к Эдне Лисовец.

— Сейчас мы закончим осмотр, убедимся, что предстоящая процедура тебе ничем не грозит. Затем я введу офицеру Харди стимулятор, и мы оставим вас одних. После этого у тебя будет от пяти до пятнадцати минут, чтобы подготовиться — и, к сожалению, шутка про смазку — совсем не шутка. Скорее всего Рэй будет... — она помялась, — несколько прямолинеен. Не паникуй, пожалуйста, и не ставь это ему в вину — он сейчас все равно, что без сознания. Пока организм не выйдет из критического минимума, он будет только заниматься сексом, есть и спать.

— Ничего страшного, я его таким и запомнила, — храбро отозвалась я, хотя было мне жутковато. Что нужно сделать с сильным, нахальным и веселым мужиком, чтобы довести его до такого вот?

Доктор улыбнулась и продолжила:

— В таком режиме он будет функционировать, пока энергетический баланс не перейдет нижний критический порог. Сейчас мы закончим осмотр, и я дам прогноз по срокам, когда можно ожидать возвращения сознания, но в среднем в таких случаях можно говорить о неделе, плюс-минус.

Я непроизвольно присвистнула. Как-то не так я представляла себе

жизнь ардов. Как-то повеселее, что ли?

— После этого ты сразу вызовешь нас. Сразу, Линетт, слышишь? У этих героев есть нелепая уверенность, что они титановые, и требования медиков для них — пустяк, не обязательный к исполнению. Поэтому я заранее обращаюсь к адекватному человеку — как только Рэй придет в себя, мне необходимо будет его осмотреть. Так что будь добра, свяжись со мной и не слушай, что Харди будет тебе плести. Просто прими как данность — в этом вопросе он осел.

Я слушала доктора с каким-то даже умилением. Все же, мужчины — это какой-то отдельный биологический вид. При температуре тридцать семь и пять он будет страдать, как умирающий лебедь, зато про торчащий из легких нож способен заявить — детка, это такие пустяки!

Доктор тяжело вздохнула, и продолжила:

— Все это время ты не должна покидать квартиру. Если совсем невмоготу станет, можно спуститься во двор, но это не желательно. Ты можешь понадобиться ему в любой момент, и лучше, чтобы энергия поступала без задержек и проволочек, ибо это чревато разбалансировкой и осложнениями. На экстренный случай, на него надет браслет, который следит за жизненными показателями, и в случае их падения до критических мы сразу приедем. Тебе на эти две недели положен такой же — не возражаешь?

Еще бы я возражала! Я буду заперта минимум неделю с маловменяемым мужиком в чужой квартире! Я истово закивала, выражая свое полное юридическое согласие.

— Когда Рэй очнется, — продолжила доктор, — Он еще некоторое время будет ограниченно дееспособен и привязан к донору — как правило, это та же неделя с небольшими погрешностями. Плюс восстановление. Твой контракт заключен не на конкретный срок, а «на период реабилитации», так что исполненным он будет считаться, когда Харди выздоровеет. А теперь давай посмотрим, что у нас со здоровьем... — промурлыкала доктор, и я дернулась от такой резкой смены тона.

— Ого! Ты в профессиональные кормилицы не думала податься? Отличные показатели.

Я бы дернулась повторно — но Нита снимала с меня датчики, сделавшие свое дело, и я воздержалась. Вид у нее был заинтересованный. Я подобрала свою одежду и стала одеваться.

— У нас предыдущий контакт был когда? Ага, две недели назад. Сейчас, пересчитаю... Нет, все верно. — Доктор, увлеченная своими изысканиями, повернулась ко мне, возбужденно сверкая глазами.

— Смотри, Ли. Реакция на сексуальный контакт с забором эа-энергии (которой и подзаряжаются арды) бывает двух типов. Либо организм реагирует на стресс резким угнетением функции, выработка эа-энергии падает, и плотность поля восстанавливается медленно. Это тип Б, и такие девушки в доноры не годятся, даже если демонстрируют высокую совместимость с конкретным ардом — для их здоровья на постоянной основе это будет просто опасно. А вот у типа А забор энергии стимулирует усиление нужной функции, и плотность эа-поля восстанавливается быстро и без ущерба для организма. Так вот, судя по следовым показателям, у тебя даже не усиление, а скачок — да такой, что сейчас у тебя плотность поля даже выше, чем до забора! По сути, это идеальные показания к карьере эа-донора. А у тебя еще и совместимость высокая... — она зарылась в данные, быстро и уверенно манипулируя перчаткой. — Да и вариабельность должна быть отличная. Если хочешь, я твои гормончики погоняю по тестам, и рекомендации напишу?

— Нет, спасибо! — ответила я со смешанными чувствами.

Вроде бы и гордость за родной организм берет, и к доктору благодарность чувствуется, но перспективы как-то все равно не манят.

— Я, пожалуй, от эа-карьеры воздержусь!

Медсестра мазнула меня заинтересованным взглядом, а доктор хмыкнула:

— Ну просто знай, дело это нехитрое, платят хорошо, социальных гарантий отсыплют на всю жизнь. Так что если надумаешь, то не тяни — после тридцати в соискательницы не берут, даже твои выдающиеся данные не помогут.

Я фыркнула — подумаешь!

А раненько, как я посмотрю, у кормилиц профнепригодность наступает...

— Так, сейчас берем кровь, решаем вопрос с контрацепцией, и все, ты готова. Ты как предохраняешься?

— Воздержанием, — буркнула я, смутившись.

— Значит, ставим чип, — невозмутим отозвалась доктор Лисовец. — Это на год. Имей в виду, стрессы и нагрузки могут сократить срок жизни чипа, к концу года поаккуратней. А лучше — не дотягивай и замени через десять месяцев. Во-о-от, умница, молодец, терпи! Отлично! Вот и все. Нита, зови вояк, скажи, мы готовы!

Вся процедура, не слишком приятная, но и не смертельная, заняла секунд тридцать. Кровь доктор взяла у меня сама, и когда подошли арды и куратор, я действительно уже была готова.

Договор. Объяснения моих прав и обязанностей — до того нудные, что тоска берет. Формальный вопрос — вам все понятно? Мое согласие. Моя подпись на контракте, и три подписи ниже — серебристого, куратора и доктора Лисовец.

— Все, парни, на выход, — скомандовала Эдна, а у меня сердце оборвалось и нервно сжался желудок.

— Если вам что-то понадобится, мисс Келли, номер моего терминала есть в вашем договоре. Просто загоните его к себе в память, и звоните в любое время, когда я вам понадоблюсь, — сказал куратор.

Я кивнула, и дверь за мужчинами закрылась, отрезая от меня кубообразную фигуру Гектора Честера, серебристую макушку Брайана Мелкора и широкую улыбку Дэниела Коргса.

Стало почему-то страшно, наверное, от наконец-то пришедшего понимания, что это все не шуточки и всерьез, и, более того — вот-вот начнется.

— Ванная здесь, — негромко сказала мне доктор, указав на дверь. — Там есть все необходимое. Готовься.

Все ясно! Готовиться! Я улыбнулась ей бодрой ненатуральной улыбкой, и пошла в ванную.

А как готовиться-то?

Ванная у арда оказалась просторной, не чета моей обувной коробке на съемной квартире. Светлый кафель, интерьер, тщательно созданный дизайнером — стильный, эргономичный... Я повертела головой, пытаясь сообразить, что от меня требуется, и уже хотела выглянуть и уточнить, что имела в виду Эдна, как зацепилась взглядом за халатик висящий на вешалке.

Явно новенький, холодного голубого цвета, похожий на те, одноразовые, которые выдают в элитных салонах красоты и дорогих клиниках... На полочке рядом с ним стоял пузырек с полупрозрачной жидкостью. Я протянула руку: так и есть. Та самая смазка.

Что ж, логично. Теперь, по крайней мере, ясно, что имелось в виду, подумала я, сбрасывая одежду на пол неряшливой горкой и вступая в душевую кабину.

Душ я приняла быстро, не стараясь оттянуть неизбежное сверх меры. В конце концов, тани — не тани, а выполнить условия контракта все равно придется.

Упаковка со смазкой выглядела безобидно: нарядная, розовенькая... Тяжело вздохнув, я взяла ее, решительно открыла крышечку, и...

Состав! Точно, я ж состав не прочитала! Торопливо закрыв пузырек, я

повертела его, и вперилась взглядом в этикетку.

Хм... «Силиконовая, ароматизированная, гипоаллергенная». Спасибо вам, арды, за заботу!

«Согревающая». Да я как бы это... В процессе не мерзну...

«После полового акта смыть». Вот спасибо, а то сама бы я не догадалась!

«Наносить на участки, подвергающиеся трению во время полового акта». Логично.

Ладно. Убедили. Наносить — так наносить!

Не давая себе времени струсить, я налила немного многострадальной смазки на ладонку, и поднесла к половым губам. Осторожными, глядящими движениями размазала гель по нежной коже, прислушиваясь к собственным прикосновениям, стараясь вызвать те самые, возбуждающие ощущения... Получалось так себе.

Мягкими, ласкающими касаниями я проникла пальцами внутрь, осторожно двигая ими, чувствуя, как проявляется внизу живота обещанное тепло...

Я смыла смазку с рук, чувствуя, как она приятно согревает кожу. Накинула халатик, завязала пояс. Подумала — и выдавила немного смазки себе на ладонь. Растерла.

Хотела было смыть, и попросту взять с собой пузырек, но застеснялась доктора Эдны и Ниты, и оставила все как есть.

Ну, ни пуха тебе, Ли!

Я открыла дверь и вышла из ванной.

Доктор мягко, ободряюще мне улыбнулась, держа в руке шприц с препаратом, и первой вошла в комнату с деликатно прикрытой дверью.

Рэй Харди лежал на кровати — большой, просторной. Назвать ее «двухспальной» было бы существенным преуменьшением.

Доктор быстро и уверенно ввела арду препарат и ушла из комнаты, предварительно напомнив:

— У тебя примерно десять минут. Мы с Нитой ушли, но будем в минутной доступности. Если что — вызывай.

И меня оставили наедине с бессознательным ардом. Через несколько секунд хлопнула и входная дверь.

Я посмотрела на Рэя. Расслабленное тело, вытянутые поверх простыни руки, яркий силикон медицинского браслета на левой, особенно контрастный на смуглой коже...

Острая жалось кольнула в сердце, и я строго приказала себе отмахнуться от нее — с чего бы его жалеть? Он жив, а скоро будет и

здоров, и все будет хорошо, а лишняя жалость — она и впрямь, лишняя!

Я аккуратно потянула с него простынку, и откинула ее в сторону. Осторожно опустилась на кровать рядом с ним — почему-то меня не покидало ощущение, что грубое движение может причинить ему... боль, что ли?

Глупости, конечно.

Но этого человека, привыкшего быть сильным, было мучительно жалко сейчас.

За эту неподвижность. За беспомощность — даже передо мной. За отсутствие выбора.

Я приподнялась над ним на локте, и легонько поцеловала в плечо.

А потом протянула руку, и коснулась мужской плоти, легко провела ладонью, размазывая по члену нагревшуюся до температуры моего тела смазку — и улыбнулась, ощутив его отклик.

И правда, что ли, сознание для этого дела не нужно...

Я обхватила ладонью его член, провела по нему сверху вниз, от головки к основанию, растирая смазку, и чувствуя, как быстро наступает эрекция и он наливается силой, как под бархатистой кожей перекачивается горячая твердость. Смотрела, широко распахнув глаза — и, кажется, возбуждаясь от зрелища собственной ладони на мужской плоти.

Ты извращенка, Линетт Келли, сказала я самой себе, зажмурившись, и тут же снова открыла глаза, потому что... Потому что с закрытыми глазами все это — яркое, стыдное, волнительное — ощущалось еще ярче.

Хоть смотри, хоть не смотри — а беспомощное мужское тело, полностью находящееся в твоей власти, действовало головокружительно. Мурашки возбуждения пробежали снизу вверх, от увлажненной смазкой промежности к соскам. Они, ставшие обостренно чувствительными, терлись о ткань халатика, и между ног стало горячо не только от согревающего лубриканта...

Я отвернулась от него только на минутку, отвлеклась снять забытый халат, а когда потянулась бросить его на тумбочку — сзади меня сгребли в охапку.

Я испуганно охнула, неизвестно чего ожидая, но широкая ладонь смяла мою грудь — грубовато, но приятно. Еще миг — и я оказалась на спине, а массивное тело навалилось сверху, загородив свет. Колено втиснулось между бедер, и я послушно развела ноги, а в следующее мгновение гладкая головка коснулась припухших, возбужденных половых губ, член толкнулся раз, другой, а на третий вошел в меня, скользнув легко, глубоко, сразу — до упора.

Я замерла, отпуская прочь страх грядущей боли и дискомфорта, которых так и не наступило, и смаковала этот первое проникновение — горячее, твердое... Своевременное.

Хорошо!

Расслабились рефлекторно поджатые мышцы живота, и я чуть согнула напряженно выпрямленные ноги, упираясь ступнями в постель, разводя колени шире.

Толчок!

Толчок, толчок, толчок — мерный, монотонный, как будто во мне не возбужденный мужчина, а двигался размеренными движениями странный механизм.

Я осторожно, боясь сбить его с настроя, приподняла таз, ища наиболее приятный для себя угол проникновения. Закусила губу. Всхлипнула.

Прогнулась так, чтобы ствол его члена касался клитора, лаская скольжением. Сжала внутренние мышцы, легко подаваясь ему навстречу...

Рэй двигался, и я кусала губы. Впивалась пальцами в простынь, чувствуя, что вот-вот, еще немножечко, чуточку, и вот уже оно...

Я почти поймала свой экстаз, когда ард судорожно толкнулся и замер, ломая мой ритм. По его спине пробежала дрожь, я ощутила, как разливается во мне горячее семя и закусила кулак, чтобы не закричать или не стукнуть арда от разочарования. А Рэй обмяк и навалился на меня всей тушей — чтобы, впрочем, тут же откатиться в сторону.

И отрубиться.

И это все?!

С трудом сдерживаясь, чтобы не зарычать, я смотрела на расслабленное тело.

Жалость моя исчезла без следа.

Я с досадой откинулась на постель.

В крови кипело, бурлило возбуждение.

Зло пихнув ногой бревно по соседству, я сдалась, и моя рука скользнула меж ног, пальцы проникли внутрь, а основание ладони надавило на клитор. Я замерла, ловя правильное положение, восстанавливая в памяти ощущения — и в несколько движений ладони подарила себе разрядку.

Расслабленно лежа на кровати, я думала о том, что все оказалось не так уж страшно.

И даже, в некотором роде, приятно.

На лежащего рядом арда я старалась не смотреть — чтобы не задушить его подушкой, к чертям собачьим.

Глава 4

Когда я выбралась из спальни, чтобы посетить ванную, а затем и кухню, то первое, что меня впечатлило и удивило, это тишина. Внутрь не проникали уличные шумы, а из соседних квартир не доносилось звуков — свидетельств разумной жизни. Не бормотали гало— и видеопанели, не громыхала музыка, даже гудения скоростных лифтов и хлопанья дверей — и того не было слышно. Из любопытства я открыла окно и высунула нос на улицу.

Все в порядке, поздний вечер как поздний вечер — от трассы неподалеку неся уверенный шум двигателей, жизнерадостно и ритмично доносилась музыка из какого-то увеселительного заведения на соседней крыше, и в такт ей подмигивали лучи цветомузыки, а сверху, с небес, то и дело долетал бодрый рокот вертолетов.

Я вздохнула, и закрыла окно, отрезая себя от ночной прохлады и запахов.

После. Потом, как все закончится, можно будет разрешить себе задержаться на пару дней, и просто погулять по городу, знакомясь со столицей, и может быть, даже наведаться в парочку заведений вроде того, что разбрасывало сейчас снопы разноцветных лучей в темное, ночное уже небо. А сейчас у меня другие дела.

Мысленно похихикав над тем, как, должно быть, арда покорило вторжение соседей в его частное пространство — после его-то привычки к тишине и конфиденциальности — я пустила воду заполнять огромную ванну, старательно игнорируя батарею пузырьков, баночек и тюбиков на полочке, явно принадлежащих предшественнице. Подняла с пола свои вещи и закинула их в навороченную стиральную машину, с панелью управления как у космического шатла. Потом заглянула в холодильник, который кто-то предусмотрительный заботливо заполнил полуфабрикатами, на некоторых стояла сегодняшняя-вчерашняя дата изготовления, и успокоено выдохнула — значит, точно для меня.

В гостиной царил порядок, нарушаемый разве что сдвинутыми с мест креслами, и не было никаких иных свидетельств того, что недавно здесь был развернут медицинский штаб в миниатюре. Я вернула кресла туда, где они должны были бы, по моему мнению, стоять, подавила любопытство, подмывающее как следует изучить территорию, и вернулась в спальню.

Рэй по-прежнему спал, вольно раскинувшись на животе и обняв

подушку. Тяжело вздохнув, я укрыла его давешней простынкой, нашла у него в шкафу чистую футболку, и пошла в ванную, радуясь возможности в кои веки принять именно ванну, а не ополоснуться под душем.

Горячая вода приятно расслабляла и успокаивала — то, что мне было нужно после этого сумасшедшего дня с его непредсказуемыми поворотами. Только сейчас я осознала, в каком жестоком подсознательном напряжении я его провела — и теперь блаженствовала.

Стресс уходил, смываемый с меня вместе со всеми переживаниями, и подняло голову неукротимое, вечное, живучее мое любопытство — жуткая древняя движущая сила. Я подтянулась в ванной, в которую успела сползти по лопатки, и полезла рассматривать чужую косметику.

Да-а-а... Все, что я поняла из своего импровизированного осмотра — нам так не жить. Средств для ухода за телом было много, причем не просто хороших — профессиональных. И стоили они... О, мамма мия!

С полгода назад я примерялась вот к такому вот крему для тела, только на этом стоит пометка «двадцать пять плюс», а на том «больше пятидесяти» — в подарок маме.

Я тогда помялась и отступилась — дорого. А здесь чуть ли не вся линейка представлена.

Хорошо живут кормилицы ардов!

К этой незнакомой девушке я испытывала что-то, отдаленно похожее на зависть — у нее шикарный мужик с мозгами и чувством юмора. Наверняка щедрый. Уверена, что заботливый — что я, не помню этой небрежной снисходительности, с которой он дразнил, а потом и кормил меня на моей квартире? Такое поведение въевшееся, естественное, привычное...

У нее красивая жизнь — безбедная и с возможностью не экономить на себе. Да и сама девушка, наверняка, успешная, красивая — к ардам других не берут.

И вместе с тем, пришло твердое осознание, что это не для меня. Что я не хочу для себя подобных отношений — когда в любой момент из-за какой-нибудь необходимости на твоё место могут привезти другую, а тебя даже не посчитают нужным откуда-то доставить. Можно, конечно, рассчитывать на брак, и тогда все иначе, но все равно. Сидеть и ждать, позовут ли замуж — это не по мне.

Ну их, эти контракты. Такие отношения — не для меня.

Я решительно протянула руку и взяла из мыльницы самый скромный кусочек мыла. Брать чужое — нехорошо, сегодня перебыюсь так, а завтра закажу из любого магазина с доставкой все необходимое.

Не буду же я все две недели у арда футболки одалживать, а у его любовницы — мыло.

Просто сегодня заказывать уже сил нет...

Уходя из ванной, я подумала, да и прихватила на всякий случай с собой флакончик со смазкой.

Права оказалась.

Как чувствовала... хм... ну, пусть будет — сердцем!

?

Ночью Рэй притянул меня к себе, и так мы и спали до утра — перепутавшись ногами, его пятерня в моих волосах, а я — носом в его грудь. И я даже успела бдительно шлепнуть его по руке, пытавшейся содрать с широкого запястья яркий медицинский браслет.

Утро началось с подзарядки.

«Что ж ты такой активный?» — думала я, уговаривая арда быть хорошим мальчиком и потерпеть, пока я наношу смазку. Да, прям холодную — на самое дорогое, а что ты хотел? Не был бы ты таким торопыгой, я бы ее сперва своим теплом согрела, но кому-то ж невтерпеж!

А потом он скользнул внутрь меня — и мне стало ни до чего, лишь бы успеть поймать свое удовольствие, замершее на кончике чужой плоти, в упоительном размеренном ритме входящем и выходящей из меня...

И в этот раз я не дала ему ускользнуть. Поймала пульсирующее наслаждение. Выгнулась дугой, стремясь продлить его.

И встретила глазами с абсолютно осознанным серым взглядом.

Только после этого я сообразила, что последние секунды Рэй не двигался, ждал меня, а широкие ладони бережно поддерживали меня под поясницу... От растерянности я моргнула, прикрыла глаза — и сразу на мои губы обрушился чужой рот, а толчки возобновились, стали яростнее, нетерпеливее, потом замерли, и спина под моими пальцами напряглась. Мужчина надо мной достиг своей кульминации.

Когда Рэй мгновенно уснул после близости, меня куснул изнутри неприятный червячок. Это вообще нормально? Он разве не должен... ну, есть, хотя бы?

В душ я ушла с твердым решением, созвониться с куратором, как только искупаюсь — но не срослось.

Звонок на терминал раздался раньше.

— Здравствуйте, Линетт. Это Нита, медсестра доктора Лисовец. Как вы?

— Доброе утро, — обрадовалась я. — Вы знаете, Рэй, кажется, пришел в себя, но опять уснул, и я переживаю, это нормально? Может

быть, вы приедете и осмотрите его? И он не ест, и...

— Да что ему станется, — меланхолично отозвалась на мою скороговорку добрая девушка Нита. — Да, мы знаем, что он очнулся, и что опять спит — у нас все отображается, на нем же датчик. На вас, кстати, тоже, я увидела, что вы проснулись, и потому звоню — узнать, как ВЫ себя чувствуете, Линетт? У вас все в порядке? Ничего не болит? Дискомфорта интимного порядка не ощущаете? Возможно, вы волнуетесь? И поменьше вы переживайте за этого арда — поверьте, они живучие, ломом не вдруг убьешь!

Я, прижимая к уху трубку, вдруг рассмеялась, тихонько съехав по стене на пол.

— Извините, Нита, — сказала я своей собеседнице. — Это нервное!

— Верю! — невозмутимо согласилась она, — На этих ребят никаких нервов не хватит! Так нам с доктором Эдной подъехать? Если вы себя не очень хорошо чувствуете...

Я заверила ответственную Ниту, что чувствую себя в пределах нормы, волнуясь — в пределах ее же, и, свернув разговор, решительно полезла в сеть.

Нет, за ночь мой костюм постирался и успел просохнуть, и если что — поглажу и переоденусь, но не две же недели мне в нем ходить?

Вольно развалившись валетом на постели рядом с Реем (надолго отходить я боялась) и закинув ноги на шикарное резное изголовье (увидела бы мама — убила бы!), я набросала список покупок и открыла приложение одного популярного сетевого магазина, славного умеренными ценами и торговыми точками чуть ли не по всему миру.

Ну-с, что тут у нас первым пунктом?

Белье, четырнадцать пар...

Покупки заняли меня ненадолго. Вычеркнув последний пункт из списка, я обнаружила, что прошло всего два часа, а дел у меня совершенно никаких. Я немного походила по спальне, прикидывая, где бы тип вроде Рея мог хранить уют, ничего не придумала, а шарить по полкам и кладовкам в чужой квартире постеснялась и заказала в сети новый. Ну а что? Через две недели домой заберу, память будет...

Покрутилась вокруг навороченной модной галопанели в спальне, но не смогла запустить. Было искушение набрать куратора, имевшему неосторожность разрешить мне звонить ему по любому вопросу, и пожаловаться, что не могу включить гало — но не вовремя вспомнила, что обещала себе не третировать человека по пустякам.

Чат с подружками вогнал в тоску — говорить им честно, где я и что

делаю, было выше моих сил, а врать не хотелось.

Разговора с родителями хватило на три минуты, и я трусливо закончила его «Ой, я в школе, не могу больше говорить!»

Тишина чужой квартиры больше не казалась уютной. От мысли, что я заперта здесь на две недели, и именно так они и будут проходить, пока не очнется хозяин, и еще не известно, как он меня воспримет, когда очнется, подкатывала такая тоска — хоть вой.

Еще почему-то снова стало жалко Рэя — бедненький, лежит, сам даже в минимуме необходимом о себе позаботиться не может, и все за него решают другие. Даже батарейку ему дорогие коллеги привезли не ту, даже в этом права выбора он был лишен... И до того я себя накрутила, до того расчувствовалась — просто слезы подступили.

Я подкатилась к неподвижному арду под бок, обняла его за руку, погладила мощное плечо, твердый бицепс.

Бедолага! Ничего, все будет хорошо!

Я шмыгнула носом, и бог знает, до чего бы дошла в этом остром приступе жалости к себе и арду, как ожил терминал, бодрой трелью разогнав слезливую тишину.

— Я у подъезда, открывайте! — деловито сообщил в видеофон мальчишка-курьер, гоняя жвачку со стороны в сторону.

И вот тут-то я вдруг спохватилась, что кода не знаю и спросить не позаботилась, а значит, открыть дверь могу только с браслета, и нужно выйти из квартиры — в школьном костюме, который я не удосужилась ни погладить, ни надеть заблаговременно, и большой вопрос — а смогу ли я вообще дверь открыть? Вдруг, мне допуск не предоставили?

Вдруг, какой-то сбой в системе?

Вдруг...

Я заметалась по квартире, торопливо вставляясь в мятый костюм, разыскивая свою обувь и нагнетая панику.

Адреналин! Драйв! Кипеш!

Вылетая из квартиры, захлопывая дверь на ходу и вскакивая в лифт, я вдруг попыталась вспомнить, из-за чего только что разводила вселенские страдания.

По всему выходило — из-за врожденного идиотизма!

Важный лифт торжественно открыл створки, выпуская меня в подъезд, и я торопливо сунула руку с идентификационным браслетом к замку.

Тот подумал — и мигнул зеленым огоньком.

Фу-у-ух! От сердца отлегло!

Теперь другой вопрос — а имею ли я право приглашать в квартиру к

арду кого попало?

А то мало ли...

Я представила, как мы с парнем поднимаемся в квартиру, я приглашаю его внутрь, и тут в коридор выплывает Рэй — голый, не проснувшийся, на автопилоте, но... э-э-э... с зарядным устройством в полной боевой готовности.

Не смущаясь присутствия таких незначительных деталей пейзажа, как посторонний пацан (а чего смущаться? Дело-то житейское! И вообще, он не проснувшийся!), он ставит меня в позу, и начинает... ну, скажем — заряжаться.

Или еще лучше — ард, даже не просыпаясь, чужака регистрирует, и сперва ломает ему спину, а потом уже — в позу...

Где-то на красочной картине мертвого тела на полу, и непроизвольных попыток сообразить, как от него избавиться, чтоб не спалиться (ард же не проснувшийся, значит, все самой, все самой), я поняла, что вопрос следует ставить совершенно иначе — а хочу ли я, блин, вообще кого-то в эту квартиру приглашать?

Бог его знает, что подумал курьер о рыжей встрепанной девице, выдравшей у него из рук пакеты с заказом и торопливо черкнувшей браслетом по платежному терминалу даже без проверки, а после захлопнувшей дверь перед носом. Я вот и думать об этом не хочу!

Я устало привалилась спиной к стене.

Ты, Ли, с ума сошла! Рехнулась от нервов и безделья.

Что это вообще за номера?

Сначала слезливое нытье. Теперь вообще первостатейная дурь...

Значит так. На этаж — пешком. Никакого лифта! Ограниченная подвижность плохо на тебя влияет, моя дорогая.

После суровой отповеди, устроенной себе самой, я вся подобралась, посерьезнела, и ощутила острый прилив желания стать лучше. Совершеннее!

(Хотя, казалось бы, куда уж еще? А вот поди ж ты!)

И чуть ли не строевым шагом отправилась на покорение лестницы, гадая, насколько этажей хватит моей жажды самосовершенствования.

Хватило на три.

На лестничной площадке между третьим и четвертым этажом я замерла от зрелища, которого никак не ожидала здесь увидеть. В блестящей столице, в благополучном, сытом районе, в далеко не бедном и не дешевом доме, на ухоженной и вылизанной лестничной площадке, в углу за кадкой с цветком непонятной видовой принадлежности, на свалывшейся тряпке,

обросшей шерстью и сором, обнаружилась кошка самого что ни на есть улично-помойного вида. За ее спиной, настороженно забившись в щель при моем приближении, светили на мир изумленными глазенками котят примерно двухмесячного возраста.

План самосовершенствования был моментально забыт.

Ну, в самом деле, я и так хороша, к чему перегибать?

Мне сейчас в квартиру надо быстрее и коробку найти. А в холодильнике я видела копченость — нужно будет сунуть в коробку, чтобы животное меньше паниковало, пока я его переносу. И подстилку забрать. А лоток, лежак, миски и корм чуть позже закажу. И шампунь. И надо почитать, с какого возраста котят можно от паразитов обрабатывать, а то я подзабыла уже. И...

И я отмерла, взлетела по лестнице до четвертого этажа, и вызвала лифт.

Надо найти в сети местные сообщества любителей животных, а то может статься так, что на память с собой я заберу не только уют. А все кошачье семейство — это слишком много для меня, и хозяйка сразу сказала, чтобы никаких животных в ее квартире, так что мне, возможно, сразу по возвращении жилье придется менять.

Я взбодрилась, бочком выбираясь из лифта и цепляясь за все подряд пакетами, которые у меня в руках спокойно вести себя не желали, и топорщились во все стороны — не то, что у мальчишки-курьера.

Кажется, у меня внезапно сама собой организовалась насыщенная, полноценная жизнь, в которой мне просто некогда будет хандрить!

Квартира встретила меня привычной уже тишиной. Пакеты — в угол, заглянуть в спальню — Рэй, слава богу, спит, и не знает, какой сюрприз готовит ему залетная батарейка.

Ну и хорошо, что не знает, ему это и не к чему! Как говорится, меньше знаешь — крепче сон!

Я бодро проскакала на кухню, только сейчас сообразив, что в чужой квартире коробку вряд ли найду. Ладно. Придется свинским образом лишить Рэя одного полотенца. Но я его потом постираю, честно-честно!

Переселение кошачьего семейства прошло успешно, и ни одно полотенце в процессе серьезно не пострадало.

Вернувшись, второй ходкой я забрала грязную ветошь, подстеленную кем-то сердобольным — кошке будет спокойнее, если на новом месте у нее будет знакомая, привычно пахнущая подстилка.

Интересно, почему добрая душа, позаботившаяся о подстилке, просто не забрала кошку к себе домой? Или, если уж забрать нет возможности, а

кошку жалко, не позвонила в приют для бродячих животных? Они бы сами приехали, забрали, подлечили, если нужно. А там...

Я, конечно, тоже не позвонила, хоть и живу в чужой квартире на энергетических правах — но я без дела просто рехнусь тут. Вон, уже странные мысли посещать начали — того и гляди, начну в глухой тишине слышать вкрадчивые голоса, предлагающие шагнуть в окно.

Лежку я обустроивала с таким расчетом, чтобы оно была незаметна из любой точки гостиной (а особенно — от дверей спальни). Мало ли... Не оставляло меня смутное подозрение, что очнувшийся ард может без понимания отнестись к моему самоуправству... Воображение рисовало яркие картины, как пришедший в себя Рэй обнаруживает внезапные перемены в жизни, и избавляется от них посредством пинка под попу. Пострадавшей попой выступала моя, так что к процессу маскировки я подошла вдумчиво, с полной отдачей. Чем позже он заметит — тем спокойнее (и дольше) будет моя жизнь.

Любовно поправив кресло так, чтобы оно как можно лучше перегораживало обзор, я закинула полотенце в стирку, запустив режим посуровее. Потом вымыла руки, сменила многострадальный костюм на спортивные брючки и футболку из числа обновок, и с чувством выполненного долга завалилась на кровать рядом с Рэем.

Где там мой терминал? Мне предстоит много-много приятных покупок!

Закончила зоологический шоппинг я не скоро. Вот странно, себе одежду оплачивала — над каждым платежом мысленно рыдала, так жалко денег было, а когда на сайт с товарами для животных залезла — еле остановилась. Кому-то чужая душа — потемки, а мне и моя собственная — темен лес.

Сунув терминал в надежное и безопасное место — под кровать, я повернулась к Рэю.

Ард все больше и больше начинал мне нравиться.

Когда болел мой папа, нам с мамой малодушно хотелось сбежать из квартиры с воплями и не оглядываясь. Папа болел редко, но в такие периоды становился совершенно невыносим. А этот тихо спит, не мешает... Идеальный мужик!

Улыбнувшись глупой шутке, я осторожно погладила Рэя по руке.

Пока я скакала бодрой козочкой за покупками, а потом с кошками, он успел перевернуться, и теперь лежал на спине. Темная щетина проступила на лице, обозначив глубокими тенями скулы, породистый нос заострился, да и все черты лица стали как-то резче, что ли. И круги под глазами

сделались виднее...

Я тихонько вздохнула, и потянувшись, погладила небритую щеку.

Бедный ты мой, бедный!

К сердцу опять подкатила жалость, только не тоскливая, как утром, а щемящая. Меня затопило какой-то болезненной нежностью. Не выдержав этого острого сострадания, я потянулась и поцеловала его, потерлась лицом о плечо, погладила широкую твердую грудь. И тихонько пискнула, когда мою руку накрыла шершавая ладонь. Сжала пальчики, погладила большим пальцем чувствительное местечко на запястье, нежно провела им по центру ладони...

Я посмотрела на Рея и встретила с его взглядом. И сама потянулась ему навстречу, прижавшись к мужчине грудью.

Он принял мой отклик и притянул меня к себе, усадил на бедра, и я заерзала, ощущая прикосновение твердеющей плоти через одежду. Качнулась поцеловать Рэя, но он отвернулся, и это почему-то ужасно развеселило — он что, нечищенных зубов стесняется, что ли?

А потом мужские руки легли мне на грудь, сладко сжали полушария, и мне стало не до смеха. Горячий водоворот разворачивался медленно, но уверенно, затягивая меня с головой.

От медленных, уверенных движений его рук было непередаваемо хорошо, и я прогибалась навстречу этим рукам, стараясь поймать его ритм, попадая в такт сжатиям и поглаживаниям, чувствуя приятное давление снизу. Соскользнула с мужских бедер, и одним гибким движением, удивившим меня саму, стянула с себя брюки вместе с трусиками, брыкнула ногами, избавляясь от застрявших на щиколотках штанин, и вернулась на место. Кожа к коже, тело к телу...

Хорошо-о-о!

Умелые, дарующие наслаждение руки опустились на бедра, стиснули их.

— Подожди! — шепнула я Рэю и потянулась к изголовью кровати, практически улегшись грудью ему на грудь.

Ард тут же воспользовался моментом и сдернул с меня футболку. А пока я, вынырнув из ворота, снова вернулась к прерванным поискам под подушкой, принялся воевать с моим бельем — расстегнул застежку на спине, спустил с плеч лямки, и потянул на себя, когда я выпрямилась.

Лифчик отправился следом за футболкой, а я игриво покачала у Рэя перед носом своей добычей — розовым флакончиком со смазкой.

Вот странно, доктора Эдну я ужасно стеснялась. А Рэя — не-а, ни капли!

Выбросив из головы посторонние мысли, я открыла крышечку, и, проказливо стрельнув на арда глазами, выдавила себе на ладошку порцию смазки. Поерзала на нем, дожидаясь, пока смазка согреется, покачалась, приподнимаясь и опускаясь, повторяя те самые движения. Соскользнула на его ноги чуть ниже, и осторожно обхватила твердый член у головки, повела по стволу вниз, распределяя смазку. И еще раз. И еще. Обеими руками, одной за другой. Он впился пальцами в мои бедра, потянул меня на себя, и я снова шикнула:

— Подожди! — и, выдавила на ладонь еще смазки, увлажняя уже себя, подстегиваемая нетерпеливым, голодным взглядом, от которого по коже разливался жар.

Он хотел перевернуть меня на спину, но я отказалась:

— Я сама!

А потом — поймала его взгляд и ме-е-едленно опустилась на горячую, гладкую плоть, растягивая это первое мгновение проникновения. Кусая губы. Дыша неровно и порывисто.

Хо-ро-шо-о-о!

Я двигалась. Приподнимаясь и опускаясь в тягучем, медленном ритме. Сжимая внутренние мышцы. Ощущая скользкие движения члена в себе. Прижимаясь клитором к стволу. Сходя с ума.

— Я сама... Ты же болееешь. Ты же сла-а-абенький, — мурлыкнула я, следя сквозь опущенные ресницы за его реакцией.

И в следующий миг мир крутнулся, я оказалась лежащей лицом в подушку. Рэй вздернул вверх мою попу. Тяжелой рукой надавил мне на плечи, вжимая грудью в кровать. Сжал бедра — и резко вошел.

Я вскрикнула от свирепого толчка и прогнулась в спине.

Отличная реакция!

Новый ритм. Он брал меня, как атаковал. Каждый удар — до упора. Яростно, бешено. Быстро. Быстрее! Так сильно, так остро, так горячо!

Я вскрикивала на каждый вход, и извивалась, сжималась, стараясь задержать выход.

Еще! Еще! Больше! Сильнее!

Мои крики. Горячее, неутомимое тело, вбивающееся в меня.

Да-а-а-а!

Кончая, я ощутила, как пульсирует внутри плоть Рэя. Как он притягивает мои бедра к себе, вжимаясь. Как проливается в меня горячее семя...

Как же хорошо-о-о!

Когда Рэй отпустил меня, и я расслабленно раскинулась на постели

вялой морской звездой, он наклонился, и прошелся вдоль позвоночника, рассыпая от затылка до поясницы звездочки поцелуев.

Нехорошее слово, прозвучавшее над ухом, я предпочла проигнорировать.

Ну, в самом деле, не мог же он меня обозвать? Меня, такую лапочку?

— Ой! — возмущенно пискнула я, когда цепочка поцелуев дошла до попы и завершилась весьма чувствительным укусом за оную.

Ну, пожалуй, что и мог, решила я, потирая пострадавшее место и пронзая арда взглядом, полным укора. Он, твердокаменный, пронзаться отказался, и звучно шлепнув меня по пятой точке, скатился с меня, а заодно и с кровати и вышел из спальни.

Ой! Там же...

Так, где тут была дежурная Рэевская футболка?

Торопливо прикрыв полюбившуюся арду часть тела, я выскочила из спальни.

Рэй нашелся в кухне.

— Разогреть тебе чего-нибудь? — участливо спросила я, наблюдая, как он ест что-то из пластикового тюбика, выдавливая это что-то сразу в рот.

— Спасибо, — буркнул Рэй, скручивая выжатый тюбик и отправляя его в мусорное ведро. — Внутри меня разогреется!

Счастливым он при этом не выглядел.

— А что это было? — не утерпела я.

— Диетическое питание. Полезное. Питательное. Лег-ко-ус-во-я-е-мо-е! — с выражением величайшей скорби на лице отозвался ард, потом влил себя одним глотком полбутылки воды и вышел с кухни.

Гольшом он себя чувствовал так же уверенно, как я в одежде. Да что там, гораздо уверенней!

Я поспешила за ним, и еле успела затормозить, когда он захлопнул перед моим носом дверь туалета.

Я слегка смутилась, но уходить и не подумала. Когда Рэй вышел, он только насмешливо выгнул бровь, обнаружив меня на посту, и прошел в ванную. Притормозил на пороге, увидев, что я иду следом, и придержал дверь:

— Желаешь со мной?! — уточнил он иронично.

— Если хочешь — могу потерять тебе спинку! — с готовностью предложила я.

— Я тоже могу... тебе что-нибудь потерять, — провокационно мурлыкнул он в ответ на мое щедрое предложение.

— А переедание вредит здоровью вашего организма! — съехидничала

я, и нырнула в ванную комнату под его рукой.

В конце концов, душ мы вместе уже принимали, а я действительно могу потереть ему спину, подумала я, пуская воду в душевой кабине и регулируя температуру до комфортной.

Что подумал об этом ард — осталось неизвестным широкой публике, но присоединился он ко мне не сразу, а лишь после того, как пообщался с зубной щеткой.

Деликатный какой, восхитилась я, беря на изготовку мочалку и мыло.

— Развертай-с! — скомандовала я, и Рэй, ухмыльнувшись, подчинился.

Все-таки, спина у него умопомрачительная, подумала я, наблюдая, как по ней скатываются потоки горячей воды, собираются во впадине поясницы и стекают по ягодицам.

Мочалка оставляла за собой белый след, который тут же смывало и уносило в сток, а я с упоением елозила дальше по гладкой коже. Широкие твердые плечи, шея, бицепсы. Ягодицы, которые я не обошла вниманием — и жесткой мочалкой. Рэй уперся ладонями в стенки кабины, и стоял, свесив голову. Отвесный поток падал на лопатки и подставленный затылок, дробился горячими каплями. Я молча, со странным каким-то удовольствием водила мылом по покрасневшей коже, смывала и снова намыливала. Нехитрый, казалось бы, процесс доставлял мне прямо-таки первобытное удовольствие. И когда Рэй развернулся ко мне лицом, стало понятно, что и ему тоже.

Я провела мылом по широкой груди. Раз, другой. Потерла.

Темный взгляд прожигал насквозь.

Ладно. Расширим понятие «спина» до невообразимых пределов. Можно даже сказать — углубим.

Я опустила руку и осторожно взяла мошонку. Погладила яички, не веря, что делаю это, и чувствуя, как они перекачиваются в моей ладони. Обхватила ствол ладошкой — совсем как недавно, когда размазывала по нему смазку, только на этот раз — смывая ее...

Рэй осторожно вынул из второй моей руки мочалку, и она упала в белый поддон. Медленно, глядя мне в глаза, взял у меня мыло, и намылив руки, вернул мне. Положил ладони мне на грудь, и массирующими, круговыми движениями стал размазывать мыло по нежной коже. Пенясь, оно собиралось между его пальцами, вокруг сосков, вода дорожками бежала по животу...

Тесно, близко, глаза в глаза. Когда его лицо приблизилось ко мне, я опустила ресницы, отдаваясь этому поцелую полностью. Нежно. И жарко.

Головокружительно. И горячий язык, уверенно, нахально орудующий у меня во рту, рассылал толпы мурашек по самым чувствительным местам.

Горячая вода, падая на наши головы, смывала с нас пену, и, кажется, ограждала от всего мира. Мы целовались, увлеченно и самозабвенно, и когда Рэй подхватил меня под попу и опер спиной на стенку душевой кабины, я нисколько не протестовала, и охотно раскрылась ему навстречу.

Словом, мыть несносного арда мне пришлось заново, так что, до спальни мы добрались не сразу. И я уже не удивилась и не испугалась, когда он отрубился, стоило только принять горизонтальное положение.

Тихонечко чертыхнувшись, что забыла спросить про фен, я отправилась досушивать волосы полотенцем, попутно завернув на кухню за подачкой для подобрешей.

— Молодец, мамаша, — сообщила я кошке, перевесившись через спинку кресла и бросая ей кусочек колбаски. Вредно, конечно, но ничего полезного для котов в холодильнике Рэя не нашлось. — Десять баллов за скрытность!

Кошка, настороженно сверкавшая на меня глазами, принялась, и потянулась за едой, стряхнув с себя детей, и те возмущенно запищали.

— Эх, усатые-полосатые! Знали бы вы, на какие жертвы я иду во имя вашей безопасности!

Кошка, в мгновения ока расправившаяся с подачкой, облизнулась, сверкнув на меня зелеными глазищами, и я возмущенно фыркнула, оскорбленная таким показательным недоверием к моим словам.

Подумаешь! Не очень-то и хотелось! Я лучше в ванную пойду и волосы досушу! Вот!

Глава 5

После душа я отыскала в терминале номер доктора Лисовец. В конце концов, я обещала позвонить, когда Рэй придет в себя. Разговор занял пять минут, включая обмен приветствиями и расспросы о моем состоянии, и в итоге выяснилось, что «проснулся, подпитался, поел, отрубился» — это, увы, еще не «пришел в себя». Хотя то обстоятельство, что Рэй уже вставал, ее порадовало. «Хорошо идет, с опережением графика» прокомментировала эту новость Эдна.

Потом, после некоторых колебаний, я все же решилась и нашла в сети номер ближайшей ветеринарной лечебницы. Вызов специалиста на дом занял всего несколько минут.

Мы распрощались, и я вспомнила, что мои покупки так и стоят неразобранные — ими я и решила заняться сразу после обеда. И занялась, начав с поисков свободного места в чужой квартире. Шкаф пришлось отместить сразу. Там, помимо вещей Рэя, при детальном рассмотрении, нашлись еще и женские вещи. Их было немного, но перекладывать их с места на место было бы некрасиво, а соседствовать — неприятно, хоть объяснить это чувство я себе и не смогла. Да я и не пыталась — просто решила, что пользоваться шкафом не буду, и решительно его закрыла.

Еще в качестве подходящего места мне виделся диван в гостиной с ящиком для белья, но тут меня поджидало разочарование еще более суровое — подняв диван, я внезапно выяснила, что доктор Эдна и Нита свою аппаратуру никуда не увезли, и вот она вся, родимая, передо мной. Не было видно разве что виртуальных перчаток — но это техника, как известно, тонкая, с индивидуальными настройками и наверняка, личная у каждого доктора.

Вот интересно, это все же медиков, и они ее просто оставили, чтобы не таскать туда-сюда, или у каждого арда дома хранится вот такой набор медицинского оборудования?

И кажется, что мои вещи все же будут жить на стуле. В этой квартире места им никак не находится...

Именно на этой мысли и застал меня звонок в дверь.

Ветеринара я ждала гораздо позже, а кроме него визитеров у меня не предвиделось.

«Кошачий заказ прибыл, или уют!» — подумала я, и поспешила к двери, уверенная, что кто-то из жильцов впустил курьера вниз.

Еще никогда я так не ошибалась в предположениях...

На лестничной клетке перед дверью Рэя стояла и жала на кнопку звонка ослепительно красивая брюнетка. И экран видеонаблюдения добросовестно отображал ее черные волосы, тонкие черты лица и шикарную грудь в вырезе модного костюма.

Можно было не запрашивать данных у системы безопасности или куратора Честера. Я и так видела, что за дверью — официальный энергетический донор Рэя.

— Я за вещами, — нетерпеливо притопывая, сказала она в домофон, когда я прижала кнопку.

С чувством жесточайшего сюрра и дикой неловкости, я потянулась к дверному замку.

Вихрь в серовато-голубом костюме ворвался в квартиру, пронесся в гостиную и скрылся в спальне. В полной прострации я проследовала туда же.

Девушка стояла возле раскрытого шкафа, и мне была видна в профиль на три четверти — черные волосы красивыми волнами, нежный овал лица и чистая, свежая кожа. Пушистые ресницы, и глаза, которые были мне не видны, но почему-то я была уверена — они голубые.

Фигура, затянута в строгий, но женственный костюм, светлой голубизной выгодно оттенявший блеск и густоту ухоженных волос. Юбка — самую малость выше колен. Бесконечные ноги. Умопомрачительный каблук.

Девушка была фантастически красива. Редкое сочетание — нежность и сила, женственность и энергия. Чувственность, не переходящая в пошлость.

Чем дольше я смотрела, как тонкие музыкальные пальцы перебирают стопки одежды в шкафу, разыскивая нужные вещи, тем больше недоумевала — что я здесь делаю?

Она покусывала губы, умело подчеркнутые сочной помадой, продолжала поиски и демонстративно не замечала меня. Злилась. И я ее понимала. Это для системы ее взаимоотношения с Рэем укладывались в сухие строчки контракта, а для нее? Кто знает, как относилась к этим отношениям она сама. И каким ударом для нее стали все нынешние обстоятельства.

А что стали ударом — несомненно. И демонстративное безразличие красавицы меня не обманывало.

Нервно выдернув искомые тряпки, она прижала их локтем, закрыла шкаф и повернулась ко мне.

— Ну, пойдем, поговорим, — заявила брюнетка, смерив меня взглядом, полным сознания собственного превосходства, и, развернувшись, пошла на кухню, не интересуясь, иду ли я за ней.

Глаза у нее и правда оказались голубые. Очень выразительные.

И мне было удивительно неприятно то, что они выражали.

— Я не представилась. Я Вивиан.

Пока я тупила в спальне, брюнетка на кухне успела взять себя в руки, и теперь на столе стояли две чайные чашки, конфеты с печеньем в изящной вазочке, а в одном из агрегатов в кухонном шкафу-стеллаже готовилась закипеть вода в прозрачной колбе с голубой подсветкой.

Гостья (или, вернее сказать, хозяйка кухни — я-то даже не знала, где здесь чайник, не говоря уж о заварке и конфетах) стояла, гипнотизируя взглядом окно.

— Я Ли, — представилась я в ответ и уселась на боковой стул, который успела обжить. — Очень приятно.

В ответ меня смерили таким взглядом, что стало очевидно, где Вивиан видала мое «приятно» и каким маршрутом мне предлагает туда добираться. Я ответила ей прямым, спокойным взглядом. Что бы там себе не придумала подруга Рэя, я не влезала в чужую пару и не разрушала чужие отношения. Мне нечего стыдиться.

— Ну и как тебе моя жизнь?

— Спасибо, у меня своя есть, — буркнула я, стараясь не поддаваться на провокацию, но чувствуя, как медленно сползаю в чувство вины.

Она криво усмехнулась.

Кухонная машина мелодично тренькнула звонком, сообщая, что вода дошла до нужной температуры, и Вивиан, легко и небрежно забравшая себе роль хозяйки, принимающей гостей, сыпанула в чашки по мерной ложке чайного листа, залила водой. Любезно пододвинула одну ко мне.

Я молчала, не зная, о чем мне с ней говорить, испытывая и сочувствие, и жалость, и неловкость.

Я бы, наверное, на ее месте сопернице яду в чай плеснула.

Отогнав неуместную мысль, я пригубила напиток.

Зеленый. Терпеть не могу зеленый чай.

— Слушай, ты, конечно, миленькая, и сиськи зачетные, но не думай, что ты сумеешь задержаться рядом с Рэем надолго. Ты не в его стиле.

Я молча подняла взгляд от чашки.

На райончике, где я снимала квартиру, на такие заявления отвечали долгим «Че-е-е?!», и вцеплялись в волосы. Ну, или выплескивали чай в рожу. Но я выросла и воспитывалась в другом квартале. Поэтому просто

молча ждала продолжения.

— Я понимаю, каждая провинциалочка мечтает покорить столицу, но не за мой счет, детка. Давай договоримся так: я плачу тебе столько же, сколько ты получишь за этот контракт — и ты навсегда исчезнешь с моих глаз. Половину получишь сейчас, а вторую — когда прийдешь мне скрин твоего заявления в муниципалитет о чипировании и исключении из реестра. После двух социальных контрактов у тебя есть на это законное право. Не думаю, что тебе самой приятно быть одноразовой подстилкой, а на большее, прости, у тебя нет шансов. Я лучше. Во всем.

Что?.. Она что, предлагает мне деньги за... Она что, думает, что я продаюсь за деньги?!

Да она не оборзела ли?!

Все сочувствие, что я испытывала к этой девушке совсем недавно, пропало без следа. Просочилось сквозь поры и утекло сквозь пол.

— Извини, но нет, — я даже сумела сказать это вежливо. Спокойно.

Горжусь собой.

В голубых глазах плеснуло такое, что мне на миг стало страшно.

— Милочка, ты не представляешь, с кем собираешься тягаться. Я знаю его, как облупленного. Знаю, чего он хочет. И он хочет меня! — она наклонилась ко мне, выделяя голосом последнее слово, — Потому что я не вылезаю из спортзала. Я изучила столько интимных практик, сколько ты и не можешь себе вообразить, и пересматриваю кучу порно, чтобы найти что-то новенькое. И постоянно работаю над собой. Трачу на свой внешний вид бешеные деньги. А ты...

Она окинула меня взглядом, и на этот раз он был отчетливо-презрительным.

— Посмотри на себя, корова! На что ты похожа?! И в постели вряд ли заходила дальше пары поз... Соглашайся, детка. Это щедрое предложение!

Мне вдруг стало смешно.

— Да иди ты! — совершенно искренне ответила я на ее (безусловно, щедрое) предложение.

Господи, ну это надо же так из шкуры выпрыгивать ради мужчины! Она б меня сожрала, если бы могла. На костре сожгла!

Нелепая война с тем, кто вообще ни на что не претендовал.

Очнись, дура! Мои войска просто проходили мимо!

Но нет же, она так вцепилась в своего арда, что и мысли не допускает, будто кому-то такая жизнь и даром не нужна...

И она все поняла по моему лицу. И что мне жаль ее, и что смешно... И ее это как кипятком хлестнуло. Как будто я все же выплеснула на нее этот

злосчастный чай!

— Ты еще пожалеешь, дрянь! Когда будешь вылетать отсюда со свистом, ты вспомнишь, что я предлагала тебе все решить по-хорошему!

Как же распирала ее ярость! Глазищи полыхали, точеные ноздри раздувались, а губы почти «съелись», стали не видны, и в этой ярости она была почти уродлива. Она усилием воли взяла над ней верх, и лицо разгладилось. Стало бесстрастной маской, только пальцы побелели от напряжения.

— Последний раз предлагаю!..

Змеиное шипение в ее голосе мне, безусловно, почудилось.

И весь этот цирк вместе с зоопарком меня внезапно достал.

— Пошла отсюда!.. — и прибавила словечко из тех, которые обычно используют «пацанчики на раене», а не я. Так сказать, уточнила маршрут.

После чего я встала, аккуратно обошла бешеную брюнетку и прошла к выходу — открыть дверь дорогой гостье.

Хотелось бы мне сказать, что она вылетела как ошпаренная — но нет. Я еле дождалась, пока вальяжная стерва уберет свой подкаченный зад с глаз долой, и только закрыв двери, почувствовала облегчение. Такое огромное, что сама удивилась — в каком напряжении держал меня этот визит.

Ну и порядки у этих ардов! Упаси боже так жить!

И хоть я не взяла от этой Вивиан деньги (еще чего не хватало!), но жить в этой среде... Нет, увольте. Пусть сами в этом гадючнике варятся.

Заперев замок, я твердым шагом прошла в спальню, без малейших сомнений вынула ее вещи, и запихнула наверх, на самую неудобную и труднодоступную полку, как следует утрамбовав, чтобы уместить, и наконец разобрала покупки.

В ванной, уже не стесняясь, собрала в пакет часть пузырьков и баночек, с некоторым трудом подавив желание попросту слить их содержимое в канализацию, и сунула пакет в нишу под раковиной, освободив себе ровно столько места, сколько мне нужно было, чтобы чувствовать себя комфортно, и ни сантиметром меньше.

Выплеснула недопитый чай из чашек. Смыла помаду с одной из них.

Вот ведь... стерва! Я только головой покачала: нет, я знала, конечно, что у некоторых мужиков очень специфичные вкусы на женщин, но как можно было связаться с этой? Она же ядовитая, не дай Бог, укусит во время секса — к утру околеешь...

А и черт с ней. Я уеду — пусть живут на здоровье, а пока я здесь, она в этой квартире не появится. Или пусть утрутся своим контрактом — в гробу

я видала такие условия труда.

За одно я, все же, была Вив благодарна — она одним махом избавила меня от всех и всяческих переживаний и угрызений. Вряд ли, конечно, она именно на этот эффект рассчитывала, но что вышло, то вышло.

А вообще, я сама виновата. Зачем было ее впускать?

Хотя, конечно, она же постоянная девушка Рэя. Она наверняка имеет доступ. Сама бы вошла.

Когда курьер доставил уют, я прямо-таки почувствовала, как растет во мне уверенность — все! Теперь я не безоружна! Жизнь прекрасна! И жизнь — продолжается!

Ветеринара я встретила, как родного. Как родную, вернее — доктором оказалась молодая приятная женщина. Она быстро и уверенно осмотрела пищущую детвору и их маму, взяла кровь, просветила кошку сканером, констатировала, что животное, все же, не чипировано, а значит, предыдущих хозяев найти не удастся — а они, однозначно, были. Кошка явно бывшая домашняя, и кто знает, как оказалась на улице...

Закончив осмотр, ветеринар утешила меня, что видимых проблем у моего пополнения не наблюдается, а когда будут готовы итоговые результаты — секретарь их клиники со мной свяжется, и отбыла.

Я проводила ее, и вздохнула с немалым облегчением. Здоровы — вот и ладно, вот и хорошо!

Все же, вероятность, что я притащила к больному человеку источник заразы меня изрядно беспокоила.

Устроившись рядом с Рэем, я перебирала столичные форумы котовладельцев и сообщества любителей животных, регистрируясь во всех подряд. Мне еще пятерых котят и одну кошку в хорошие руки пристраивать, так что все пригодится! И обстановку изучить надо...

А еще, пребывая в растрепанных чувствах после визита Вивиан, я позволила себе ужасное мотовство и купила игровую приставку. Кошачьего общества мне все же маловато, и даже всей компанией они не займут все мое время настолько, чтобы мне некогда было предаваться скуке.

К чертям экономию, от которой я сойду с ума и начну бросаться на людей и лезть на стены!

Потом прибыли курьер из магазина товаров для животных, и я с головой ушла в возню — купание, сушка, противопаразитарный ошейник...

Котята, хоть и были оскорблены произволом до глубины души, противопоставить ему толком ничего не могли, а вот у мамы-кошки имелся ряд внушительных аргументов, отчего санитарно-гигиенические

процедуры затянулись.

Отмытая, кошка оказалась весьма даже ничего себе — светло-серая, с полосами и пятнами более темного тона, и светлым животом. Шансы на удачный пристрой стремительно увеличивались.

Отпустив кошачью душу на покаяние, я выдохнула с облегчением, переделалась (котосемейство-то после сейчас было сухое всем составом, а вот я — до нитки мокрая), и тут-то и обрушился на мою голову звонок домофона.

— Кошмар какой-то, — ворчала я, идя к нему. — До чего же насыщенный день!

Камера у подъезда показала темноволосую девушку, и я даже на минутку подумала, что это Вив вернулась наговорить новую порцию гадостей, но быстро опомнилась. Девушка на мониторе была определенно другая.

— Слушаю вас! — настороженно произнесла я в устройство, прижав переговорную кнопку.

— Привет, я Мина, меня Дэн прислал, — бодро отозвались снизу. — Поболтать с тобой и составить компанию, если ты вдруг заскучала.

— Какой еще Дэн? — имя неведомого благодетеля мне ничего не говорило, а после визита милейшей Вивиан пускать кого-то в дом ни малейшего желания не было.

— Дэниэл Коргс, — уточнила девушка. — Он сопровождал тебя при перелете в столицу. Я не с пустыми руками!

Девушка широко улыбнулась и подняла руки так, что мне стало видно пакет в них. Пакет с логотипом знаменитого на всю страну винного магазина.

Визит, определенно, становился интересным!

Я захихикала:

— Чего ж ты сразу не сказала! — нажала нужную комбинацию на домофоне, и скомандовала: — Поднимайся!

А через пару минут уже отпирала входную дверь.

— Привет еще раз! Ты Линетт, да? Держи вино! Я сейчас разуюсь...

Кажется, ей было слегка неловко, и непрерывный поток речи заглушал паузы и не давал разрастись этому чувству.

А я внезапно успокоилась. В самом деле, если один профессиональный донор оказался мерзкой штучкой, то это же не значит, что все они такие?

— Выбирай любые тапочки! — широким жестом разрешила я.

— Спасибо, я обойдусь, — отозвалась гостья и, поправив

задравшуюся маечку, прошла в гостиную.

Делать нечего — я последовала за ней. Поставила пакет на столик возле кресла и повертела головой:

— Сейчас, я бокалы найду...

— О! Пойдем, покажу! — оживилась Мина.

Я немного принужденно улыбнулась и кивнула. Она пошла на кухню, а я — за ней, рассматривая девушку со спины. Тоненькая, стройная. Вся изящная, будто точеная статуэтка. И на Вивиан совсем не похожа — хотя обе брюнетки, но у той волосы чуть вьются, а у Мины абсолютно гладкий черный шелк — очень красиво.

И сама девушка производила какое-то теплое впечатление. Странно — вроде бы, и статус у них один и тот же, и сил в уход за собой эта Мина вкладывает наверняка ничуть не меньше, а все равно, от одной тянет ощущением нежной уязвимости, а от другой — ничем не тянет. Профессионально красивая женщина. Глянец.

И объяснить самой себе, почему за несколько первых секунд знакомства у меня об этих двух девушках сложилось такое представление, я была не в силах. Возможно, все дело в выражении глаз.

Мина остановилась в центре кухни, повертела головой, прям как я совсем недавно и неуверенно протянула:

— Ну-у-у... Вроде бы, в прошлый раз они были там!

Я покорно открыла указанный шкафчик.

Так и есть — в хромированной металлической решетке висели, вставленные ножками в разъемы, винные бокалы и бокалы для мартини, и еще какие-то, и стояли рюмки и стопки...

— У тебя что? — на всякий случай уточнила я.

— У меня вот это! — Мина ткнула пальцем в крайние слева бокалы и прибавила: — Не знаю, кому как, а я к таре не привередлива. Не все ли равно, из чего нам пить, если разливать мы будем мое любимое вино?

— И то так! — разулыбалась я, цепляя то, на то было указано.

На душе становилось все легче. Кажется, эта Мина ничего так!

А спустя несколько минут в гостиной нарисовалась картина маслом.

Конфеты, великодушно указанные Вивиан, и сыр, который я благополучно нашла сама и порезала кубиками, а Мина утыкала шпажками. Фрукты из нижнего ящика холодильника, которым подходящей вазы не нашлось, и они были устроены по-простецки, в первой попавшейся широкой тарелке. Льняные салфетки, которые я без зазрения совести использовала вместо подложек под посуду — потому что где искать подложки, не представляла и близко. Столик, передвинутый к дивану и

сервированный всем этим богатством.

И две девицы, вольготно раскинувшиеся на том самом диване.

Вино действительно оказалось выше всяких похвал — легкое, мягкое, с ароматным и терпким послевкусием. Оно раскололо легкую неловкость, чуть сковывавшую нас обеих, и я решилась на вопрос.

— Интересное у тебя какое имя — Мина!

Она захихикала:

— О, это ты еще его полностью не слышала! Я Вильгельмина!

И пока я растеряно думала, что бы такое сказать, чтобы не обидеть собеседницу, добавила:

— Удружили, спасибо, мама с папой!

— Ну... Оно необычное. И редкое. И интересное...

— Да-да, именно, — улыбнулась Мина, довольная произведенным эффектом. — Знала бы ты, как я в школе натерпелась! — она даже зажмурилась, вспоминая.

И, залпом допив остаток из своего бокала, сочувственно уточнила:

— Ну как ты тут?

— Да вроде ничего... Справляюсь, — я неуверенно пожала плечами. — Скорее скучно, чем страшно. И еще неловко. Как будто все время под микроскопом — браслеты эти, которые жизненные показатели регистрируют, регулярные звонки. Мне странно думать, что где-то там сидит человек, который смотрит на приборы, и знает, что я в каждый момент делаю. Он видит, когда я сплю, когда занимаюсь сексом...

Я принужденно улыбнулась, понимая, что мои жалобы, наверное, кажутся нелепыми девушке, для которой это повседневная рутина, но неожиданно она кивнула, а на лице ее промелькнуло понимание пополам с сочувствием.

— Да. Когда Дэн попал в первый раз... Нас к этому готовят, как и к многому другому — рассказывают, показывают, разжевывают. Сколько я обучающих гало и видео пересмотрела — не передать. И все равно, когда это случается с тобой...

Она дотянулась до бутылки, и молча наполнила оба наши бокала.

— Можно сколько угодно говорить, что мы профессионалки и для нас это работа. Как бы не так! Это вранье. А правда в том, Ли, что мы живые. Я — живая. Невозможно не привязаться к мужчине, с которым столько времени делишь постель. Может быть и есть те, для кого это не так, но для меня — невозможно. И когда его принесли в первый раз в этом гадском подобии комы... Я ведь все знала. А сердце все равно чуть не оборвалось. Хоть мне и повторили тысячу раз на курсах подготовки, что если арда

успели стабилизировать и связать с донором, то выживет он с вероятностью в девяносто процентов. — Она задумчиво поболтала вино в бокале. — А про контроль — да, согласна. Я ведь жила с ним и раньше, но тогда никто не замерял с секундомером, как быстро после секса кто уснул, и не ставил зарубку после каждого полового акта... Честно говоря, я даже радовалась, когда Дэн сорвал наконец этот браслет. Хотя и старалась, конечно, ему помешать.

— А Рэй не трогает, — задумчиво сказала я. И пояснила на ее непонимающий взгляд: — Ну, браслет. Не пытается снять.

— И как ты этого добила? — не на шутку заинтересовалась Мина.

— Да никак, — от растерянности я пожала плечами. — Один раз по руке шлепнула, да и все...

— Надо на вооружение метод взять! — Она поиграла бровями и, звонко чокнувшись со мной бокалами, провозгласила: — Обязательно попробую.

— Слушай, — я помялась и решилась. — А это правда? Ну, про зарубки...

Она сначала нахмурилась, вспоминая, о чем я, а потом улыбнулась:

— Да наверняка нет! У них же биометрические браслеты, что они, сами не посчитают?..

Я шумно выдохнула и прижала приятно прохладный бокал ко лбу. Мина откинулась на спинку дивана и сочувственно мне улыбнулась:

— Кошмар, да. Но со временем привыкаешь!

Я одарила ее мрачным взглядом и сделала большой глоток, запивая новость, что где-то ведется строгий учет нашему с Рэем сексу.

...а потом эти данные разнесут в ведомость, ее подадут в бухгалтерию, и строгий бухгалтер, дама в годах, с пучком и непременно в старомодных очках, проведет расчет, по итогам которого мне предоставят оплату за услуги, с учетом переработок и амортизации...

На этот раз за бутылкой потянулась уже я. Плеснула золотистой жидкости себе, в подставленный бокал Вильгельмины — не права я была, имя удивительно красивое, и ей очень идет, поболтала бутылку, определяя уровень напитка в ней.

Половина. М-да. Такими темпами нам ее ненадолго хватит!

Я поставила бутылку на вышитый белый лен — Вив меня убьет, если обнаружит, как я с ее салфетками обращалась, да и пошла она... — и следующий вопрос сорвался с языка сам собой.

— Мина, почему девушки вроде тебя — красивые, яркие — вообще на это идут?

Я пожалела о сказанном, как только слова вылетели у меня изо рта. Право слово, какое мое собачье дело, что именно сподвигло ее на такое решение? Она отнеслась ко мне доброжелательно и по-человечески, и не хватало в благодарность обидеть ее дурацкими вопросами!

Но она не обиделась. Перекатила по подголовнику дивана темноволосую голову, с изящными чертами лица, будто прорисованными кистью романтического художника, и произнесла:

— Замуж. В большинстве случаев, мы просто хотим замуж. За успешного, благополучного мужика. — Она прикрыла зеленые кошачьи глаза, и черные пушистые ресницы отбросили тень на сливочную кожу скул. — Девушки хотят стабильной, обеспеченной жизни за спиной у надежного мужчины, с гарантией, что он не запьет и не примется тебя поколачивать, не бросит работу или детей, и много еще чего «не»... у ардов все же особые порядки.

Она сделала глоток, задумчиво покрутила бокал в тонких пальцах. Продолжила:

— Вот ты видела, какая очередь собирается перед центром подготовки персонала «Светлое будущее» кажды. й год, когда начинается набор соискательниц? Ну, может, в сети видела, или в кино?

Я неопределенно повела плечом. Может, и видела конечно — арды популярная тема, и киноиндустрия не обходила их стороной — но, конкретно на очередь особого внимания не обращала.

— Она огромная. Поверь мне. Соискательниц гигантское количество, и попасть в их число очень просто — достаточно заполнить анкету на сайте или в реале, выслать ее через сеть или почтой, и все, ты в их числе. Прием анкет заканчивается за месяц до начала отбора, но и тогда — ничего страшного. Твою анкету просто рассмотрят на следующий год, ее не надо даже переоформлять. На сайте и в центрах подготовки приведен полный перечень требований к профессиональным энергетическим донорам, и в нем под сто пунктов. Но это — для доноров. А для соискательниц проходные условия просто никакие — достаточно среднего физического здоровья и более-менее симпатичной мордашки. Да и то... Даже откровенную страшилку сразу с отбора не завернут — мало ли. Вдруг, она энергетический самородок. Вдруг, она чей-то идеальный донор. Так что да, девушек собирается до хрена, извини за прямоту. Так вот, девяносто... нет, даже девяносто пять процентов пришедших надеются удачно выйти замуж. И восемьдесят процентов этих девушек отсеется в первые же недели.

Мина выдержала эффектную паузу, чтобы я оценила цифры, и продолжила:

— Первыми полетят неадекваты — то есть, прошу прощения, эмоционально не уравновешенные соискательницы. Ты не представляешь, сколько психически неуравновешенных дам-с шлет свои анкеты на отбор. Иногда складывается впечатление, что все недоохваченные официальной медициной обретаются там, в этих очередях, и их оттуда автобусам отправляют в профильные заведения, а за углом центра подготовки дежурят санитары с носилками... Вторым пунктом отсеивают тех, кто врал в анкетах. С этими возятся дольше. К моменту начала отбора по каждой предоставленной анкете у ребят из службы безопасности уже есть обширное досье. Куча дам-с не самой честной гражданской позиции думает, что за стенами центра можно укрыться от неприятностей с законом. Этих пачками отправляют следующим автобусом в учреждения несколько иного профиля, чем первого, а brave парни с наручниками дежурят за тем же углом что санитары с носилками.

На этом образе я хихикнула, и Мина отсалютовала мне бокалом. Она вообще была отличной рассказчицей, и явно получала удовольствие от процесса. Сделав глоток вина, она невозмутимо продолжила:

— Если вранье невинное — там, размер груди приврала или операцию по косметической пластике утаила — то, может, и не погонят. Но шансы претендентки это существенно снизит. Наши не любят вранье. Оно наводит их на мысли о ненадежности партнера. Так что, если уж ты врешь — врать должна виртуозно, иначе это сито не проскочить. За первые две недели отсеивается половина. Это титаническая работа, Ли, я не знаю, как люди на ней не сходят с ума. Потому что иметь дело с запертыми в одном здании взвинченными девицами числом под тыщу — так себе удовольствие. И вот после этого начинается, по сути, настоящий отбор. Тесты. Анализы. Уроки — которые не редко сами по себе тесты. Опять анализы. Обследования. За девять месяцев, которые длится отбор, тебя исследуют всю, от ногтей на ногах до кончиков поставленных дыбом волос. На самом деле, отбор — это легальный способ бесплатно пройти полное медицинское обследование у лучших специалистов. Туда стоит рваться уже за одним только этим!

Она сделала страшные глаза, я не удержалась от смешка, и мы снова чокнулись бокалами.

— Если в процессе выявят незначительные проблемы со здоровьем, то по обстоятельствам. Если девушка перспективная — тут же и подлечат, если есть другие противопоказания — вручат результаты и вежливо укажут на дверь. Если проблемы значительные — выдадут рекомендации, могут даже с направлением поспособствовать. Они отзывчивые ребята, и им абсолютно не жалко задействовать административный ресурс... И если

девушка перспективная — то опять же, милости просим на будущий год. На самом деле, по состоянию физического здоровья отсеивается мизер. Основная причина — решение психологов, и — та-дам, сюрприз! — особенности твоей собственной энергосистемы.

Если ты не способна восстанавливаться быстро и без ущерба для тебя, на отборе тебя завернут. Ну и командованию ардов не нужны истерики, которые станут мотать нервы подчиненным. Дом должен — это место отдыха и восстановления, и энергопартнер не должен быть источником дополнительного психологического напряжения.

В целом, все было очень даже логично, кроме одного. И именно об этом я и спросила:

— Так что же с вами делают целых девять месяцев?!

— По большому счету — именно отсеивают психологически недостаточно устойчивых и гибких. Занятия — это так. Если у тебя хоть что-то есть между ушами — сдашь. А если ничего нет — то тебя все равно еще до экзаменов отсеют.

Я хихикнула, а Мина внезапно оживилась:

— На самом деле, единственная дисциплина, которая может составлять какие-то сложности, это право. Да и то, потому что преподаватель читает лекцию о том, что энергетическое партнерство — это контрактные отношения, с четко обозначенными правами и обязанностями сторон, и оно не является основанием для каких-либо претензий личного характера, а по аудитории прямо гуляет эхо девичьих мыслей «Ну уж меня-то это точно не касается!» и «Уж на мне-то он точно женится!». И в глазах — розовые мечты, без малейшего осознания предмета...

Мина улыбнулась, грустно и как-то тепло, что ли, а мне стало понятно, что говорила она и о себе. В первую очередь — о себе.

— В общем, при заключении договора о донорстве каждой мадам, помимо электронной версии, на руки выдают бумажный экземпляр контракта, и это очень увесистая папка, которой в самом крайнем случае можно стукнуть себя по голове со словами «Ну я и дура!». Подозреваю, что как раз затем и выдают!

Она поставила бокал на столик, и села на диване боком, повернувшись ко мне лицом. Подобрала под себя ноги, оперлась локтем на спинку дивана. И продолжила:

— Но я увлеклась. Мы ведь говорили про замужество. Так вот. Девушки приходят на отбор кто зачем. Кто-то насмотрелся романтических фильмов и жаждет любви с прекрасным ардом. И замуж. Кто-то просто и бесхитростно хочет денег (и замуж). Кто-то приходит, чтобы укрыться от

давления семьи, защититься от неприятностей, спрятаться от проблем, с которыми не в силах справиться самостоятельно, но которые перемелет, не заметив, система. И — да-да! — выскочить за своего защитника замуж. Процентов пять претенденток, не больше, имеют четкую цель без этого ма-а-ленького довеска.

Она свела музыкальные пальчики, оставив между ними узенький зазор, чтобы показать, какой довесок маленький.

— Из тысячи девушек отбор проходят около двухсот кандидаток, не больше. Они получают сертификаты, и будут считаться дипломированными донорами. Из этих дипломированных — контракты с ардами заключат процентов шестьдесят, потому что ардов-то ограниченное количество! Каждый год известно, сколько их будет призвано на службу, и доноров всегда подготавливают исходя из этого числа... Оставшиеся сорок будут числиться энергетическим резервом. Так вот, — Мина хитро улыбнулась, посмотрела сквозь бутылку на просвет, разлила по бокалам остатки, и коварно заключила: — Вот из тех счастливиц, кто все-таки заполучил контракт, семьдесят процентов имеют все шансы удачно выйти замуж за благополучного, успешного мужика!

Я поперхнулась в бокал смехом. Вот ведь хитрюга! Намеренно выждала, пока я глотать начну! Я прожгла ее возмущенным взглядом, а она как ни в чем не бывало, с невинным видом заключила:

— Таким образом, воспользовавшись простейшими математическими приемами, можем посчитать, что из каждой тысячи девиц осуществят заветную мечту... Сколько?

— Восемьдесят пять? — неуверенно предположила я, успев прикинуть мысленно и наглухо запутаться в «простейших математических приемах».

— Восемьдесят четыре, — поправила меня Мина.

Я надулась — да ну, так не честно! Она наверняка просто знала!

А Мина, не обращая внимания на мое дурачество, со вздохом подвела итог:

— И именно они и составляют те «семьдесят процентов», широко разрекламированные средствами масс-медиа, задача которых — привлечь на отбор как можно больше претенденток! — и, внезапно, резюмировала: — Кругом вранье!

Я задумчиво кивнула, размышляя о том, что была-таки права. Девушек манят на это место вовсе не материальные блага, они идут, в большинстве своем, вовсе за другим. За личным счастьем.

Наверное, вино все же изрядно ударило мне в голову, потому что следующий вопрос мне, по-хорошему, не стоило бы задавать, но я

нетрезвый язык не удержался на привязи:

— И ты тоже?

— Я... — задумчиво протянула Мина. — Пожалуй, сложно так сказать. Осознанной цели себе точно не ставила, а мечта... Ну, мечтать же законом не запрещено.

Она улыбнулась, и неожиданно села на диване прямо, подтянув к себе колени и обхватив их руками. Смотрела куда-то мимо меня задумчиво и грустно, и черные пряди, выбившиеся из низкого хвоста, обрамляли нежное лицо.

— Я, пожалуй, все же, мечтала, да. Но... так, не очень в это верила все же. Я и в то, что отбор пройду, не слишком верила. Там знаешь, какой гадючник? В сети о таком, конечно, не рассказывают, чтобы репутацию не портить, но ты бы знала, Ли, как девки друг друга гнобят! — она повернулась ко мне и спросила: — Вот видела всякие фильмы про модельный бизнес, как конкурентки друг другу то толченого стекла в пудру сыпанут, то каблук подломают перед выходом на подиум?

Я растеряно кивнула, и Мина продолжила:

— Вот у нас то же самое. А то и еще пожестче могут... — она помрачнела, и я воздержалась от уточняющих вопросов. Ну его, не надо оно мне! — Девки хлещутся насмерть. Одно хорошо — руководство отбора такие вещи пресекает на корню. По каждой жалобе проводится полноценное разбирательство, и если факт вредительства установят — вышвырнут на улицу с такими отметками в личном деле, что больше ни в одно приличное место тебя в жизни не возьмут. Но все равно, находятся рисковые. И те, кто верят, что уж ее-то в жизни не поймают. Словом, атмосфера та еще. Подставить, и свалить на кого-то, пустить грязную сплетню, или там утаить важную информацию — это в порядке вещей. Я так жить просто не могу. Чтобы зубами в горло любому, кто у тебя на пути, и не доверять вообще никому, кто с тобой рядом. Да и... Ведь не всем удастся закрепиться, получить контракт, даже если продержались в нашей гадючьей яме до победного финала. Так что, когда ко мне подошел Дэн, и предложил индивидуальный контракт... Я, в общем, долго не думала.

Я растеряно хлопнула глазами:

— Так это же хорошо, Мин? Ну, что контракт...

— А, ты ж не в курсе, да. Контракты бывают стандартные и индивидуальные. Стандартный — это когда обе стороны все устраивает, как заведено, а индивидуальный — это если у девушки или арда есть... особые условия. У нас с Дэном устная договоренность — я не выедаю ему мозг за бл... блуд, — она запнулась, явно в последний момент

поправившись, проглотив ругательство. Ну, верно, я бы тоже применила тут другое слово! — Никаких обид, показательного игнорирования, слез и прочих психологических атак. А в контракте прописаны улучшенные условия для меня, и больше возможностей разорвать контракт — для него. Вообще-то, вопросы верности в контрактах не оговариваются, но как-то традиционно принято, что пока партнеры вместе, они вместе. А Дэн — бабник. Первостатейный ходок. И с предыдущими донорами на этой почве у него были... трения. Так что, в этот раз он себе такую девушку искал, что не будет пилить и устраивать сцен за его походы по девкам. И сразу честно об этом предупредил.

Я таращилась на нее молча. В голове вертелись мысли и вопросы, и непонимание, но слава богу, выпитого вина оказалось недостаточно, чтобы вывалить их на голову собеседнице.

Мина криво улыбнулась, оценив выражение моего лица, и потянулась за стоящей на столе бутылкой. Разлила остатки напитка по бокалам, и вдруг — замерла, вытянувшись, в этой нелепой позе:

— Ой... Ой! Ой, это что такое? — и голос у нее стал умильный и нежный.

Я повернулась за ее взглядом и опешила — на ковре возле кресла, не вплотную к нему, но и не рискуя отходить далеко, сидела Наглая Серая Морда. В белых носочках. С трогательным хвостиком-морковкой.

Коварный план сложился в голове мгновенно.

— Это кто? — почему-то шепотом задала Мина дурацкий вопрос, восторженно сияя глазами.

— Кот, — ответила я с нормальной громкостью, удерживая максимально незаинтересованный вид. Момент был тонкий. Сейчас будущую жертву важно было не спугнуть.

— А можно погладить? — все так же шепотом уточнила она.

Я безразлично пожала плечами — гладь, мол, если дастся...

Наивная, доверчивая добыча сама шла в ловушку.

К моему удивлению — и глубочайшему удовлетворению — серый сбегать в спасительную безопасность логова за креслом не стал, и Мина сумела без труда взять его в руки и вернуться на диван, умильно воркуя над зверенышем в ладонях.

— Не знала, что у Рэя есть котенок, — уточнила она, осторожно, одним пальчиком, гладя его между ушек.

Я неопределенно подвигала бровями. Рэй, положим, пока что тоже не знает...

— Спрашивай, — неожиданно предложила она, когда я уже решила,

что для человечества моя собеседница пока потеряна.

Я покусала губу и спросила:

— Мина, как ты на это решилась?

Кот в ее руках сидел спокойно и не пытался вырваться и влезть, к примеру на стол. И вообще, вел себя так, будто там ему самое место. Я в глубине души была с ним согласна.

— Сорок процентов, Ли. Сорок процентов дипломированных доноров, которые по итогам обучения так и не заключат контрактов и отойдут в энергетический резерв. Это почти половина. Они не получают ничего, кроме полной информации о состоянии своего здоровья, диплома-бумажки и туманных перспектив, что может-быть ее услуги однажды будут востребованы. У нас огромная конкуренция. Если слишком крутить носом, можно попросту остаться ни с чем. А Дэн предлагал отличные условия. И вообще, выглядел ужасно милым.

Она гладила котенка уже смелее, уверенней — но все так же трепетно, нежно. А мне нестерпимо хотелось двинуть по башке «ужасно милого» хоть чем.

— Знаешь, про Дэна сразу было понятно — он не женится. Ну, просто есть такой тип мужчин, которых бесполезно тащить под венец. Они общие. — Мина мимолетно улыбнулась. — Рэй вот не такой, он основательный и надежный, а Дэн... Может быть, позже, но не сейчас. Он еще слишком молодой.

Я удивленно вздернула брови — тот Дэниэл Коргс, который сопровождал меня в столицу, был разве что на пару-тройку лет младше Рэя...

А Мина продолжала:

— Арды в принципе женятся поздно. Если вообще женятся. У них так принято, чтобы к моменту брака у мужчины была на счету достаточная сумма, чтобы потенциальной супруге хватило на безбедную жизнь, если вдруг воинская удача от арда отвернется.

На моей физиономии возникло выражение некоторого обалдения, и гостья охотно пояснила:

— Ну так парни они сами по себе не слишком прихотливые, запросов на шикарную жизнь, как правило, нет. Да и на что им особо тратить? Живут «дом — работа, работа — дом», на полном обеспечении... Это уже когда жена или постоянная подруга появляется — тогда уже появляются расходы. Но это все ее запросы и потребности, а не его. Да, малыш?

Котенок в ее руках освоился, понял, что место хорошее, и начал малопомалу оглядываться по сторонам. Мина аккуратно почесала

наманикюренным пальцем серую переносицу, но животный ее ласки не оценил, отвернул мордашу. Двухногая чесальщица котика намек поняла верно и вернулась к предыдущему режиму.

— Ты такой ма-а-аленький... Такой сла-а-аденький... Во-о-от... Даже Дэн, когда предложил мне жить вместе, счел что две комнаты для девушки — это мало, и перебрался под бок к командиру. Там, мол, и район получше, и квартиры побольше... Да, серенький? Они там все рядышком живут, в одном микрорайоне, считай. Мы его в шутку так и зовем — семейный. А холостые парни живут кто-где, — она осторожно погладила по спинке котенка, решившего выбраться из объятий и забраться ей на плечо. Аккуратно отцепила крохотные коготки от маечки и пересадила любопытного непоседу на колени.

Я молча смотрела, как она возится с котенком, и думала сразу о двух вещах: во-первых, о том, какой все-таки Дэн феерический идиот, если не видит... Впрочем, это не мое дело. А во-вторых, что надо Мине аккуратно намекнуть, что котик пролечен от паразитов и нуждается в добрых, чутких руках, готовых взять котика себе. Миныны руки нам подходят.

— А ко мне Вивиан приходила, — неожиданно для самой себя выдала я, желая сменить тему разговора. Правда, могла бы и повеселее что-то придумать. — То есть, вроде бы как за вещами. Но по всему выходит — ко мне.

— Ого, — выдала Мина, подняв взгляд от серого. — Она же не с Рэем живет, у нее другое жилье. Что там вещей нет? Ясное дело, что к тебе...

— Ага, — кивнула я. — И как только узнала...

— Это-то понятно, как. Ей уведомление поступило, что ее контракт приостановлен, как только ты договор подписала.

— Вау... — растеряно протянула я. — Как у вас все серьезно!

— Ну так, — хмыкнула Мина с улыбкой. — И как?

— Да как тебе сказать... — я задумчиво покачала ногой. — Сперва вроде и ничего. А потом — ух!

— Ага, у Вив характер, — согласно кивнула мне девушка, не отрываясь от возни с котенком. — Зачем ты ее вообще впустила...

— То есть, как это? Она что, вампир, и без приглашения в дом бы не зашла? — я фыркнула, но обижалась при этом больше на себя. Мне-то идея не пустить девушку в дом и в голову не пришла!

— Вампир — не вампир, а вместе с приостановленным контрактом, ей и доступ в жилье Рэя автоматически ограничили, — улыбнулась Мина. — Она с браслета дверь открывала, личного ключа у нее нет...

Я в молчании переваривала известие. То есть, у штатной батарейки нет даже свободного доступа к жилищу партнера. Только контрактный.

Не удивительно, что она так бесилась...

— Мина, а ты не знаешь случайно, как так вышло, что Вивиан в нужный момент на месте не оказалось? — Мои мысли, как заведенные, вертелись вокруг этой темы.

— Случайно, знаю! — легко созналась Мина. — И, если тебе интересно — это событие вообще вся наша тусовка смакует, так что если кто-то не знает последних новостей, то ему скоро донесут! Будь морально готова.

Ой, я не могу! К чему готовой-то быть? К тому, что куча неизвестных мне людей моет кости Вивиан, а попутно — мои? Да на здоровье, знаете, где я их видела? Как будто меня всерьез волнует мнение людей, с которыми я никогда не пересекусь!

Я тихонько прыснула и предложила:

— Пойдем на кухню? Я чай заварю...

— Пойдем, — согласилась Мина, пристраивая котенка на плечо, и придерживая его ладошкой, как придерживают младенцев.

Я отвела глаза и пошла вперед. Желание вмазать Дэну свежеприобретенным утюгом становилось все крепче.

— В общем, дело было так! — начала рассказывать Мина, пока я возилась в чаем, устроившись в кухне на моем любимом стуле. — Когда Рэй воспользовался неотъемлемым правом, Вив это узнала тут же. Не знаю, как — скорее всего, Рэй просто бросил свой терминал без присмотра, и она влезла в его медицинскую карту. Но что знала — это точно, она сама сказала об этом Мэл, жене командира. Они подружки. Это кто-то слышал, сказал кому-то, ну и понеслось. В общем, то, что у Рэя кто-то кроме нее был, ей оказалось, как серпом по сердцу — Вив амбициозная и рвется замуж, это, знаешь ли, не секрет.

Я только не знаю, Рэй в курсе или нет, а между девочками это всем известно. Да и так видно невооруженным глазом — ей не восемнадцать давно, годы поджимают, и если Рэй с ней контракт разорвет, то новый ведь можно и не заключить! Не так много свободных мужиков подходящего возраста, а сзади молодая смена подpiraет, и там тоже девочки оч-чень даже зубастые. Ну и поссорились они. На какую тему — не знаю, нужно совсем дурой быть, чтобы за экстренную эвакуацию пенять, а это не про Вив. В общем, график работы у наших мужиков такой: неделя в рейде на Грани — три недели здесь. И пока партнер на Грани, ты сидишь на месте, как пришитая, даже квартиру без нужды лучше не покидать, это и в

контракте прописано. Ну а когда отдыхает — то сначала реабилитационный период, пока ард эа-резерв восполняет, а потом по обстоятельствам и по согласию. Вот Вив и свалила к маме — частично, чтобы успокоиться, темперамент-то у нее о-го-го, отчасти, чтобы проучить Рэя — он, в отличии от Дэна, по посторонним бабам не бегает, так что, вроде как, на голодный паек посадила.

Я разлила заварку, и чуть не промахнулась кипятком мимо чашки — так увлеченно слушала.

— Подожди, сейчас конфеты принесу!

— Не надо, — отмахнулась Мина. — Я так!

— Ну и я так... Что там дальше? — Я присела за стол напротив нее.

— Ну, видно поскандалили они знатно, разу уж насколько Рэй спокойный — но и у него припекло. В общем, пока Вив успокаивалась, он тоже решил стресс сбросить и попросился в командировку. Внеурочно!

— Ого...

— Ага! — Кивнула Мина, довольная моей реакцией. — Кто ж предположить мог? Внеурочно разве что свежепризванные юнцы просят, которым невтерпех побыстрее находить норму на Грань и обрести, наконец, статус полноценного Неистового Воина. Да и тех командиры придерживать стараются, чтобы не угробились об свой энтузиазм... А тут — Рэй!

Серая усатая мордочка высунулась из-под крышки стола, обследовала ее, нашла достаточно интересной, и вслед за мордочкой на стол постарался влезть весь котенок. Мина аккуратно сняла его и, пристроив назад на плечо, заключила:

— Если бы Вив знала, что Рэй на Грань попрется после ссоры, в жизни бы из столицы не уехала! А так, вышло, что она сама себя наказала...

— Выходит, что так! — согласилась я. — Ладно, пойдем в гостиную. А то видишь, он беспокоится.

Я кивнула на котенка, и мы, забрав чашки, пошли к обжитому уже дивану.

Помимо воли, Вив опять стало жалко.

— Знаешь, наверное, на ее месте я бы тоже порывалась устроить сопернице веселую жизнь... А ты? — спросила я у Мины, которая оказалась чуть впереди меня.

— Я бы, во-первых, не полезла к мужику на квартиру, пока он без сознания, — отозвалась она, — А во-вторых... Ой!

Я выглянула из-за ее плеча, и увидела, что действительно, «Ой!»

На столике в гостиной обнаружилась кошка — серая, с более темными

полосами и пятнами и светлым животом, который сейчас не было видно. Она как раз воровала с тарелки оставленный без присмотра сыр, наплевав на то, что ей уже подобран сбалансированный корм, богатый минералами и витаминами, рекомендованный кормящим животным, когда бессовестные двуногие ей помешали.

На ковре вокруг столика расселись котята числом три, разных оттенков серого. Четвертый бесстрашно штурмовал диван.

— А во-вторых, — растеряно закончила Мина, — мне к таким ситуациям не привыкать.

И, повернувшись ко мне, с горящим взглядом уточнила:

— Ну и как это понимать?

Котенок в ее руках при виде семейства начал яростно извиваться и, спущенный на пол, тут же присоединился к остальным.

Я молча прошла к столику, аккуратно, чтобы не испугать, взяла кошку и посадила ее на пол. Потом развернулась к Мине, вздохнула и покаянно развела руками:

— Вот как-то так!

— Слушай, в жизни бы не подумала, что Рэй такое разрешит!

— Ну, он пока не знает, — промямлила я.

— Ли, а ты не боишься, что он их просто службе защиты животных сдаст? — поинтересовалась Мина, когда я унесла с глаз долой оскверненный сыр, и мы снова устроились на диване.

— Ну... — я задумчиво протянула, изучая чайные чашки в своей чашке. — Если он так хочет заполучить в постель бревно — то он, конечно, может так и поступить! Мне-то что, я до конца контракта могу и полежать, не переутомлюсь!

Она хихикнула в свою чашку, глядя на меня с непонятным интересом, и я решила, что лучший момент — вот он.

— Слушай, Мина, а тебе котенок не нужен? — проникновенно завела песню я, гипнотизирующе глядя ей в глаза. — От паразитов обработан. К лотку приучу. Чип поставлю за свой счет!

Она растеряно захлопала ресницами, как будто такой поворот разговора, самый логичный, на мой взгляд, для человека с шестью беспородными котами, стал для нее неожиданностью.

— Но... но... Нет, я бы с радостью!

Вот в этом я не сомневалась, что она с радостью. Она и сейчас смотрела в сторону кресла, за которым спряталась полосатая банда.

— Но я же с Дэном живу. Он ни за что не согласится! Я не могу. Правда, не могу! — сделав бровки домиком, жалобно проговорила Мина.

Это безнадежно, поняла я, роняя голову на руку. Дэн — наше все. Против его желания Мина не пойдет никогда. Гипнотизер из меня так себе!

— Ладно! — решительно сказала я, без зазрения совести готовясь пустить в дело грязный прием. — Буду искать хозяев по форумам! Не хотелось бы, конечно. Мало ли, какие люди окажутся... Вдруг, садисты попадутся... Но будем надеяться, что все обойдется!

На Мину смотреть было жалко. И немного стыдно — как будто ребенка обманывала. Но что поделать, на войне за кошачий пристрой все средства хороши! 27f66c

Поэтому я с преувеличено бодрым видом принялась рассказывать, сколько лет уже вожусь с чужими животными, а своих мне никогда не разрешали, и вот теперь — и то, в чужой квартире завела! И даже сообщила, что, когда получу вознаграждение по контракту, пойду учиться на ветеринарного врача.

Мина слушала, кивала, удивлялась, и мы еще некоторое время мило поболтали.

И я ничуть не удивилась, когда, собираясь уже уходить, она уточнила:

— А можно, я на них посмотрю?

— Можно! — великодушно разрешила я.

— Только за кресло не лезь. За креслом они в домике, и там их ловить нельзя. У животного должно быть место, где оно может чувствовать себя в безопасности, и быть уверено, что тут его не тронут! — вещала я в обтянутую модной маечкой спину, в то время, пока Мина, забравшись коленями на кресло, созерцала подробности кошачьей жизни.

Мы обменялись визитками с терминалов, и я проводила гостью до дверей, вернулась, заглянула к Рэю, который по-прежнему спал (идеальный мужик!), и принялась убирать следы нашего чае— и вино-пития. С глубоким чувством морального удовлетворения человека, сделавшего добротную пакость не самому приятному дальнему своему.

Ну, не тянул Дэн на моего ближнего!

Глава 6

Ближе к вечеру снова позвонил курьер — на этот раз, мне доставили игровую приставку. Я приняла ее, но разбираться сил да и настроения уже не было. Задала корму скотине, поужинала сама, повалялась с книгой — и отчалила баиньки.

В спальне, традиционно забившись к Рэю под бочок, я пристроила голову ему на грудь и провалилась в мягкие облака сна без сновидений.

Следующие несколько дней прошли в более спокойном темпе — я спала, отдавала долг Родине в лице (и прочей анатомии) конкретного ее представителя, возилась с животными, рылась в сети и осваивала игрушку. Самое главное — меня отпустило чудовищное нервное напряжение. Я как-то обжилась на новом месте. Насыщенной жизнью это назвать было нельзя, но и на стену, как в первый день, я больше не лезла.

Ард так и функционировал в режиме глубокого энергосбережения, просыпаясь лишь затем, чтобы зарядиться да справить физиологические потребности. Он, как и в первый раз, даже почти не разговаривал, двигаясь словно на автопилоте, но доктор Лисовец, с которой я периодически созванивалась, посмеивалась и успокаивала меня:

— Ничего-ничего, Ли, сон для него сейчас — лучшее лекарство!

Пару раз, то ли во сне, то ли сознательно, Рэй пытался содрать медицинский браслет, но я была начеку и подобные попытки безжалостно пресекала.

Коты обжились, расползлись по всей квартире, и стало ясно, что утаить их наличие от хозяина не удастся никак. Да и то — глупо и бессердечно требовать от любопытных зверенышей сидеть в тесном закутке, когда вокруг — огромный интересный и, главное, неизведанный мир. Насыщенное игровое пространство, по сравнению с которым известная им доселе лестничная клетка — голая пустыня. Я смирилась и готовила аргументы в свою защиту.

Приставка оказалась так себе — не сравнить с новейшими моделями, но чего еще можно было ожидать, если при выборе основным критерием для меня была цена? Выбросить существенную сумму на развлечение мне не позволял здравый смысл и мечта о ветеринарии.

Скрепя сердце, я позвонила в университет и призналась куратору своей группы, строгой даме, что со мной все в порядке, я здорова и служу Отечеству, а вовсе не лежу в больнице при смерти.

Увидев предъявленный в качестве доказательства контракт и узнав, что в будущем году в университет я возвращаться все равно не планирую, а собираюсь осуществлять детскую мечту, она вздохнула, что-то там подумала и велела прислать ей мои дневники по практике и все собранные материалы. А уже через три часа перезвонила, сообщив, что деканат согласился войти в мое положение, она лично просмотрела мои файлы, созвонилась с местом прохождения практики, и, так как отзывы кругом положительные, то, так уж и быть, я могу делать свой отчет. Меня допустят к защите заочно и, если сдам отчет успешно, закроют третий курс.

На этом распрощалась и прервала связь, а я еще некоторое время пребывала в прострации — куратора я считала женщиной суховатой, и уж от кого-от кого, а от нее такого понимания не ожидала.

А тут — гляди ж ты...

Училась я хоть и без удовольствия, но добросовестно, так что подготовка особого труда не составила, и вчера утром я переслала на университетскую почту отчет, а сегодня в обед сдала практику куратору по видеосвязи, честно ответив на ее въедливые дополнительные вопросы.

Оставалось только получить документы — и все, третий курс окончен, а с ним — и учеба в педагогическом университете Кронбурга.

Ощущение странной свободы кружило голову. Я чувствовала себя растерянной, висящей в пустоте.

Кажется, жизнь менялась.

Медленно, но бесповоротно.

И, как бы ни сложилась она дальше — ответственность за это нести буду только я.

А вечером, буднично и без фанфар, окончательно очнулся Рэй.

Это как-то сразу стало очевидно, когда ард перевернувшись на спину, потянулся, а потом сгреб меня в охапку, и вместо того, чтобы заняться сексом, затянул меня на себя, и... принялся щекотать!

Я визжала и извивалась, я билась, как зверь, я даже почти смогла вырваться, но где там! Военизированная сволочь настигла меня одним рывком и, придавив к постели локтем, продолжила свое черное, неблагодарное дело... Отпустил меня Рэй, только когда я, полностью обессилив, уже не могла больше смеяться и брыкаться, и обмякла в его руках тряпочкой.

Тогда только ард, самодовольно посмеиваясь, откатился в сторону и сел на постели. Я повернула голову, посмотреть, что он там делает — и взлетела, будто пружинами подкинута.

— Что ты делаешь! Не смей! Не тронь! — я навалилась на него сзади,

практически легла на плечи и звонко шлепнула по руке, расстегивающий ярко-оранжевый браслет на запястье, совершенно упустив из виду, что мужчина долго болел и сейчас наверняка не в том состоянии, чтобы выдерживать вес упитанной девицы вроде меня.

Но не успела я об этом подумать и перепугаться, как мир кувыркнулся — Рэй, ни капли не беспокоясь о собственном состоянии, попросту стащил меня через плечо, как невесомую пушинку, и уложив рядом на кровать, вернулся к прерванному занятию. Застежка сдалась, и браслет упал на пол.

Вот ведь! Я возмущенно засопела и потянулась за терминалом. Доктор Лисовец ответила почти сразу:

— Добрый вечер, Ли! Вижу, Рэй пришел в себя?

— Добрый вечер, доктор! Ну, он проснулся, буянил и вот, — я включила видео связь, и навела камеру на браслет. В кадре мелькнула голая спина, коротко стриженная макушка, щека со щетиной и бесовская ухмылка, — И ржет! Это считается?

— Пожалуй, да, — на лице доктора мелькнула явная улыбка.

— В таком случае, «клиент созрел, пора готовить»!

— Мы приедем через час, — благожелательно отозвалась доктор Эдна, а я взвизгнула и быстренько отключила видео, потирая попу, по которой прилетел ответ на мою мелочную месть. А потом развернулась на пострадавшей точке и пихнула Рэя ногами в бедро.

Ну, а чего он?!

Ард ухмыльнулся, сгреб мои ноги, потянул на себя... Я, пыхтя и извиваясь, пыталась выдрать конечности обратно.

Доктор Лисовец, давась смехом, заявила, что ошиблась, и у них с Нитой неотложные дела, так что будут они скорее часа через два. Или даже через два с половиной. Да-да, раньше — ну просто никак! И разорвала соединение.

Я взглянула в лицо Рэю и, не выдержав, засмеялась. И смеялась, пока Рэй, ухмыляющаяся бессовестная громадина, не навалился на меня сверху, прижимая к матрасу немалым весом.

Все еще улыбаясь, я обняла его, и Рэй, наклонившись, куснул меня за шею.

Да-да, я помню, мы не любим нечищенных зубов!

Я улыбнулась своим мыслям и взъерошила макушку с ежиком коротких волос, млея от ощущений. От его веса. От твердых мышц и гладкой кожи под моими ладонями. От цепочки поцелуев, перемежающихся с мелкими укусами и нежными зализываниями, сползающих от шеи к ключицам и ниже, к груди.

Я подняла руки вверх, когда Рэй потянул с меня в футболку и сама стянула с себя штаны. Встала на колени на кровати рядом с Рэем. Его ладони скользнули по спине под полоску бюстгалтера, прошлись под ней, и оказались впереди, под чашечками лифа. Сжали грудь — и я выгнулась навстречу этим ладоням. Каждое прикосновение его, каждое движение словно оставляло на моей коже огненный след, и чертово белье уже мешало не ему, а мне, а вредный ард, никак не хотел его снимать. Горячие губы целовали, ласкали сосок сквозь кружево и, кажется, оно Рэю ничуть не мешало.

Я завела руки за спину, чтобы расстегнуть застежку самостоятельно, но Рэй перехватил мои запястья. Потянул их на себя, а потом — положил мои руки себе на плечи. И прикусил сосок, который только что ласкал языком.

Я дернулась, впилась в твердые плечи, чувствуя, как проворный язык ласкает место укуса, раз за разом обводит чувствительную, возбужденную грудь. Провела ладонями по крепкой шее, обхватила голову ладонями, дыша коротко и часто, прикусывая в нетерпении губы.

Рэй осторожно потянул вниз кружево, высвобождая грудь из его плена. Обхватил сосок губами. Так, кожа к коже, без шершавой преграды, было еще лучше. Вторая чашечка поехала вниз под ненавязчивым движением Рэя, и соска коснулись сперва пальцы, сжали, покручивая и пощипывая... Я всхлипнула, переступая коленями ближе к Рэю, сидящему на края кровати. Рот обхватил грудь в уже знакомой манере — выше соска, выше ореолы, жадным, втягивающим движением, крепкая рука обняла за поясницу, а ладонь аккуратно потянула в сторону ногу.

Повинуясь этой ладони, я переступили бедра Рэя, прижавшись животом к его груди.

Потерлась об него, напоминая, что кроме груди у меня есть еще я вся, и я настойчиво требую внимания.

Голодный рот оторвался от моей кожи, Рэй поднял на меня взгляд, и я утонула в черноте расширенного зрачка, с тонкой каймой серой радужки.

Не вытерпев, склонилась к нему, обхватив голову ладонями, и сама поцеловала.

Вот видишь, глупенький?

И совсем не страшно!

Рэй разорвал поцелуй и, глядя мне в глаза, потянул с моих плеч лямки. Я прижала руки к бокам, а потом вынула их из бретелей. Проводила взглядом бюстгалтер, съехавший до талии. И снова поцеловала упрямый рот. Скользя языком по губам. Встречая вторжение чужого языка. Радуюсь

ему.

Чувствуя, как широкие ладони опускаются по спине и проскальзывают по резинку моих трусиков. Сжимают, мнут мои ягодицы. Прижимают ближе. Ласкают половые губы — еле-еле. Едва ощутимо. Самыми кончиками пальцев. И все равно, внутри все вздрагивало от этих касаний.

Я смотрела на Рэя, и тонула, теряла голову, от того, куда звал меня потемневший, возбужденный взгляд.

Вот пальцы аккуратно отвели в сторону полоску кружева, пригладили бархатистую кожу еще разок. Развели нежные складки. Прошлись нежным касанием по чувствительным точкам. «Случайно» задели клитор. Я всхлипнула. Он осторожно надавил пальцами на вход. Не раскрывая его, а проминая. Я закусила кулак, сжимая мышцы, и стараясь не поддаваться на провокацию. Чем ярче, острее моя реакция — тем больше удовольствия она доставляет этому... Садисту!

Пальцы Рэя надавили снизу еще раз. Отпустили. И еще. И еще.

Не удержавшись, я запустила ногти в его плечи, зажмурилась, захныкала обиженно. Наклонившись, Рэй куснул мою ключицу, и проник-таки пальцами внутрь. Несколько быстрых, влажных ударов-проникновений, и пальцы выскользнули, оставив меня голодной. Неудовлетворенной. Пустой. Но в следующий миг Рей надавил мне на поясницу, заставляя опуститься ниже, и придерживая отведенной в сторону полоску белья, и я ощутила горячее прикосновение члена там, где это было больше всего нужно.

Гладкая головка мазнула клитор, и молния удовольствия выстрелила вверх. Я легонько потерлась об мужскую плоть, умножая удовольствие. Рэй рвано выдохнул в мою ключицу, поцеловал ее, и, одним движением найдя вход, вошел в меня — и я полностью опустилась к нему на колени, принимая его полностью, на всю длину.

Хорошо-о-о!

Замерла, смакуя, глаза в глаза.

И задвигалась, подчиняясь требовательному толчку внутри.

Плавные, размеренные движения. Жадные губы на мой груди. Ладони на ягодицах, сжимающие, поддерживающие. И влажная плоть внутри.

Каждый толчок — до упора. До преграды где-то во мне.

Каждый вздох — хрип.

И самый сладкий, самый древний в мире ритм.

Предвещающий награду. Предвещающий пик.

Да! Так! Еще раз! Еще! Пожалуйста, не отстраняйся, милый.

Дотронься до меня еще раз так. Стисни. Сожми.

Я извиваюсь. Я отдаюсь тебе вся.

Бери.

Только не отпускай меня.

Только держи!

Удары горячей плоти, и ослепительная черта все ближе. Мои движения вверх-вниз, и его — во мне, и вот он, сияющий пик, и...

Да!

Гортанный вскрик Рэя, мой хриплый выдох, и горячая струя во мне спровоцировала блаженные судороги.

Я обвалилась Рэю на плечо, прижавшись щекой, обвившись вокруг него диким выюнком. Оплела всем телом, чувствуя его объятия поверх своих.

Господи, как же это хорошо!

И дай мне, Господи, сил, пережить все это и не влюбиться!

Доктор Лисовец заявила, когда Рэй был в ванной. Я впустила их вместе с Нитой, предложила чай, от которого обе дружно отказались, стукнула в дверь ванной, побуждая Харди поторапливаться, и повела гостей в комнату. Я думала, что в этот раз осматривать будут исключительно арда, но как бы не так — медицина не знала жалости. Нита первым делом подняла диван и, привычно придерживая его бедром, выудила на свет божий уже знакомое мне оборудование.

Так что, когда Рэй вышел из ванной, ради разнообразия, на этот раз одетый, хищницы в белых халатах (на самом деле — в цветных, но это не принципиально) успели обследовать меня с ног до головы и нацедить пробирку крови на ужин.

То есть, на анализы. Конечно же, на анализы!

— Выглядишь неплохо, — вместо приветствия сообщила Эдна Рэю, и тот лишь пожал плечами — нечто среднее между «я не специально» и «а я вам говорил!». Доктор хмыкнула, и велела:

— Укладывайся!

Со стороны процедуры выглядели даже скучно. А вот доктору и Ните явно нравились — они одобрительно хмыкали, обменивались непонятными фразами и вообще выглядели воодушевленными.

— Ну, что ж, — подвела итог доктор Лисовец, пока Нита деловито и уверенно собирала аппаратуру. — У тебя в этот раз рекорд — после отметки в минус тридцать единиц восстановился за пять дней. Молодец и все такое, только давай больше без таких вот достижений, ага?

— Это уж как повернется, — ухмыльнулся Рэй, натягивая майку, и я,

бессовестно пялившаяся на него во время обследования, перехватила точно такой же взгляд Ниты. Обменялась с ней понимающими взглядами, и когда Рэй вынырнул из горловины, мы обе уже сидели с видом пай-девочек.

— С диеты можешь начинать переходить, — продолжила давать инструкции доктор, делая вид, что ничего не заметила.

Но, видимо, что-то такое витало в комнате, потому что ард обвел нас подозрительным взглядом, почему-то всех трех, но никаких улик не выявил, и вынужден был сосредоточиться на Эдне.

— С нагрузками поаккуратнее — не торопись, ради всего святого! Не убежит от тебя твоя форма, если ты проявишь ка-а-апельку благоразумия! — проникновенно вещала она.

Мы с Нитой молчали.

Я откровенно разглядывала ардовскую задницу.

Нита с бесстрастным видом косилась на нее же.

Доктор удерживала умное выражение на лице.

Рэй явно чувствовал себя идиотом, не мог понять, почему, и чувствовал себя им еще больше.

Лично я к Ните претензий не имела совершенно — во-первых, задница не моя, а вовсе даже Вивиан, а не мое — не жалко, а во-вторых — должны же люди иметь маленькую моральную компенсацию за нервную работу и выезды на дом во внеурочное время?

Выпроваживал медиков Рэй, и закрыл за ними двери с явным облегчением. Странно, с чего бы это?!

Я прошла за ним в кухню не сразу, задержалась, чтобы прохихикаться в ладонь, а потому, когда подошла, моему взору предстало зрелище арда, заканчивающего, так сказать, ужин.

Вернее, Рэй как раз скручивал в тугой рулончик пластиковую тубу, содержимое которой успел съесть.

Почему-то именно сейчас, в этом ракурсе, я вдруг обратила внимание, насколько он осунулся. Одежда сидела явно свободно. Майка так уж точно совершенно неприлично болталась.

— Заканчивал бы ты со своими концентратами, — жалостливо сказала я.

— Нельзя, — мотнул головой ард и метко запулил упаковку в мусорный контейнер. — На твердую пищу надо переходить постепенно. Желудок отвык.

— Сварить тебе бульончик?

— Зачем? — удивился Рей и открыл один из шкафчиков.

Я, если честно, даже не знала, что в этом месте была дверца, на его

стильной навороченной кухне — и теперь с умным видом рассматривала стройные ряды баночек, с надписями «Говяжий бульон. Первый стол». «Тушеный цыпленок. Общий стол». Особняком стояла баночка, на которой этикетка была закрашена маркером, а поверх вручную написано «Нулевой стол».

Хм... Нулевой стол — это же голод?!

Заинтригованная, я подошла и взяла заинтересовавшую банку.

Она была пуста и даже тщательно вымыта.

— Армейский юмор, — слегка смутился Рэй, отбирая у меня добычу и возвращая ее на место.

Я закатила глаза: мужчины!

И упустила момент, когда Рэй приблизился.

Он подошел близко-близко, оперся ладонями о стену по бокам от меня, и негромко спросил:

— Как ты?

— Более-менее, — улыбнулась я. — Хотя, когда ко мне нагрянули с визитом доблестные вооруженные силы, была несколько удивлена...

Он хмыкнул, наклонился и потерся носом о мой нос.

Я отвернулась, уворачиваясь от неожиданной нежности.

Не надо, пожалуйста! Через неделю с лишним ты окончательно поправишься, и я поеду домой, и пусть все останется как есть, хорошо? Не хватало только и вправду влюбиться в тебя...

Не знаю, понял ли Рэй мой бессловесный посыл, но он улыбнулся и легонько боднул мой висок лбом. Сделал вид, что ничего не заметил. А может, и впрямь не обратил внимания — мужчины не предаются этим мелочам такого большого значения, как мы, девушки...

— Освоилась? — спросил ард, и не думая отступать.

Его вторжение в мое частное пространство несколько не напрягало, наоборот. Было удивительно уютно стоять с ним вот так, в полном одиночестве, в теплом сиянии кухонного света, надежно отрезанными от беспокойного города и всего мира стенами квартиры. В кольце сильных рук, не обнимающих, но все равно ограждающих от всего на свете. И нестерпимо хотелось обнять его самой. Я задавила это желание, позволив себе лишь малость — положить руки на ремень, зацепиться за него пальчиками...

Я спохватилась, что так и не ответила на вопрос, и неопределенно качнула головой, предоставляя ему толковать это движение, как пожелает, и спросила:

— А ты уже совсем поправился? — отчасти потому, что и впрямь об

этом переживала, а отчасти, чтобы не молчать совсем уж неловко.

— Нет еще, — выдохнул Рэй мне в макушку. — Спать в ближайшее время буду много. Хотя уже не так, как раньше. Постепенно вернусь в норму...

Он зевнул, не разжимая челюстей, и вдруг выдал:

— Завтра тебе экскурсию по квартире устрою, — и я поняла, что мое пожатие плечами он истолковал верно. — А сегодня — пойдем спать...

Я улыбнулась и отпустила его ремень.

И правда, спать пора. Хватит уже на сегодня приключений!

Я задержалась немного на кухне, чтобы попить воды, но когда из гостиной раздалось раскатистое Рэевское «Так!», поняла, что приключения сегодня только начинаются.

Я бросилась вперед, ко входу в гостиную. Так и есть! Кошачье семейство, спрятавшееся от шумных гостей за надежное, проверенное кресло, с наступлением тишины успокоилось, и вылезло на оперативный простор.

От входа в гостиную я видела Рэя, стоящего посреди комнаты. Он молча смотрел на котов. Коты, на всякий случай прижавшись к проверенному временем креслу, смотрели на Рэя.

Ни одна, ни другая стороны представшее перед ней зрелище очевидно не одобряли.

Твою ж дивизию!

Я начала медленно и осторожно отступать.

— Та-а-ак! — повторно протянул Рэй, медленно разворачиваясь ко мне. Выглядело это ну очень внушительно. — Ну и что это такое?!

— Это котики! — пролепетала я, не прекращая пятиться.

— Линетт!

— Это волшебные котики! Они лечат!

— Что они лечат? — голосом «это последнее предупреждение, у тебя еще есть шанс!»

— Плохое настроение! Но тебе не поможет, потому что... — медленно отступая на стратегическую позицию и запираясь в ванной, — Арды на голову больные, а этого котики не лечат!

Ба-бах! — обрушился на двери удар кулака.

— Выходи или я вышибу дверь!

Баб-бах!

— Ты не можешь!

Как ни странно, страшно мне не было. Я была безосновательно, но железобетонно уверена — нам с котами ничего не грозит. С того самого

момента, как Рэй их увидел. И от этого откровенно наглела.

За дверью зависло недоуменное молчание. Кажется, до сих пор никто не имел нахальства сомневаться в том, кто победит в противостоянии двери и арда. А спустя несколько мгновений раздалось раздраженное:

— Это почему это?

— Потому что я в домике! Ты что в салки в детстве не играл?!!

Молчание за дверью обрело совсем уж непередаваемый оттенок.

— Сейчас я тебя научу! — оживилась я выползая из укрытия. — Суть игры заключается в том, что...

— Поймал, — невозмутимо известил меня ард, сгребая в охапку и перекидывая через плечо.

Вот ведь... ард!

Но поражение есть поражение, и его надо уметь принимать достойно. Я покорно обмякла на широком плече и так и въехала в спальню.

Плюхнувшись спиной на шикарный матрас, я раскинулась на нем, кусая губы и стараясь не улыбаться. Рэй навис надо мной грозной темной горой.

— Итак. — Ард положил руки на ремень и многозначительно щелкнул пряжкой. — Как это понимать?

Ремень угрожающе выскользнул из петель. Улыбаться мне расхотелось, я взвизгнула и попыталась скатиться с кровати, но была прижата коленом.

Ремень сложился в угрожающую петлю, я даже на секунду на долю секунды успела где-то на грани сознания всерьез испугаться и поверить, но — мгновение — и он отлетел в сторону, звонко звякнув пряжкой по полу. В этот момент последний страх я окончательно потеряла и от души заколотила склонившегося надо мной арда по груди и плечам, визжа и извиваясь змеей, не позволяя себя раздеть. И тяжелая туша, которая только что без особых усилий меня фиксировала одной конечностью, охотно эти удары принимала и даже делала вид, что никак не может справиться с этой гордой и отчаянно борющейся за свою... — ну, допустим, честь! — девушкой.

Вот только без штанов я все равно каким-то непостижимым образом осталась очень быстро, и майка задралась совершенно неприлично, а сама я уже начала выдыхаться и жалеть о прогулянных уроках физкультуры, как мир вдруг перевернулся, и я неожиданно для себя оказалась на Рэе верхом.

Серые глаза смотрели на меня — растрепанную, с рыжим гнездом на голове, тяжело дышащую так, будто бежала марафон, в одних трусиках и с почти вываливающейся из лифчика грудью. И от этого взгляда меня

изнутри словно кипятком облило и тягуче дернуло внизу живота.

А он просто лежал и смотрел. Только руки горячо сжимали бедра, не позволяя вырваться.

Я бестолково сдула с лица волосы, подцепила край зеленой ардовской футболки и потянула ее вверх.

Рэй послушно позволил стянуть ее с себя и... снова улегся, на этот раз — опершись локтями о кровать. Не в силах удержаться от соблазна, я провела ладонями по умопомрачительным кубикам напряженного пресса, вверх и вниз, и под тем же бездонным взглядом, от которого дрожали не только пальцы, но и каждая клеточка тела, взялась за пуговицу на джинсах.

Петля оказалась тугой, пальцы — непослушными, а ард — вредным.

— На что ни пойдешь ради котиков! — пробормотала я себе под нос, сопя от усилий, и...

Все испортила.

Ард заржал.

Заржал громко и заразительно. Так, что спустя несколько мгновений я ржала вместе с ним, уткнувшись лбом в гладкую грудь. А еще пряча за волосами краску смущения, залившую лицо. Ох, Линетт, тебя только могила исправит!

И когда Рэй подо мной перестал сотрясаться от хохота, я так и осталась лежать, не находя в себе смелости поднять голову и посмотреть ему в глаза. Было стыдно, неловко, досадно и смешно одновременно.

— Фу-ух, — мужчина шумно выдохнул, шевельнув волосы у меня на макушке, очевидно, чтобы окончательно успокоиться. — Ладно. Откуда в моей квартире орава котов, Ли?

— Вовсе не орава! — вскинулась я. — Всего...

Одна взрослая и пять мелких мордочек встали перед глазами и воззвали к совести.

— Ладно, орава, — признала я. — Но это временно! Я их всех скоро пристрою, честно-честно. А если не пристрою, то заберу с собой. Так что это ненадолго. Ну пожалуйста! Они домашние, они на улице пропадут. А в приюте та еще атмосфера. И вообще. Мелких, может, и разберут, а у кошки шансов мало. Понимаешь?

Я закруглила сумбурный монолог и с надеждой воззрилась в серые глаза.

— С трудом, — честно признал ард.

Я уже открыла рот, чтобы вдаваться в подробности и в красках описать как жизнь животных на улице, так и плюсы и минусы приютов, а также счастливое будущее, которое всем непременно организую, но Рэй щелкнул

меня по подбородку, заставив прикусить язык.

— Коты так коты, — спокойно произнес он и легким движением стряхнул меня с себя.

Быстро закончив начатое мной раздевание, он потянулся за сбитым в ноги одеялом и улегся обратно, накрыв им нас обоих.

Я хотела откатиться подальше, но железобетонная ручища не позволила, подтянула меня к горячему телу. Рэй уткнулся носом в мои волосы и, кажется, вознамерился так и заснуть.

И меня вновь кольнуло... одно дело все же, спать с ним в обнимку, пока он был по сути в бессознательном состоянии. Это как с подушкой спать! Большой такой, мускулистой, но при этом все же подушкой.

А сейчас...

На обнимашки с подушкой эти объятия походили меньше всего.

«Не привязываться!» — мигала в голове неоновая надпись.

Я попробовала ненавязчиво высвободиться, понадеявшись, что Рэй уснул так же мгновенно, как и раньше, но тяжелая рука тут же напряглась, удерживая, и я малодушно сделала вид, что просто устраиваюсь удобнее — одернула маечку и немного поерзала.

Мне вдруг вспомнилась Вивиан. С чего — бог знает. Вспомнилась с ее техниками, тренажерами и неземной красотой. Уж она-то наверняка никогда не разочаровывала мужика, сбивая ему весь эротический настрой. И котов бы не притащила. Да и вообще...

— Рэй, — прошептала я в вечерний сумрак.

— М? — сонно мурлыкнул ард.

Мне хотелось сказать, что она приходила. И даже предложить, может, как-то можно теперь, когда он пришел в себя, пересмотреть контракт, чтобы она вернулась, а я со своими котами согласна отчалить без малейших претензий. Но не придумала, как облечь все эти соображения в слова, и, стушевавшись, сомкнула произнесла:

— Пусти, я переоденусь.

Тяжелая рука приподнялась, освобождая меня из плена. Я неторопливо сбросила майку, натянула пижаму, еще чуть помедлила, надеясь, что уж теперь-то Рэй точно будет спать...

...и все равно угодила в мягкий захват, стоило мне вернуться в постель.

Глава 7

Утро началось с жизнеутверждающей борьбы за свободу во имя сохранения собственного достоинства. По-человечески говоря, мне жутко хотелось в туалет, а тяжелая горячая рука, придавившая меня к постели, это веским аргументом не считала. Я, как могла, старалась вывернуться из-под нее и не потревожить спящего, но не тут-то было. Харди, видимо, по жизни руководствовался принципом «свое я не отдам, чье бы оно ни было», и держал надежно, так что в итоге я его все-таки разбудила.

Вернувшись из долгожданного вояжа, я с облегчением шлепнулась на постель, вольготно на ней раскинувшись. Рэй подняться так и не соизволил, и теперь лежал, прикрытый одеялом лишь снизу, и сиял голым торсом, заложив руку под голову — то ли додремывал утреннюю дрему, то ли наблюдал за мной из-под опущенных темных ресниц.

— Рэй, — я легонько пихнула в бок массивное тело. — Рэ-э-эй!

Один серый глаз приоткрылся, смерил меня ленивым взглядом, не счел достойной внимания и снова прикрылся.

— Рэй! — я потыкала наглеца в ребра острым пальчиком.

— Ну чего тебе? — сонно пробормотал он.

— Ты обещал мне экскурсию! — требовательно напомнила я.

Ну, в самом деле, сколько можно спать? Я наскучалась на месяц вперед!

— Рэ-э-эй, — протянула я, напolzая на арда и предпринимая решительные действия в отношении его ребер, беззащитно и рельефно маячащих у меня перед носом. — Ну же, покажи девушке, как живут крутые парни, вроде тебя!

Жилище Харди не было похоже на то, что показывают в галосети и по виденью. Я думала, когда не при исполнении, арды живут в квартирах на два уровня в престижном районе с личной услугой и прочий блестящими атрибутами красивой жизни...

А тут — просто квартира, ухоженная, конечно, с крутой техникой и в дорогом доме, но не более. И даже не слишком просторная, вместо двух уровней — всего две комнаты!

Вместо того, чтобы внять, Рэй повел рукой, как бы давая понять — смотри.

Я недоверчиво брыкнула ногами под одеялом и подначила:

— Ну, давай, похвастайся чем-нибудь!

Все равно мне из этого логова одичалого бойца скоро сваливать, так хоть посмотрю!

Вместо ответа мой партнер невозмутимо приспустил одеяло.

Темные глаза были спокойны и невозмутимы.

— Вау! Мы не чужды иронии! — восхитилась я, но взглядом в сторону одеяла все же стрельнула.

Хоть уже и успела оценить то, чем он хвастался.

Там, под одеялом, тоже уже все проснулось и прибывало приподнятом настроении.

Кажется, экскурсия если не отменялась, то откладывалась так уж точно.

Но, к моему удивлению, Рэй откинул одеяло и встал. Одеждой он себя традиционно не утруждал. Вместо этого потянул меня за запястье:

— Ну пойдем, покажу... где у меня что, — и настолько выразительна была эта пауза, что я жарко покраснела, хоть вроде бы ничего пошлого он и не сказал.

И, на всякий случай, постаралась не смотреть на «где у него что».

— Пойдем, пойдем, — подбодрил меня Рэй, подталкивая под поясницу.

Широкая ладонь обжигала сквозь нежный шелк пижамного комплекта.

Мы вышли из спальни.

— Гостиная, — объявил Рэй, и я обвела ее взглядом, как будто первый раз здесь оказалась.

Просторная светлая комната была сплошь отмечена следами моего присутствия: на диване валялся брошенный-забытый мой терминал, одно из кресел было сдвинуто мной ради создания котологова, а второе — для симметрии. Главным же знаком моего присутствия была кошка, сидевшая на темной полировке журнального столика. При виде нас она вместо того, чтобы смутиться и убрать мохнатую попу со стола выразительно раззявила розовую пасть, полную сахарно-белых зубов, и издала то ли сип, то ли писк. То ли еще не освоилась, и стеснялась мяукать в полную силу, то ли в принципе молчунья.

Я молча вывернулась из руки Рэя, уже привычным движением сняла кошку и спустила на пол.

Рэй насмешливо наблюдал:

— Ну, вижу, тут ты уже освоилась...

Я приняла максимально независимый вид, всеми силами давая понять, что на такую банальную подколку реагировать не собираюсь. Но уши предательски горели.

— А там у меня кухня, — Рэй снова ухватил меня за запястье и потащил в указанном направлении.

Нагота его по-прежнему не смущала.

— Смотри, — сказал Рэй остановившись в дверях кухни и утвердив меня перед собой и положив руки мне на плечи. — Вся правая сторона — это рабочая зона. Там разделочный стол, плита, микроволновка...

Горячие ладони поползли по моим плечам, спустились ниже, кожа к коже. Медленным, чувственным движением прошлись вверх-вниз, помассировали мышцы.

Большое тело прижалось ко мне со спины, и тут же отстранилось, но ягодицы помнили это касание. Я остро ощутила, что он стоит сзади абсолютно голый. Да и на мне из одежды — маечка да шортики, несерьезные шелковые финтифлюшки.

С плеч руки переползли на грудь.

— Рядом духовой шкаф и посудомойка, вытяжка над плитой, включается во-о-он там, видишь, выключатель? — вещал Рэй тоном самого гостеприимного на свете хозяина, и ненавязчиво сжал, огладил грудь, провел ладонями ниже, скользнул под маечку, и еще раз погладил живот, уже без скользкой гладкой преграды. Он больше не прижимался ко мне намеренно, но ягодицами я то и дело чувствовала случайные прикосновения. Невесомые — и в то же время обжигающие.

— Слева — шкафы, — продолжил Рэй, пригладив выемку пупка. — Посуда, продукты, бытовая техника, которой пользуются от случая к случаю... Словом, все просто!

Я задумчиво покивала, чувствуя, как пальцы Рэя выводят а моем животе круги.

Конечно, все просто. Куда уж проще?

Особенно, если учитывать, что вся правая сторона ничем не отличается от левой — сплошные дверцы из темно-зеленого тостостенного стекла. Разве что слева есть несколько открытых полок, а справа — плита да столешница из искусственного мрамора.

Вот только слева — там и правда шкафчики во всю стену, а справа — все дверцы фальшивые, и маскируют прорву всевозможных кухонных девайсов...

Я из них всех только собственно плиту и нашла. Как говорится — кто ж знал?!

Тот, кто знал, повел подушечкой большого пальца над резинкой моих шорт — туда, обратно, на возвратном движении будто случайно прочертив по моей коже линию ногтем.

Я с трудом заставила себя сделать забытый вдох, и волевым усилием расслабила поджавшиеся пальчики на ногах. Совладать с сосками я была, к сожалению, не в силах, и они вызывающе торчали, натягивая тонкую ткань.

— Пойдем, я покажу тебе ванную, — хриловатым, чувственным голосом выдохнул мне куда-то в шею Рэй, коротко куснул чувствительное место, где она переходит в ключицу, и потащил меня дальше.

— Душевая кабина! — объявил Рэй, втащив меня в ванную, поставив перед собой, а сам снова встал сзади и положил мне ладони на талию, словно невзначай задрал майку. — Шестнадцать режимов подачи воды. Гидромассаж в двух вариантах. Ароматерапия, контрастный душ, подсветка...

Рэй говорил, а его руки в это время блуждали по моему телу. Оглаживали, сживали, потирали. Пощипывали соски. Нахально проникали под свободную резинку шортиков, чтобы потереть венерин холмик, скользнуть шаловливыми пальцами ниже, погладить нежные складки — и вновь покинуть завоеванную территорию.

Он перестал держать дистанцию и прижался ко мне вплотную, и теперь я всем телом чувствовала его жар, а ягодицами — еще и кое-что дополнительно. Во рту пересохло, кровь прилила к губам, к груди, к коже, сделав ее невероятно чувствительной, а меня всю — одной сплошной эрогенной зоной. Губы пересохли, грудь ныла а между ног было горячо и мокро.

Рэй подтолкнул меня под попу, мимолетно, но ощутимо сжав ее, побуждая войти в душ, и шагнул следом за мной.

— Телефон громкой связи. Радиосвязь, — он рассказывал, а я бессмысленно тарасилась, пытаюсь сообразить, о чем речь.

Руки, теребящие грудь, тискающие и сжимающие ее, мысли отбивали напрочь. А, да, экскурсия.

— Была еще функция голосового управления, но я ее отключил, — мурлыкнул Рей сзади мне в ухо, прикусывая мочку, а затем беря ее в рот и легонечко посасывая.

Уперев меня руками в стенку кабины, он потянул вниз мои шортики, и просунув руку мне между ног, развел половые губы, проник пальцами внутрь меня, убеждаясь, что я готова, властно и по-хозяйски уверенно, надавил на спину, нагибая и заставляя упереться в стенку кабины, подбил коленом ноги, вынуждая расставить их шире.

Молча, бесцеремонно.

А потом резко, толчком, взял меня, проникая сразу и на всю глубину.

И от этой властности и бесцеремонности у меня в голове что-то

сместилось. Что-то темное, древнее ревушим потоком поднималось из глубины меня, сметая налет цивилизации, оставляя лишь первобытное желание отдаваться своему мужчине, доставлять ему наслаждение.

И не было ничего великолепнее, прекраснее Рэя, берущего меня. Свирепо. Яростно. Не думая о моем удовольствии.

Толчок. Толчок. Каждый — как таран, и близость — как в последний раз. И я отвечала. Неистово. Восторженно. Не думая о своем удовольствии.

И получая от этого огромный, обжигающий, непередаваемый кайф.

Ощущения накалялись Грубые. Примитивные. Я замерла на краешке, на самой грани. И когда Рэй вогнал в меня член в последний раз, и в меня ударила горячая пульсирующая струя, он наклонился и куснул меня в шею, и я сорвалась в ослепительный оргазм.

Рэй, переждав мою кульминацию, легонько подул на место укуса, холодя влажную кожу, и прижав мою попу к себе теснее, объявил:

— За сим экскурсию объявляю оконченной! Ли, серьезно — чувствуй себя как дома, не морочься и спокойно пользуйся всем, чем хочешь. Что не знаешь, где найти, — спрашивай, что надо — смело бери, опасные и секретные вещи я домой с работы не приношу.

Чуть позже, когда мы оба пришли в себя, Рэй остался в ванной, доделывать свои утренние дела, а я отправилась делать свои.

Коты собрались возле кресла в ожидании кормежки, и я, приветственно потрусив пачкой с кормом, отчего серое семейство заметно оживилось, наполнила миски. И пока хвостатые увлеченно ели, продолжила: налила воду, проверила кошачий угол на сюрпризы — к счастью, отсутствующие. Проверила лоток в туалете — так и есть, все в порядке. Кошка и впрямь оказалась домашней, а я везучей — к лотку своих детей она приучила самостоятельно, мне почти и не пришлось вмешиваться, только в самом начале. Заменяла наполнитель в лотке.

Привычный утренний круг забот, покончив с которым можно позавтракать и самой.

Поймав себя на этой мысли, я хихикнула: хозяйюшка! Всех питомцев накормила, и пушистых, и гладеньких!

Рэй Харди, как раз вышедший из ванной, вопросительно вздернул бровь на мой смешок, и я ответила ему самым невинным своим взглядом:

— Завтракать будешь?

— Буду, — скорбно вздохнул ард, видимо, вспомнив о диете. — Куда я денусь...

Я хихикнула — уморительно он все же выглядел в своей тоске по

нормальной еде, хотя мне, как девушке, которая периодически пытается похудеть, эта тоска была очень даже понятна.

— Ну, хочешь, я с тобой на бульончиках посижу? — щедро предложила я, по опыту зная, как бесят запахи вредной, но вкусной пищи тех, кто волею обстоятельств ее лишен.

— Не надо, — великодушно отказался Рэй. — Сегодня потерплю, а завтра уже легче будет...

Я вздохнула и покачала головой, и все же не утерпела:

— Знаешь, ты б оделся... А то зарядное устройство застудишь!

И, давясь смехом, ловко увернулась от шлепка по попе — начинал вырабатываться навык общения с Харди.

— Слушай, что это? — спросил Рэй, когда я по всей гостинной разыскивала невесть куда засунутый терминал.

Из одежды на нем были одни боксеры, но и на том спасибо!

— А? — я обернулась на вопрос, и обнаружила, что Харди разглядывает подключенную к видеопанели игровую приставку, к которой я успела привязаться всей душой. — А! Игрушка моя — я себе завела, чтобы в одиночестве не тосковать, пока ваше ардовское величество изволит пребывать в отключке.

Я сказала совершенно честно, безо всякой задней мысли, и вовсе не ожидала, что ответом мне станет великолепное выражение превосходства на мужской физиономии.

Особенно сильное впечатление оно производило в сочетании с его общим видом.

Кто-то должен подсказать Харди, что кичиться своими преимуществами лучше, когда на тебе надето что-то помимо трусов...

— Пойдем!

Я непонимающе попыталась вывернуться из его рук, пытаясь объяснить, что мне надо в сеть, проверить объявления и заглянуть на форумы, и позвонить родителям, и... Много дел, много — и для всех нужен терминал — но меня уже волокли в сторону спальни. Оставалось лишь смириться, и поддаться Рэю и любопытству.

Рэй привел — вернее говорить, притащил! — меня в спальню, усадил на кровать, нажал что-то на экранчике управления, встроенном в стену рядом с видеопанелью, а потом в стене щелкнуло, и Рэй эффектным жестом отступил в сторону, а из стены по бокам от панели выехали два высоких узких шкафа. На самых верхних полочках стояли две мощные колонки, а ниже... ниже были разложены всевозможные игровые манипуляторы — от вирт-шлемов и перчаток, до примитивных джойстиков. Ай, нет!

Присмотревшись, я поняла свою ошибку — это же из набора для симуляции воздушного боя!

Оружие — самое разное, от огнестрельного до колюще-режущего разных видов...

Так. Та-а-ак... Надо полагать, это — вовсе не видеопанель, а игровой монитор!

Это, конечно, многое объясняет. Например — почему я так и не смогла ее включить!

Я обвела спальню взглядом, по-новому оценивая увиденное.

Кажется, вон то эргономичное и функциональное кресло — из одного набора с джойстиками.

А тренажер-дорожка у стены... Опомнись, Ли, зачем арду дорожка для ходьбы дома?

Если, конечно, это не игровой девайс!

Ну и ну!

Рэй запускал свое сокровище, а я чувствовала, что меня разбирает смех. Большому мальчику — большие игрушки!

Не удержавшись, я встала и чмокнула полностью увлеченного установкой арда в щеку — благо, та была как раз удобно склонена.

Он вскинул голову, поймал меня непонимающе-вопросительным взглядом, и я покачала головой — нет, ничего.

Не скажешь же здоровенному мужику, что испытала острый приступ материнского умиления только что?

Он хмыкнул, и подкатил кресло ближе к панели.

— Садись! Где там твоя игрушка? Сейчас я быстренько твои игры сюда перекину...

Я с интересом вертелась в кресле, изучая его. Плотная, шероховатая кожа покрытия, подлокотники со скрытыми гнездами разъемов, ремни...

Господи... Ремни-то зачем? А это что? Мама дорогая, это что, система фиксации рук, что ли?

Рэй, видя мое изумленное лицо, тихонько рассмеялся:

— Это не то, что ты подумала! Это пульсометры. Но твоя идея мне нравится! — и бессовестно подмигнул, вынуждая меня залиться краской.

Вот ведь! Не имела я ввиду ничего такого!

Я уже открыла рот, чтобы опротестовать гнусные подозрения, но тут как раз нашелся мой терминал. Он, зачем-то сунутый мной под кровать, заливался звонкой трелью популярной мелодии.

Я дернулась вывернуться из-за высокой спинки, но Рэй меня опередил — нагнулся, выудил гаджет, и подал мне. Я радостно вцепилась в

прямоугольник из темно-синего пластика, набитый высокотехнологичной начинкой, и нервно застонала — мама!

Странно, мама редко мне звонит, обычно я сама зво...

О, Боже! Я же два дня не звонила! Закрывала практику, закрутилась, забегалась — и вот, забыла!

Ну, что ж, по крайней мере, у родителей ничего не случилось, обреченно подумала я, принимая вызов.

— Привет, мам! — преувеличенно жизнерадостный, прозвучал мой голос.

В трубке неодобрительно помолчали. Потом родной, до боли знакомый голос произнес:

— Как ты, Ли? У тебя все в порядке?

— Все отлично, мам! У меня сложности с отчетом по практике были, вот, позавчера готовилась, вчера сдала, потом спать сразу легла... Извини, мам, забыла и не отзвонилась!

Мама вздохнула:

— Ли, просто готовиться надо начинать не в последний момент, а планомерно и в течение всего семестра. Тогда и проблем со сдачей не будет.

Я вздохнула. Моя безответственность — любимая мамина тема.

— Да, мам, ты права. И извини еще раз, что не позвонила — совершенно чумовая выдалась неделька!

Мама еще раз вздохнула. И простила. Я по голосу услышала, что она перестала хмуриться, и тоже расслабилась. Я подтянула ноги, свернулась в кресле компактным клубочком и погрузилась в пучину домашних дел и обсуждений — о том, что у папы опять побаливает спина, и надо бы пройти курс лечения, но он упрямится, жалеет времени и денег, пьет обезболивающее и отмахивается — и так сойдет! О том, что в любимом мамином шоу сменился ведущий, и новый вроде бы ничего, но какой-то поверхностный и суетливый, и старый маме нравился больше — он и внушительней был, и суждения у него были глубже. О том, что соседской внучке вчера отмечали годик, и соседи уезжали в гости на весь день, и вернулись счастливые, а я... Нет, родители меня не торопят, и конечно, образование важнее всего, но у меня же даже парня нет!

Угу-угу, старая песня — диплом за меня никто не напишет, но и дети, однако, сами себя не сделают...

Обычно такие намеки меня ужасно раздражали, но сегодня на кровати поблизости валялся Рэй Харди и, кажется, беззастенчиво подслушивал, а потому мне было скорее смешно. Я улыбалась, с трудом удерживая игривые комментарии — мама, в отличии от арда, все равно не оценит!

Мама, кажется, поняла по моему голосу, что сегодня я настроена легкомысленно и не преминула укорить:

— Линетт! Молодой девушке вроде тебя надо больше общаться со сверстниками!

— Ой, мам, о сверстниках! — спохватилась я, — У меня сейчас с деньгами небольшие трудности, так что я временно съехала с квартиры и в общежитии пока поживу!

— Общежитие?! — одними губами выговорил возмущенный Рэй.

— Общежитие?! — недовольно переспросила мама. — Там же сплошной разврат!

Кажется, в такой трактовке моя формулировка Рэя уже не напрягала.

— Зато сверстников полно! — нашлась с ответом я, — Все, пока, мам, привет папе! Целую!

И прервала соединение под недовольное фырканье мамы, что, дескать, не такой судьбы она хотела для единственной дочери.

— Итак! — Рэй, до того лежавший на кровати, деловито сел и выжидательно уставился на меня. — Где?

— Что — где? — не поняла я, невольно любуясь им.

— Где общажный разврат?

Смерив его взглядом «Такой большой, а как мальчишка», тут же лукаво улыбнулась, подцепила лямку маечки, и потянула, символически обнажая плечико, и сразу вернула назад — а затем отвернулась от арда,

Сзади раздался шумный выдох.

Рэй дотянулся до кресла, потянул его на себя — и оно послушно подъехало и развернулось, явив меня пред светлы очи хозяина. Я сидела прямо, спина — хоть линейку прикладывай, руки на коленках и выражение типичной хорошей девочки на лице.

Ард деловито, неспешно обхватил руками подлокотники, запирая меня, лишая возможности вырваться.

— А дальше? — хриловатый голос, в глазах черти и бесовская улыбка...

Хорош, поганец! Будь мы и вправду студентами — я б дала! А так — лишь «испуганно» округлила глаза:

— Ты что! Мне мама не разрешает!

Рэй коротко сглотнул, на секунду прикрыв глаза, и от этого зрелища у меня кровь скорее побежала по жилам. А он склонился ближе, потянулся к моему уху, прошептал, почти касаясь его губами:

— Да ладно! Она не узнает! — жаркий шепот и горячее дыхание, обжигающее чувствительную кожу. — Мы никому не скажем...

Грубая лапища обхватила грудь, стиснула, помяла, большой палец нашел сосок, приласкал его прямо сквозь тонкую ткань. Эти движения, и близко не похожие на ласки бестолкового подростка, движения опытного, умелого мужчины, заставили меня прогнуться и закусить губу... И когда он, не прекращая ласкать грудь, накрыл мои губы поцелуем, я ответила, страстно и... азартно, что ли? Поцелуй — глубокий, напористый, жадный — увлек меня, закружил, и опомнилась я, только когда вторая рука оказалась у меня между ног, уверенно проскользнув в домашние свободные шортики, сдвинула в сторону кружево трусиков...

— Ай! — взвизгнула я, спохватившись, что уплыла куда-то не туда, и резко шлепнула по нахальной конечности. — Ты что творишь! Прекрати! Мне нельзя!

И выскочила из кресла, разрывая дистанцию и приводя в порядок одежду. Сердце колотилось, дыхание прерывалось... Я бросила быстрый взгляд на Рэя — он снова сидел на кровати, и ме-е-едленно вдыхал и выдыхал, прикрыв глаза...

Я довольно ухмыльнулась — как там говорили в знаменитой книжке? «Шалость удалась»? А получить физическое удовлетворение можно будет и чуть позже. Говорят, ожидание обостряет ощущения.

Рэй встряхнулся, и я улыбнулась этому собачьему движению.

— Ладно! Садись, — он развернул кресло ко мне, и когда я послушно опустилась, подкатил меня к панели.

Он начал настраивать интерфейс, выводя в верхние поля мои игрушки и открывая мне доступ, а я не утерпела, озвучила вопрос, червячком грызший меня с того момента, как я увидела Рэевские богатства.

— Рэй, а ты много играешь? — издавека начала я.

— Да прилично, — легко отозвался он, — Особенно когда на реабилитации. Нагрузки еще запрещены, делать нечего, а спать сутками уже сил нет... Хотя доктор и настоятельно рекомендует!

Он плутовки ухмыльнулся, но увидев мою обеспокоенную физиономию, понял.

— Ли, ты что, переживаешь, что я игроман, что ли?

И понял ответ, который я не хотела озвучивать, по моему вильнувшему взгляду.

— Ли, не бери дурного в голову! — я удивилась, тому, насколько спокойно он воспринял мои подозрения. Без обиды или ущемленной гордости, а с добродушной насмешкой. — Я на службе раз в полгода освидетельствование у Доброго Доктора Психиатра прохожу. И любые зависимости — любые! — выявляются сразу и ставятся на вид. Так что,

можешь быть спокойна — тебе не подсунули бракованного арда!

Я слегка смутилась от такой постановки вопроса, и Рэй, бессовестная ардовская морда, продолжил:

— А все вот это вот — это, скорее, коллекция. Я ей дорожу, конечно, но половиной даже не пользовался!

Смущение и не думало сдавать позиции, заливая меня горячей краской. Я изо всех сил держала независимый вид, но подозреваю, гордо задранный нос выглядел не слишком убедительно рядом с горящими щеками...

— Официально вас извещаю, Линетт Келли, что сегодня я планирую резаться в игрушки до полночи!

— А спать?! — возмутилась я.

— А я выспался! — парировал Рэй.

— А я?! — хотела было качнуть права бессовестная батарейка, но мальчишески-довольная, предвкушающая физиономия Харди вызвала к жизни древнего демона по имени Совесть. — Ладно, я на диване посплю!

Я невольно улыбнулась ему и удивилась, когда в ответ на меня обрушилось ардовское негодование:

— Эй, так нечестно!

— Ничего подобного!

— Это удар ниже пояса!

— Принесешь свое ниже пояса за сексом на диван!

И под хохот не сдержавшегося Рэя торжественно надела вирт-шлем.

Тэк-с, где там моя любимая игрушечка?

Ага... Угу... Вау, а в вирт-шлеме все совсем по-другому! Здорово!

К сожалению, долго разбираться с новыми возможностями мне не дали. Не успела я чуть-чуть освоиться и капельку увлечься, как над ухом начался противный бубнеж:

— Ли! Ли, хватит, теперь моя очередь!

— Ли, ты играешь уже сорок минут!

— Ли, слушай, уже час прошел. Пустить меня!

И никакие мои веские, логичные и обоснованные аргументы — «я в гостях», «я девочка», «там на диване моя приставка валяется, возьми ее» и «ага, сейчас, еще немножко!» — на зануду не действовали. Пришлось с великим сожалением стянуть с головы шлем виртуальной реальности, вернуть законному владельцу и, проморгавшись, пока зрачки перестраивались с виртуальной реальности на обычную, взяться за терминал.

Мне как раз нужно проверить объявления о пристрое, вот за часок и

управлюсь, а потом отожму у Рэя место за игровой панелью...

Итак! Вот мое объявление: «Счастливая котовладелица отдаст котенка в хорошие руки. Возраст. Пол и окрас — в ассортименте. Порода — древнейшая, благородная дворовая. Пристрой с отслеживанием.»

Что у нас тут с уловом?

Негусто. Объявление я дала на трех порталах, и в совокупности получила четыре комментария, в трех из них хвалили забавное объявление, а автор четвертого интересовался пристроем — но был внесен в черный список местного общества защиты животных. Бан! Чао, дорогой!

С тяжелым вздохом я открыла вкладку соцсети. Сама не справлюсь за неделю — придется помощи просить... Договорившись о максимальном распространении информации с кем сумела, я отложила терминал.

Рэй деловито и целеустремленно сворачивал какие-то провода, и, кажется, он их отключил от игровой панели... Что?

— Эй! — я свесилась с постели и аккуратно потыкала пальчиком голую спину, — Ты что делаешь?

Спина высокомерно меня проигнорировала, только широким плечом дернула, отправив меня ненадолго в эстетический нокаут. Быстренько придя в себя, я попробовала зайти в другой стороны:

— Имей ввиду, скоро твой час закончится, и я сяду играть!

— Не сядешь, — беспечно отозвался ард, не подозревая, что этими словами запросто может разбудить Древнее Хтоническое Зло. — Ты сама приставку из спальни выгнала!

Древнее Хтоническое Зло стыдливо сдулось, и перевернулось на другой бок, делая вид, что оно вовсе не просыпалось. Я фыркнула и с самым независимым видом уткнулась в терминал, а Рэй, посмеиваясь, продолжил разбирать стеллаж.

И так он упоительно выглядел при этом — сильный мужчина, занятый делом, широкая спина, крепкий зад в синих боксерах и взъерошенная темная макушка, что я не утерпела, и ткнула в иконку камеры на дисплее.

Так-с, настройки, отключить вспышку, отключить звук. Готово!

Делая вид, что безумно увлечена чем-то в терминале, я принялась «подкрадываться», миллиметр за миллиметром наводя камеру на Харди и ловя ракурс.

Оп-па! Готово! Я полюбовалась получившимся кадром, открыла любимый зверочат, набила комментарий «Отдалась за игровую установку» и решительно ткнула в табличку «отправить изображение».

К черту конспирацию, я должна этим поделиться!

— Ли, помоги, — попросил Рэй, и я дернулась, будто пойманная с

поличным, торопливо вскочила, изображая полную готовность немедленно оказать любую посильную помощь. Терминал, брошенный на кровать с видом «пусть валяется, там ничего важного», энергично тренькал сообщениями.

— В кладовой коробка стоит, принеси, будь другом!

Ну, другом — так другом, я что, против, что ли? И уже в дверях я спохватилась:

— А где у тебя кладовая?

Рэй оторвался от своего увлекательного занятия и заулыбался:

— В гостиной правый стеллаж — на петлях, надави на него ладонью, замок отщелкнется, за ним кладовая!

— Спасибо, — чинно поблагодарила я и не удержалась: — Тщательнее надо было экскурсию проводить, тщательнее!

И выскочила из спальни, пока очередную «экскурсию» мне не устроили прямо сейчас.

Правый стеллаж под нажимом послушно щелкнул встроенными замками и плавно отъехал в сторону, открывая моему взору тесное пространство, зашитое полками до самого верха. Свет здесь включился автоматически, реагируя на открытие двери.

— Вау, как в холодильнике! — пробормотала я себе под нос и, отыскав требуемую коробку, вынырнула из каморки.

Стеллажу, загораживающему дверной проем, хватило легонького толчка пальчиком, чтобы плавно вернуться на место. Завистливо вздохнув, я отправилась с добычей к своему герою.

— Что сюда сложить? — поинтересовалась я, предъявляя отвоеванную у кладовой коробку.

Рэй окинул нас с ней задумчивым взглядом, и в нем явно читалось сомнение — а можно ли мне доверить такое ответственное дело?

— Рэй! Я вполне способна переложить твои драгоценные игрушки с места на место и не угробить их!

Сомнения в сером взгляде стало больше.

— Обещаю! Не больше двадцати процентов потерь при транспортировке!

Ой, ну и зачем так сверкать глазами?!

Терминал арда разразился трелью как раз в тот момент, когда возмущение Рэя достигло критического объема и грозилолиться на мою бессовестную голову. Не излилось — Рэй, прекратив изображать из себя немой укор, что-то сделал с терминалом, и звук вызова вдруг раздался из динамиков игровой консоли, а терминал полетел на кровать. Я

проводила его взглядом и замершим желудком — куда упадет?

Гаджет Рэя в черном корпусе шлепнулся рядом с моим, синим, и я облегченно выдохнула — фух, мимо!

— Ну, привет, боец! Как здоровье? Как подработалось? — Насмешливо прозвучал из динамиков голос серебристого.

Как бишь его? Я напрягла память, пытаюсь вспомнить имя командира Рэя, но тщетно. Гулкая пустота!

— Здравия желаю, — проворчал Харди, и, о чудо, выглядел он слегка смущенным. — Все хорошо, восстанавливаюсь.

Вторую часть вопроса он, по очевидным причинам, решил игнорировать.

— Тошнота, головокружение? — деловито уточнил серебристый.

— Никак нет!

— Слабость?

— Отсутствует!

— Тогда я тебе комиссию на послезавтра назначаю, — решил седой. — К десяти — как штык, будем твою находку обсуждать. А сейчас — мне, кратенько доложи... и чем ты там занят?

Харди, все это время сидевший перед стеллажом, распутывая провода, выпрямился, окинул взглядом фронт работ и вдруг предложил:

— Командир, а приезжай ко мне? Линетт тут игровую консоль из спальни выселяет, — на этих словах я задохнулась возмущением, а Рэй продолжил, делая вид, что не замечает моей выразительной мимики: — Так я все равно в одиночку стеллаж из-под нее в гостиную не вынесу. Здесь вдвоем надо...

Ответом ему стало потрясенное молчание. Кажется, командир Рэя, несмотря на благородные седины, с игровой консолью Харди был знаком отлично.

— Как?!

— А вот так, — скорбно отозвался Харди, — Либо, говорит, ты ее выносишь, либо я уйду спать на диван!

— Ты врешь! — возмущенно завопила я, ища, чем бы запустить в мерзавца. Не нашла, и топнула ногой от обиды: — Ты все врешь!

— Я не вру, а передергиваю, — внушительно поправил меня Рэй и с мерзким хохотом увернулся от брошенной в него, выдернутой из шкафа ради этого тряпки.

— В общем, приезжай с пивом, кэп.

— Тебе еще нельзя пиво, — проворчали динамики.

— Ну, тебе-то можно, — хмыкнул Рэй. — Или опять жена на диету

посадила?

— Я все слышу, Харди! — долетел из динамиков негодующий женский голос, но был перекрыт мужским хохотом и звуком поцелуя.

— Я буду, — пообещал серебристый немного погода. — С пивом...

— Ну, и шуруповерт тогда захвати, ага? — радостно уточнил Рэй, и командир отключился, ворча что-то про наглецов и халявщиков.

— Он тебе голову не откусит за такое хамство? — опасливо уточнила я.

Не то чтобы меня всерьез беспокоила сохранность ардовской головы, но вдруг мне тогда по контракту не заплатят?!

— Не откусит, — ухмыльнулся Рэй. — Я его первый зам и старший разведгруппы.

И внезапно наклонившись ко мне, он обхватил мое лицо ладонями и поцеловал. Крепко, жарко, и язык, вторгшийся в мой рот, вызвал горячую дрожь...

— Вау! — выдала я растерянно, когда Харди меня отпустил, вручил коробку с игровыми манипуляторами и шлепнул по попе, задав направление в сторону гостиной. — Вау...

Грудь требовательно ныла, между ног тянуло, а сами ноги слабели. Я в обнимку с коробкой побрела в гостиную, оставив злопамятного мерзавца окончательно освобождать стеллаж под разборку.

Так я и знала, что «общажный» облом он мне еще припомнит!

В гостиной, сгрузив свой груз на столик (кошка, брысь!), я вдруг спохватилась.

К Рэю скоро — сейчас! — придут гости. А за хозяйку у него кто? Правильно, я!

Когда за хозяйку здесь была Вивиан, порядок в квартире, помнится, царил стерильный. А у меня...

Я обвела тоскливым взглядом комнату.

Кошка на столе (брысь, кому сказано!), котята вперемешку с пылью за креслом и вещи где попало.

Нет, Линетт, милая, так дело не пойдет!

— Рэй! — позвала я, и вздрогнула, когда он оказался внезапно ближе, чем я могла подумать, и горячие ладони опустились на мою талию. — Рэй, а где у тебя пылесос?

Хорошо жить с состоятельным мужчиной, думала я через некоторое время.

Моющий пылесос решил проблему пыли на полу радикально. Правда, котят от нее отделять пришлось вручную, и теперь пять пар глаз

таращились на шумных человек с дивана...

Пять? А где шестая?

Так, дети, где мать ваша, кошка?

Я торопливо оббежала столик, рассчитывая найти недостачу за коробкой — и, не найдя искомое, разволновалась всерьез.

Куда она могла деться? Может быть, испугалась, забилась в угол и там дрожит?

— Кис-кси-кис! — завал я, без особой надежды, что насмерть перепуганное животное отзовется. — Кис-кис-кис!

— Чего тебе, Ли? — вместо кошки отозвался Рэй, выплывая из спальни.

Серая полосатая мадам вальяжно расположилась у него на руках и всем своим видом давала понять, что пошлым «кис-кис» ее не взять.

Ну, здорово! А мне, значит, мы даже погладиться не каждый раз даемся! У-у-у, подлые оба-два!

Я героически задавила кольнувшую обиду, подозрительно похожую на ревность.

— Ничего! Где у тебя тряпки для пыли?

— Ты лучше спроси, где у меня пыль, — хмыкнул Рэй. — Я понятия не имею. Раз в неделю приходит уборщица, и, кажется, приносит все это с собой. Просто пока я на больничном, ей визиты отменили. Кончай суется, Ли!

Я закатила глаза — коне-е-ечно, сначала «кончай суется, Ли!», а потом слава скверной хозяйки полетит, опережая меня, обежит столицу, обрастет чудовищными подробностями и в итоге все будут знать, что именно я виновна в возникновении эпидемий чумы и дизентерии в четырнадцатом веке!

— Тряпку, Рэй! — сурово ткнула я пальцем в мускулистую грудь, и кошка с оскорбленным мявом вывернулась из его рук, и уверенно вспрыгнула на стол.

Я поперхнулась возмущением, и серая нахалка, не дожидаясь очередного «брыся» перескочила на диван.

Звонок в домофон раздался все равно неожиданно, и Рэй, дав команду системе, удалился в спальню и через минуту выплыл оттуда в обтрепанных джинсах и футболке цвета хаки.

— Ну, привет, герой, — было первым, что сказал седой, поздоровавшись со мной и облапив Рэя по-медвежьи. — Живой? Хорошо за лишнюю смену отдыхается?

Выражение лица Рэя было непередаваемым. Смесь радости, досады,

легкого вызова и смущения.

Седой был просто рад и слегка ироничен. Кажется, процедура выволочки еще не была им окончена. Смотреть, как Рэя возят носом, было, безусловно, занимательно, но увы, бестактно, так что я совсем уж было собралась исчезнуть, как меня окликнул командир Рэя:

— Зайка, будь добра, отнеси в холодильник...

Я почувствовала, как мои брови поднимаются в изумлении, стремясь слиться с волосами.

Зайка? Зайка?! Он что, бессмертный?

Рэй радостно ухватился за возможность сменить тему:

— О, познакомьтесь! Кэп, это Линетт!

— Мы знакомы, — откликнулся седой, и я не утерпела.

— О, мы знакомы — но несколько... в одностороннем порядке! Вас, если помните, мне так и не представили! — и с нескрываемым ехидством насладились легким смущением на породистой физиономии.

— Райан Тайрос, — он аккуратно шагнул, стараясь не наследить уличным ботинком, и пожал мне руку. — Капитан вот этого вот охламона...

— Ну а я Линетт Келли, как вы уже знаете, — широко улыбнулась я, забирая наконец-то у гостя пакет. — Очень приятно!

— Взаимно, — пробормотал капитан, и я позволила себе удалиться в сторону холодильника.

Зайка, ну надо же! Нашел же обращение!

А вернувшись в прихожую, я застала дивное зрелище: две шикарные спины, склоненные в едином порыве. Арды, старший и помладше, скручивали в рулон ковер, не беспокоясь о том, какое бессовестное впечатление производя на слабые женские сердца...

А, стоп, здесь же только я! (4a2c)

Ну, тогда можно, я-то кремень!

— Вам помощь нужна?

Ответом мне были два великолепных взгляда, исполненных мужского превосходства.

Глава 8

— Так, разворачивай, не пройдем!

— Не трусь, Харди, вынесем!

— Ай, да твою ж...

— Двери-то вам что сделали? Вы же и их вместе со стеллажом вынесли!

Процесс переселения игровой установки протекал бодро. Живенько протекал — я оживляла его, как могла. В меня, за мои невинные комментарии, пока что инструментами не швырялись, но я была в ударе!

Основная сложность, как я поняла из невнятного мата сквозь жужжание шуроповерта, была вовсе не в самой установке, а в стеллаже — изготовленном на заказ в конкретную комнату и под конкретную аппаратуру. И пусть места в гостиной хватало — Рэй, ничтоже сумняшеся, быстренько произвел требуемую перестановку — но стеллаж был слишком велик, чтобы пролезть в дверь неразборным, а разобрав его, поди еще собери...

И я бы может даже погрызлась чуток совестью и попыталась бы воззвать к разумам и оставить все «как было», но мужики на удивление казались не на шутку увлеченными процессом. Кажется, у кого-то в заднице разыгрался азарт, да и вообще... теперь уж поздно!

Так что, когда глумиться мне надоело, а дело вышло на финишную прямую, я отправилась на кухню — разложить принесенную командиром закуску к пиву и сделать чай нам. В пакете вместе с орешками, чипсами и вакуумными упаковками с дорогими на вид нарезками неожиданно оказалась одинокая шоколадка. Поразмыслив, я решила, что вряд ли это забота о болеющем подчиненном (которому все равно ничего, кроме бульончиков и размоченных в них сухарей, пока нельзя), а по всему выходило, что презент для меня. Умилилась и положила шоколадку на поднос вместе со всем остальным.

— Смотрю, ты живностью обзавелся, — отметил Райан, уверенным жестом почесывая пузо развалившейся между двумя ардами кошки. Серая определенно умела устроиться в этой жизни!

Я, сгружавшая еду с подноса, оживилась.

— А вы котика взять не хотите?

— Да куда мне еще, — хмыкнул командир, и я отметила, что оказалась права — о кошках он знал не понаслышке.

Сходу напирать грудью на малознакомого человека я не решилась, просто поставила себе галочку на тему определенной небезнадежности ардов как кандидатов в котовладельцы. И больше ничего не сказала, но, выйдя из комнаты за следующей партией угощений, невольно притормозила, услышав приглушенное:

— Кэп, возьми кота, а?

— Так у нас есть уже!

— Где один там и два.

— Где один там и шесть. Себе оставь.

— Если я этих себе оставляю, ей следующих тащить будет некуда.

— Да где она их еще найдет-то?!

— А где она этих нашла, не выходя из дома?!

подавившись затолканным в глубь горла смехом, я стремительно умчалась на кухню — проржаться и прокашляться в кулак, а когда вернулась с видом серьезным и собранным, отметила только что на повылезавших и старательно принимающих к мясу котят, Райан смотрел уже чуточку иначе. Приглядывался. Выбирал.

— Белолопого не берите, — сообщила я ненавязчиво. — Я Мину обязательно добавлю!

Райан дернулся сделать вид, что и ничего такого он не думал, но потом хмыкнул и принялся разглядывать малышню уже в открытую.

Я хотела улизнуть на кресло, потому что на диване с двумя мужчинами и полосатой красавицей места для меня уже не нашлось, но Рэй легонько перехватил меня за руку и потянул, вынуждая сесть к нему на колено. Я дернулась, но при постороннем человеке да еще и командире, который и так по каким-то рабочим причинам на Харди был сердит, вырываться не решилась.

Рэй мимолетно погладил меня по спине, проведя большим пальцем по тонкой полоске голой кожи между шортами и чуть задравшейся майкой. Я метнула в него огненный взгляд, но ард руку убрать и не подумал, и так и продолжил незаметно поглаживать меня жестом, чем-то похожим на тот, которым его командир только что обхаживал кошку.

Я пообещала себе, что непременно отомщу поганцу и беззастенчиво вслушалась — раз не прогнали, значит, можно же! — в серьезный разговор двух мужчин, в котором не было теперь места ни кошкам, ни приставкам.

Они разговаривали о Грани.

Я никогда не видела прорывов вживую (к моему величайшему счастью!), только пару раз в репортажах из других городов страны и мира, но из-за обилия фильмов на эту тематику они казались на экране чем-то

вроде очень качественных спецэффектов. Фото-, видео- и голосъемку на Грани было разрешено вести только в научных целях, а потому редкие кадры, просачивающиеся в сеть на фоне обилия художественных материалов, тоже терялись. И, при всей своей реальности, Изнанка и ее обитатели были для меня чем-то... не из этой жизни. Оно где-то там, в фильмах, в комиксах, в сериалах, наравне с абсолютно вымышленными героями и чудовищами.

Но то для меня. А для ардов это была реальность, и я притихла сейчас с любопытством, вслушиваясь в чужой разговор.

— Ну, докладывай, что там у вас стряслось, — строго произнес командир, откупорив бутылку.

— А тебе что, не доложили? — хмыкнул Рэй, провожая ее взглядом. К чашке он не притронулся, и я начала подозревать, что она так и останется стынуть на столике.

— Та смена не мне отчитывается, — буркнул Райан, и Харди, ухмыльнувшись, пояснил мне на ухо громким шепотом:

— Это значит доложили, но не то и не так.

— Договорись, Харди, — кэп нахмурил брови и закинул в рот чипсину, демонстративно ей захрустев.

Судя по тому каким взглядом Рэй проводил и эту закуску, я начала подозревать страшное — Рэя тут воспитывают. И не просто так, ой не просто так командир притащил и пиво, и такое разнообразие вкусов в количестве достаточном для посиделок одного человека, но не двоих. Любишь в коме валяться — люби и смотреть как другие со вкусом поглощают то, чего тебе нельзя.

Во мне разом разыгралось два чувства. Первое — любопытство: в чем же Рэй настолько накосячил, что седой, производивший впечатление человека уравновешенного и справедливого, не гнушался и подобные приемчики использовать. А второе — горькая обида на такую жестокость по отношению к бедному больному.

Я еще жаднее вслушалась в беседу, надеясь утолить первое, и ненавязчиво запустили руку в орешки во имя второго. Быстрее соблазны исчезнут со стола — меньше Рэй будет капать на них слюной.

— Там шоколадка в пакете была, — ревниво заметил Райан будто угадав мой маневр.

— Так вот она лежит, — беспечно отозвалась я с самым невинным видом и покусилась еще и на чипсы.

Рэй старательно держал лицо. Но внутренний ржач я прекрасно себе нарисовала и мысленно.

Из разговора выходило, что на Грани появилась новая тварь. Они вообще там достаточно регулярно появляются, как пояснили мне арды, ибо Изнанка кишмя кишит неизведанным. Но чаще всего они отличаются друг от друга только внешностью и степенью агрессивности. Одних достаточно по носу щелкнуть и они, поскуливая, удерут, другим пол тела на кусочки разнесешь, а они продолжают упрямо пытаться тебя сожрать. Но магия ардов им всем достаточно эффективно противостояла, собственно, поэтому мы все до сих пор были живы, аминь.

А в этот раз отряд, в котором по воле судьбы находился Рэй Харди, напоролся на чудище, со способностями, в разы превышающими все то, что умели все известные до этого изнаночные твари. Оно жрало не только чужую плоть и кровь, оно жрало еще и энергию, прогрызая дыры в защитных контурах, установленных ардами, в тканях, отделяющих грань от нашего мира и от изнанки. В раскрытых ей навстречу щитах.

Разведывательный отряд застукал ее за тем, как она, расковыряв уже приличных размеров дыру, готовилась десантироваться в наш мир.

Отряд действовал по отработанной схеме — два защитных купола и атака — пока тварь бьется в куполы, безуспешно пытаясь добраться до лакомой добычи, свободные арды разделяют ее на куски. Вот только биться она не стала, одним легким движением челюстей «зажевала» первый купол, ударила по второму так, что он пошел трещинами, а часть отряда раскидало и вывело из строя. В том числе — командира. Его заместитель растерялся, и приказ отдал Рэй — похватать оглушенных и уматывать за подмогой. И пока эта самая подмога не пришла, Харди удерживал тварь на месте, просто выставляя один щит за другим — и всякий раз огромные, сияющие, заманчивые. Тварь бросалась на них раз за разом, позабыв о своей главной цели и о том, что за гранью ее ждет куда больше вкусной и, главное, беззащитной пищи.

Чувствуя, что еще немного и уровень энергии в теле достигнет критической отметки, и тогда — экстренная эвакуация, и неизбежный прорыв да еще и массовый, потому что дыру скоро почуют и другие, свой последний щит Рэй раскрыл, метнувшись к краю отверстия, прямо над ним, вложив в него всю энергию до капли, так, чтобы наверняка не вылететь с Грани и дать остальным ардам шанс, хотя бы пока тварь догрызает этот гигантский щит.

Рэй о своем подвиге рассказывал сухо, куда больше внимания уделяя характеристикам нового чудища, а вот командир своим бойцом явно гордился, еще больше усиливая мое непонимание — на что же он сердится-то тогда?!

Ответ на этот вопрос я, правда, так и не получила.

Райан, ликвидировав с моей активной помощью вкусные соблазны, засобиравшись домой и, к моему ликованию, поманил к себе одного из полосатеньких, самого ушастого. Приманенный на кусок мяса кот попался в ардовы ручищи без особых усилий и почти сразу был пристроен во внутреннем кармане куртки.

— Ладно, не болеей, — произнес командир уже в дверях. — И восстанавливайся поскорее, а то нам теперь экскурсии к месту подвига водить. Было решено, что раз из нашего отряда молодец отличился, нам и сопровождать этих... энтузиастов.

— Так точно, кэп, — Харди расплылся в улыбке. — Спасибо за помощь. И за шуруповерт.

Когда за седым закрылась дверь, мое неудовлетворенное любопытство, бурлившее в кастрюльке уже на уровне краев, все-таки «убежало», и я пристала с вопросом к Рэю, заканчивавшему подключать провода, пока я убирала со стола.

— Чем же ты все-таки провинился-то?

Ард хмыкнул, как-то странно передернул плечами и ответил после некоторой паузы, словно нехотя.

— Я вызвался в смену, зная, что мой донор в отъезде, — и продолжил, не давая мне возможности задать еще вопрос: — За подобное можно круто влететь — и званий лишиться, и штраф схлопотать крупный, и прочее. Но высшее начальство в свете подвига, — он произнес это слово с иронией, будто сам свой поступок таковым не считал, — предпочло замять этот момент. Просто если бы я не вызвался, вместо меня пошел бы паренек только-только с учебного полигона. И тогда все могло бы завершиться потерей десятка ардов, гигантским прорывом и бог знает еще чем. А так... победителей не судят. Вот только кэпу плевать, что там думает на этот счет высшее начальство, и он мне весь мозг ложечкой выест, пока не убедится, что урок усвоен и так косячить я больше не буду.

Рэй усмехнулся и добавил с каким-то совершенно особенным выражением, от которого как будто теплее делалось:

— Не любит кэп подчиненных терять.

И после этого приставать с дурацкими вопросами так или иначе касающихся Вивиан мне снова сделалось неловко.

— А про каких энтузиастов Райан говорил?

— Ученые. Грань активно пусть и бестолково — в смысле, без особого толку — исследуют. Раньше этим ардов нагружали, но результаты были сама понимаешь.

Я почему-то хихикнула, представив Рэя в очках, белом ученом халате, сгорбившегося в три погибели над микроскопом. Очевидно, примерно этот образ ард и имел в виду, потому что на мой смех ответил улыбкой — мол, да, поняла правильно.

— И тогда стали искать способы, чтобы отправлять на грань людей. Нашли. Так что теперь ученые ковыряются там сами, а наша задача — не дать их сожрать. Просто, видишь ли, многие из них, после первого похода на Грань больше туда не возвращаются, отдавая предпочтение теоретическим выкладкам. А вот тех, что возвращаются раз за разом мы и зовем энтузиастами. И чувство самосохранения у них отсутствует напрочь.

— А я думала, на Грань только арды попасть могут... — задумчиво произнесла я.

— Да нет, есть способы, — Рэй выпрямился, с хрустом потянулся и повел плечами, заставив трепетное женское сердечко пропустить удар. — Но вот это уже — закрытая информация!

Я показала ему язык, удалилась в спальню, чтобы плюхнуться на кровать с позабытым в суматохе терминалом, и открыла мессенджер, сияющий доброй сотней непрочитанных сообщений.

Ой, мама...

Нет, я, конечно, предполагала, что девочки оценят фото, но, чтобы настолько!

«Какую-то установку за такую спину?» — ахала Клара. «Это ж просто как на распродаже! У меня Делария-8, спроси, он возьмет?»

Ой, Кларка-а-а, это ж надо было мою фразочку так с ног на голову перевернуть!

«Дурында, установка у него стараниями Ли уже есть! Умнее быть надо!» — поучала Джулли. — «Как насчет вирт-шлема?»

«Ай девочки», — фырчала Алиса. — «Давайте скинемся, может, он просто деньгами возьмет, а? И купит чего ему там нужно, зачем усложнять процесс?».

Я хрюкала, закусив угол подушки и листала, листала, листала диалог, которому отсутствие зачинщицы — то бишь меня, совершенно не мешало развиваться.

«А вообще, я бы за полцены просто пощупать согласная была бы...» — мечтательно размышляла Джулли.

«За полцены — это смотря что щупать!» — ржала Клара напару с Алиской. — «По-хорошему за бицепсы-то можно и вообще символическую плату назначить, ну там... джойстик какой...»

«Интересно, а за коллективное обращение скидки предполагаются?»

«Ли, Ли!! Скинь нам полный прайс-лист с четкими тарифами, а?».

Я читала сообщения, периодически прерываясь на поржать и покататься по кровати, и как-то пропустила появление героя обсуждений.

— Что там у тебя такое смешное? — благодушно и без задней мысли поинтересовался Рэй.

А я взяла и просто протянула ему терминал, услужливо пролистав до того момента, с которого дискуссия началась. В конце концов, это все-таки его фотография! А убьет, ну... зато быстро и наверняка!

Мимика у арда оказалась весьма выразительной. Черные брови поползли вверх, символизируя крайнюю степень изумления, а потом серые глаза оторвались от терминала, вперившись в меня, и я принялась медленно отползать, пока не уперлась позвоночником в спинку кровати.

— Куда же ты, Линетт Келли? — зловеще произнес ард, делая шаг вперед. — А ну иди сюда!

Я отчаянно замотала рыжей головенкой, но потом все же уточнила на всякий случай:

— А зачем?

— Как зачем? — деланно удивился ард и, подцепив край собственной футболки, стянул ее через голову.

Я прикрылась подушкой — только глаза сверкают поверх нее, и подобрала под себя ноги. Рэй щелкнул пряжкой ремня и взявшись за пуговицу на джинсах весомо сообщил:

— Прайс устанавливать будем!

На следующий день звонок в дверь раздался, когда я, отжав у Рэя игрушку, активно боролась за ГранПри против жестокого и беспощадного искусственного интеллекта (против арда я бороться отказалась, потому что он оказался еще более жестоким и беспощадным, чем ИИ). В ушах ревел мотор, перед глазами бешено петляла трасса, так что самого звонка я, собственно, не услышала. Только заметила краем глаза, как лениво развалившийся в кресле Рэй, потягивающий сок прямо из упаковки и почесывающий за ухом вскарабкавшегося на живот кота, встрепенулся, бережно переложил комок шерсти на подлокотник и встал.

Любопытство пересилило, и я под грохот влетевшей в перекрытия на полной скорости машины, стянула шлем с головы, чтобы услышать негромко брошенное: «Заходи».

Довольным оно не было.

Долго задаваться вопросом, кого там нелегкая принесла мне не пришлось. Негромко щелкнула, открываясь, дверь, а потом прозвучало

радостное «Рэй! Боже, как ты?» и звуки, по моему мнению, означавшие, что кто-то бросился кому-то на шею. Долгий истосковавшийся поцелуй нарисовало уже мое буйное воображение.

— На кухне поговорим.

Вопреки этим словам, тяжелые шаги двинулись в сторону гостиной, и я торопливо натянула шлем обратно и не глядя ткнула в кнопку рестарта гонки.

Рэй посмотрел на меня, увлеченно сшибающую придорожные столбики, ничего не сказал, и снова исчез.

«Тебя это не касается, Линетт,» — строго произнесла я мысленно. «Тебя это совершенно и ни в коей мере не касается».

Все же зря меня родители на педагогику пихнули! Моего воспитательного таланта даже на саму себя не хватает, что уж о детях говорить...

Потому что через несколько мгновений, забытый шлем и пульт валялись на диване, а я крадучись выглянула в коридор.

Дверь кухни была закрыта.

«Подслушивать нехорошо!» — внутренний голос все еще пытался напомнить прописные истины, но любопытство оказалось сильнее.

— ...я не понимаю, — растерянно проговорила Вивиан. Сквозь матовое стекло двери голос звучал пусть и глухо, но вполне отчетливо. И в нем не было ни следа давешнего высокомерия. — Но ведь это временно...

— Вив, ты отличная девушка, и мне не в чем тебя упрекнуть, но я не намерен восстанавливать наш контракт.

Опаньки.

— Но почему? Что я сделала не так? Это же не из-за того, что я уехала? Рэй, если бы я только знала!..

— Нет, не из-за этого. Послушай, давай разойдемся мирно. Ты умница, красавица, отличный донор. Я уверен, ты обязательно...

— Почему, Рэй? За что ты так со мной? — я готова была поклясться, что в прекрасных голубых глазах Вивиан сейчас стояли слезы. — У нас же все хорошо.

— Вив, если бы у нас все было хорошо, этой ситуации сейчас просто не было бы.

Голос Рэя звучал ровно и негромко, но лично я бы, если бы со мной кто-то разговаривал таким голосом, свернула бы этот разговор и удалилась. И больше бы не возвращалась.

— Это все из-за нее, да? Из-за этой рыжей... — Вивиан запнулась, проглотив то ли слезы, то ли ругательство. — Хочется тебе с ней развлечься

— развлекайся! Хотя я и в упор не понимаю, что ты в ней нашел. Даже веснушки свести не может, а маникюр последний раз, наверное, делала в третьем классе, ногти обгрызая!..

Я против воли взглянула на свою руку и тут же спрятала ее за спину. Ну ее! Нашла кого слушать!

— Но это же не всерьез. Она тебе надоест еще раньше, чем отработает контракт, и что тогда? А если я действительно найду кого-то другого? Ты готов рискнуть остаться ни с чем ради... ради... вот этой вот?!

— Когда ты найдешь кого-то другого, я буду крайне за тебя рад. Все, Вивиан, давай закончим этот разговор. Если тебе нужно забрать вещи...

— Мне не нужны вещи, Рэй! Мне нужен ты, понимаешь? Я тебя...

— Вивиан. Хватит.

На мгновение в кухне повисла тишина. А потом бывший — теперь уже окончательно — донор Рэя прошипела:

— Пусть твоя корова пользуется. Дарю. Впрочем, в мою одежду она все равно не влезет, а косметика тут уже не поможет, так что...

Дверь в кухню распахнулась так внезапно, что вместо того, чтобы унырнуть обратно в гостиную, я подпрыгнула от испуга на месте и замерла сусликом.

— Уходи.

Вивиан вылетела пулей. Ее полыхающий яростью взгляд напоролся на меня, и если бы взглядом можно было убивать, я бы околела на месте. Мне показалось, что бешеная девица сейчас вцепится мне в волосы или выцарапает глаза, но она только выдохнула шумно сквозь стиснутые зубы и вышла, не потрудившись даже хлопнуть дверью. Так что злобное цоканье каблучков по лестнице еще несколько долгих мгновений оглашало площадку и квартиру.

Рэй вышел следом, словно бы и не заметил меня, вжавшуюся в стену. Закрыв дверь, вновь накрывая квартиру мягким куполом тишины, и медленно повернулся.

— А я водички... хотела... попить, — нелепо пробормотала я.

— Пей, — иронично произнес Рэй, широким жестом махнув в сторону освободившейся кухни.

— Расхотелось! — с вызовом отозвалась я. Ну подслушивала, ну подумаешь! Не услышала я о себе ничего нового. Няшка-Вивиан лаконично донесла до меня все это и в первый визит. И добавила, насупившись: — А веснушки я могу хоть прямо сейчас свести!

— Я тебе сведу!!

От львиного рыка даже хрустальные висюльки винтажной люстры в

коридоре оскорбленно звякнули — негоже голос в присутствии антиквариата повышать!

И в моем, между прочим, тоже. Я фыркнула, правда, куда больше, чтобы скрыть самодовольство, а Рэй, привалившись к двери, потер лоб и выдохнул:

— Извини. Это была...

— Вивиан. Я знаю.

— Откуда? — ард искренне удивился.

— Она заходила на днях, — я подумала и добавила ядовито: — Тебя проведать.

Ожидаемого недоверия это известие у Рэя не вызвало.

Ладно, вспомним, что я и правда заняла чужое место, и что красавица и правда не обязана меня за это любить. А какие у них с Рэем были отношения до меня — я понятия не имею. Вряд ли сильно высокие со стороны арда, иначе с чего бы ему сейчас рвать контракт, а вот Вивиан... Мне вспомнилась Мина, и совесть вновь кольнула иголочками. Если бы какая-то «корова» на моего мужика позарилась, я бы вряд ли восприняла это с хладнокровным достоинством.

Вот только ори не ори, а выбор-то все равно за этим самым мужиком. И он, кажется, его сделал. Вот только...

— Рэй, а почему ты не хочешь возобновлять с ней контракт?

Ард отлип от двери и прошел обратно на кухню. Я потянулась следом. Нет, он, конечно, имеет полное право не отвечать, но это ж не значит, что я ему еще на выбор парочку вопросов не предоставлю! Вдруг какой да приглянется!

— Просто. Не хочу. Не переживай за нее. Вивиан из тех, кто нигде не пропадет.

Переживать? За нее? Право слово, это даже умилительно, какого он хорошего обо мне мнения, как бы не испортить ненароком!

Пока я размышляла, с какой стороны подступиться и вывести, чем именно девушка с глянцевого обложки не угодила всемогущему арду, этот самый всемогущий неожиданно ухватил меня за талию и усадил на кухонную тумбу. И руки при этом не убрал. Хм, у нас что, кормежка по расписанию?

— А ты? — спросила я и с затаенным удовольствием провела ладошками по удерживающим меня рукам от кистей до широких плеч.

— А что я?

Рэй качнулся вперед и припал губами к моей шее, нежно прихватывая-прикусывая кожу.

— Не пропадешь? — я зарылась пальцами в пушистый армейский ежик на затылке. — Мне кажется, за неделю не так-то просто найти донора. Все же дело ответственное...

— За неделю? — недоуменно пробормотал Рэй, щекотнув дыханием ухо. — Какую неделю?

— Эту! — ну чего ему пояснять надо, как глупенькому? — Доктор Эдна же сказала, что через неделю уже точно закроет тебе больничный, а значит, я уеду и...

— Какое уеду, Ли? — Рэй таки оторвался от своего увлекательного занятия, и я едва сдержала томный разочарованный вздох — тело уже поплыло и было готово завязать с разговорами, а ард так некстати все же решил в них поучаствовать! — У тебя контракт на время реабилитации. Срок полной реабилитации после энергетической комы — шесть месяцев.

— Смешно! — фыркнула я. — Можно подумать, я бы согласилась все бросить и полгода торчать в квартире незнакомого мужика — без обид, ладно?

Рэй окончательно замер и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Но ты согласилась.

Моя томность медленно испарялась. До меня потихоньку начало доходить, что он, кажется, не шутит.

— Нет, — я упрямо мотнула головой. — Я помню. Доктор Эдна сказала, что все займет примерно две недели — неделю ты будешь без сознания, и неделю в сознании, но еще не в форме.

— Да, — Рэй кивнул. — Две недели — это усредненный срок больничного. Реабилитационный период шире. Просто мы не можем позволить себе ничего не делать полгода, так что больничный закрывают быстро. Дальше тренажеры, тренировки и облегченная служба, по возможности, без участия в серьезных сражениях. Конечно, с учетом того, что ты великолепный донор, есть шанс, что я вернусь в полную форму и раньше. Но в любом случае, это месяца четыре, Ли. Абсолютный минимум.

— Так... — произнесла я только, чтобы произнести хоть что-то.

Мозг завис и отказывался обрабатывать эту информацию. И воздуха как-то странно не хватало, будто бы ард, который сейчас был так близко, слишком близко, неправильно близко, его у меня отнимал. А потому я убрала его руки, спрыгнула с тумбы и протиснулась мимо массивного мужчины на свободный пятачок кухни. Легче дышаться почему-то не стало.

— Так, — повторила я. — Подожди. Мне надо подумать.

— Линетт...

Я вскинула руку, будто дирижер, обрывая Рэя на полуслове, и прикрыла глаза, пытаюсь вспомнить тот суматошный день, и слова врача, и офицера Честера, и бессмысленные строчки контракта, написанного дурацким нечитабельным и невоспринимаемым языком.

Это какой-то обман! Это неправильно! Долг или не долг, они не имеют права вырывать человека из его жизни на такой срок! Я протестую! Полгода! Они с ума сошли?!

Во мне попеременно поднимались волны то паники, то злости, и, кажется, меня начинало слегка потряхивать, потому что Рэй сделал шаг вперед, протянул руку...

Я отступила.

— Тут какая-то ошибка. Я должна связаться с куратором. И прочитать контракт. И... и...

— Линетт, ты оговаривала с куратором сроки? — негромко спросил ард, и я только помотала головой. — Уточняла их? Вносила какие-то изменения в контракт?..

Каждый вопрос все больше погружал меня в омут безнадеги. И я продолжала мотать головой, уже понимая, что...

— Тогда0 это контракт на полгода, Ли. Это стандартный для такого случая срок. Ну. Плюс-минус.

Я не находила слов. Я смотрела на Рэя, хватала ртом воздух и чувствовала, что еще немного — и лопну, как та лягушка из басни. А дышать все равно не получалось.

Полгода!!!

Злость нарастала, уверенно замещая собой панику. Это просто возмутительно! У меня в конце концов, своя жизнь! Свои планы! Мы живем в свободной стране, так почему я по щелчку чьих-то пальцев, обязана положить полгода своей жизни на...

На что?

На мужика, который через этих самых полгода, пожмет мне руку, пожелает удачи и отправит обратно в Кронбург шлепком по попе? Я не их долбанная профессионалка! Я так не могу! И не хочу! И не буду!

От звонка офицеру Честеру прямо сейчас, прямо сию секунду, меня удерживали только жалкие остатки благоразумия — такие вопросы надо решать спокойно, не на эмоциях. Никто не любит истеричек. И никто не воспринимает их всерьез.

— Линетт, послушай, — слабо пробился сквозь пелену гнева голос Рэя. — Давай поговорим спокойно.

— А зачем нам разговаривать? — зло огрызнулась я. — Для

подзарядки разговоры не нужны. На разговоры я контракт не подписывала. Или это тоже входит в незамеченные мной пункты? Может я еще чего тебе должна, а я и не в курсе? Эротический массаж по вторникам, минет по пятницам?

— Да послушай ты! — Рэй, кажется, тоже начал терять терпение и это взбесило меня еще больше. Это мое право сейчас быть вне себя. Мое! — Забудь про контракт. Я до него еще хотел...

Забыть? Забыть?!

— Катитесь вы к черту с вашими ардовскими контрактами, — отчеканила я, повернувшись на пятках и вылетела из квартиры.

Спустя минуту я была уверена, что лифты придумали вовсе не для облегчения перемещения в высоту. Лифты придумали, чтобы бешеные девицы, вроде меня, спустившись до первого этажа успели успокоиться, слегка прийти в себя и начать все же думать головой, а не... чем там бешеные девицы, вроде меня, в моменты бешенства думают.

Если бы я понеслась по лестнице, то наверняка взяла бы разгон и теперь была уже на другом конце столицы дура-дурой. А так, этажом ниже в лифт зашла благообразная старушка с фиолетовым пуделем на руках, такая приятно улыбкающая, что мне даже неловко сделалось при ней выглядеть нервной. Так что на улицу из дома я вышла уже совсем не в том состоянии, в котором вылетала из ардовской квартиры. Я неуверенно огляделась, чувствуя себя потеряшкой, и направилась в разбитый прямо под окнами дома сквер, где уселась на ближайшую лавочку и уставилась на носки своих домашних тапочек. Ой, балда ты, Линетт. Ой балда-а...

Сейчас, когда первая волна потрясения, наконец, схлынула мне сделалось мучительно стыдно. В первую очередь, почему-то, перед Рэем.

Бедолага мужик — одна за другой две невменяемые девицы. Одна — вцепилась мертвой хваткой, другая — наоборот визжит «не хочу-не буду».

Свободная страна.

Он с самого рождения слышит только про обязан. Обязан тренироваться, обязан служить, обязан выбрать себе женщину, обязан быть с ней, потому что иначе — никак. Да, арды с лихвой отхватывают привилегий за свои обязательства, но действительно ли все эти привилегии могут заменить свободу выбора? Я пошла на педагогический, потому что не сумела отстоять перед родителями свою точку зрения. А кто-то из ардов, может, всю жизнь только о педагогическом и мечтал!..

Рэй чуть не погиб, защищая этот мир, а я ему полгода пожалела.

Я шмыгнула и по-детски утерла нос тыльной стороной ладони. Глаза

щипало. Подтянув ноги к телу, я обхватила их руками и уткнулась лбом в колени.

Полгода все равно было жалко. В частности, потому что потеряны они были из-за собственной дурости. Линетт, ну ты же взрослая девочка! Давно пора уже внимательно изучать то, что подписываешь!

Глаза щипало еще сильнее. Я зажмурилась, настроенная ни за что не позволить себе разреваться, и вздрогнула от того, что на плечи мне упало что-то большое и мягкое. Вскинувшись, я увидела перед собой Рэя, а большим и мягким оказалась легкая флисовая ветровка.

Ард уселся рядом, расслабленно откинувшись на спинку скамьи.

Я неловко буркнула что-то похожее на благодарность и плотнее закуталась в приятно льнущую к телу ткань с запахом «морозной свежести». По крайней мере, так утверждала надпись на бутылке, стоящей на стиральной машине.

Рэй молчал, прикрыв глаза и подставляя лицо слабому ветерку.

— Извини. — Я не выдержала молчания первой.

— За что? — ард покосился в мою сторону.

— За скандал.

— Это был скандал? — мужчина хохотнул. — Как-то слабенько, на троечку.

Я вспыхнула оскорбленно и даже открыла рот, чтобы показать, что я и на десяточку огого как могу, будут тут всякие арды в моих способностях сомневаться! Но почти сразу же передумала и с достоинством хмыкнула:

— Тоже мне специалист нашелся! У вас же сплошь и рядом девицы стрессоустойчивые и неконфликтные. «Дом — это место отдыха и восстановления, и энергопартнер не должен быть источником дополнительного психологического напряжения», — процитировала я Мину.

Рэй ну совсем уж откровенно заухмылялся да еще и с невероятно снисходительным видом, как ребенку, который верит в зубную фею. Я как-то сразу вспомнила «стрессоустойчивую» Вивиан, и запоздало сообразила, что люди — не роботы. Батарейки, будь они сто раз профессиональными, все равно остаются женщинами, а контрактные отношения — все равно отношениями, в которых случаться может всякое.

Я отвернулась с видом «смейся-смейся, меня это нисколько не волнует!», но почти сразу попросила:

— Можно я еще немножко тут посижу? Воздухом подышу. И вернусь.

— Сиди, конечно, — Рэй пожал плечами. — И вообще мы не обязаны в квартире торчать. Хочешь я тебя свожу куда-нибудь? Столица большая.

Мне снова сделалось неловко. Я тут размышляла, есть ли возможность досрочно контракт разорвать, а он...

И Рэй будто почувствовал, потому что придвинулся, наклонился, чтобы заглянуть мне в лицо и спросил:

— Линетт, я тебе не нравлюсь?

От совершенно невинного вопроса меня залило краской от ушей до попы, оставалось только отчаянно надеяться, что в сумерках да за покрасневшими глазами, это не было так уж заметно.

— Н-нравишься, — признала я очевидное, хоть и с трудом.

Просто отрицать было бы глупо.

Он правда мне нравился. Даже если опустить секс. Рэй был человеком, с которым мне было легко. По жизни не так уж часто встречаются такие люди, но когда встречаются, ты сразу это понимаешь. Вот как-то мгновенно — вроде и знать не знаешь еще толком человека, а с ним уже легко. Такими были мои девочки-подружки из звериной тусовки. Такой была Мина. И Рэй — тоже был таким. И, наверное, не будь он ардом, я бы не раздумывала ни мгновения, нужны ли мне отношения с ним или нет, я бы ухнула в них с головой и будь, что будет.

Но он был ардом. И наши отношения — со сроком годности, шесть месяцев.

— Хорошо, — Рэй удовлетворенно кивнул и задал другой вопрос, на первый взгляд, как мне показалось, совершенно не связанный с предыдущим. — Ты переживаешь из-за учебы?

Я округлила глаза — вот уж чего нет того нет! И доверительно сообщила, с удивлением отметив, что из всего моего окружения, если не считать преподавателей, Рэй узнал эту новость первым:

— Я забрала документы из университета.

— Вот как? — удивился он. — Почему?

— Не мое, — я неопределенно пожала плечами.

Рэй понимающе улыбнулся и задал третий вопрос, с которым я, наконец, поняла, к чему он клонит:

— Тебя что-то срочное ждет в Кронбурге?

Если бы я ответила на этот вопрос отрицательно, то по всему выходило бы, что ничто не мешает мне выполнять обязательства по контракту. А ответить положительно было бы враньем. Прямо сейчас меня в родном городе не ждало совершенно ничего.

Но, разгадав коварный ардов замысел, озвучивать я это не спешила. И вместо ответа задала встречный вопрос:

— А что будет, если я захочу досрочно завершить контракт?

— Там возможны нюансы, но, насколько я знаю, если следовать официальной процедуре расторжения, то ничего, — спокойной отозвался Рэй.

— А... — я помялась немного, но продолжила: — с тобой?

— Да что со мной станется? — отмахнулся ард и в голосе плеснуло раздражение. Кажется, быть больным и «сла-абеньким», кому-то ну очень не нравилось.

— Рэй. Ну серьезно, — я протянула руку, высвобождая ее из флисового кокона, и коснулась загорелого предплечья.

— Найдем кого-нибудь, — отозвался он невыразительно. — Это нежелательно, но и не опасно... — он вдруг решительно тряхнул головой и повернулся ко мне. — Послушай, Линетт, если ты не хочешь выполнять этот контракт — не выполняй. Возвращайся в Кронбург, я не буду тебя удерживать здесь силой и громкими словами о долге и обязательствах.

Я почти успела подумать о том, что звучит это почти как «да катись ты на все четыре стороны», и сердце как-то странно неприятно екнуло, но тут Рэй добавил, глядя мне в глаза:

— Но мне бы очень хотелось, чтобы ты осталась.

У меня пересохли губы, и я нервно облизнула их под гипнотическим ардовым взглядом.

Мне незачем возвращаться в Кронбург. Если так подумать, то и ветеринарный факультет в столице куда лучше, почему бы не попробовать поступить здесь? Конечно, конкурс огого, но я была в себе уверена. И времени на подготовку у меня теперь куча, и на подготовительные курсы можно записаться. И не париться при этом о месте жительства, плате за квартиру, еду, и прочие бытовые мелочи. И кошек не придется таскать туда-сюда и спокойно допристроить всех здесь. И я уж вообще молчу про деньги, которые полагаются мне по завершении контракта. Которые пусть и не были важнейшим аргументом, но было бы глупо отрицать, что они мне пригодятся.

Я старательно выводила для себя прагматичные, исключительно практичные плюсы, чтобы остыть и успокоить расшалившееся сердечко, застучавшее ни с того, ни с сего гулко и часто. По всему выходило, что единственный реальный минус в контракте — это Рэй.

И минусом он становился именно потому, что нравился мне. Очень.

— Возвращаться мне в Кронбург или нет, я сама решу, — проворчала я, чтобы не подумал тут всякое, и добавила: — Когда захочу.

Возможно, мне показалось, но плечи арда будто слегка дрогнули, расслабляясь, и он ухмыльнулся, а потом без особых усилий перетянул

меня к себе на колени.

— Значит, останешься? — уточнил он, нырнув руками под куртку и маечку.

Я нервно огляделась — нет ли кого-либо поблизости, и положила ладошки Рэю на грудь, погладив сквозь тонкую ткань футболки.

— Останусь.

И, увернувшись от поцелуя, чуть отстранилась.

— Идем домой. Не хватало еще тебе, выйдя из комы, слечь с простудой.

Рэй скептически хмыкнул, но выпустил меня. Вот только домой он возвращался, уверенно ухватив меня за руку.

Глава 9

На следующее утро Рэй начал тренировки. А потому на несколько дней мы почти вернулись в режим сурового энергосбережения. Он уходил вроде и не особенно надолго — на три-четыре часа утром или после обеда, но возвращался такой измотанный, будто на нем сутки пахали. Ел и заваливался спать. Потом просыпался чуть оклемавшийся, требовал с меня долг Родине, задавал несколько дежурных вопросов о том, чем я занималась, принимал душ и снова засыпал.

Я беспокоилась. Рэй утверждал, что все под контролем и как надо. Я тайком звонила доктору Лисовец. Доктор Лисовец тоже заверяла меня, что все под контролем и как надо. Я вздыхала и делала вид, будто верю.

Несмотря ни на что, скучать мне не приходилось. Прошерстив хорошенько всемирную сеть я остановила свой выбор на столичной сельскохозяйственной академии, где, судя по многочисленным источникам, находился лучший ветеринарный факультет страны, и начала серьезную подготовку к поступлению.

Немалую часть моего времени занимали и коты. Не столько они сами, конечно, сколько пристрой. И я уже могла похвастаться успехом — самая спокойная и прилежная усатая-полосатая девочка уже обрела новую семью в лице замечательной пары молодоженов. Счастливая котовладелица не могла нарадоваться и периодически слала мне восторженные сообщения с фотоотчетом о том, как мелочь устроилась на новом месте.

Оставшиеся трое детей и мама-кошка пока оставались на моем попечении, от коего старательно росли, пушистели и круглели.

Я искренне предполагала, что Рэй воспринимает кошачье семейство как неизбежное зло и просто мирится с его присутствием до того, как не позвонила ветеринару, обеспокоенная одним странным фактом:

— Вы знаете, — сообщила я. — Что-то у котят совсем пропал аппетит. Я как не проверю — миски всегда полные.

Врач деловито задала мне несколько вопросов по кошачьему поведению, а получив на все отрицательные ответы неожиданно уточнила:

— А вы одна живете?

— Нет, — ответила я несколько растерянно. — С парнем. Но он к ним совершенно безразличен!

— Угу-ага, — флегматично кивнула ветеринар. — Но вы все же кормите проверьте. Сколько должно было оставаться, знаете?

— Конечно! — почти оскорбленно отозвалась я и пошла заглядывать в пакеты.

После чего, торопливо и смущенно распрощавшись со специалистом, понеслась проводить разъяснительные беседы о корме и перекорме с воюющим (в этот раз виртуально) ардом.

За заботами-хлопотами время летело, и к концу недели стало ясно, что за Рэя я и впрямь переживала напрасно. Ард оклемался и снова стал походить на живого человека, а не на секс-машину с расширенным набором функций. Хотя после тренировки он все еще исправно спал, а я подшучивала на тему того, что дневной сон для младенца — залог здоровья!

Вот и сейчас Рэй выплыл из спальни, когда я увлеченно совмещала приятное с полезным — собирала собачий скелет на скорость. Ард отобрал у меня пульт под возмущенный визг, выдернул из кресла, перекинув через плечо, и почти сразу же плюхнулся на диван. Я хоть и вопила, на деле против таких трюков не возражала совершенно — приятно, все же, ощущать себя пушинкой в мужских руках! Особенно когда пушинка из меня сомнительная.

Рэй навалился сверху, придавливая меня, и под очередную порцию «спасите-помогите!» впился в мои губы поцелуем. Я куснула его за губу, мстя за проигранный раунд и с наслаждением впились ногтями в гладкие мышцы спины. Сколько раз уже проделывала этот трюк, а наслаждение все так же — неопишемое!

Поцелуи перемежались с жарким дыханием и мелкими укусами. Широкие шершавые ладони скользили по моему телу по-хозяйски неторопливо, дразняще проникали под одежду, не торопясь раздевать, и я, тяжело дыша, податливо выгибалась навстречу этим движениям, когда Рэй вдруг пробормотал мне на ухо, тут же ласково прихватив его губами:

— А сегодня, между прочим, пятница!

Я недоуменно моргнула и вопросительно вскинула брови.

В глазах Рэя, навалившегося на меня всем телом, плясали черти. Плутовское выражение лица стало совсем уж откровенным — он явно ждал от меня какой-то осознанной реакции, но я все никак не могла сообразить — какой.

— Пятница, Ли! День минета в твоём расписании!

— Что-о-о?! — возмущенный вопль вырвался сам собой, и я изо всех сил пихнула бессовестного паршивца.

Рэй с хохотом повалился набок, но вместо того, чтобы позволить мне отскочить, перехватил меня за талию и затащил на себя и усадил на живот,

разглядывая меня снизу вверх с предвкушением и неприкрытым удовольствием. Кажется, вгонять меня в краску смущения ему нравилось и без прочих, прилагающихся к ситуации бонусов.

Я гневно засопела и дернулась, порываясь встать. Железные лапищи удержали меня за талию.

— Рэй! — возмутилась я.

— Линетт! Ты сама внесла предложение! — и столько праведного негодования было на бессовестной физиономии, что мне захотелось его задушить. Диванной подушкой.

— Странно, что ты эротический массаж не вспомнил! — ядовито фыркнула я, и все-таки вырвалась, соскочила на пол, одергивая и поправляя одежду.

— Не хотел ставить тебя в неловкое положение, — нахально заявил Рэй, закидывая руки за голову, от этого движения футболка натянулась и плотно облепила широкую грудь, так что я невольно зацепилась за это зрелище взглядом и заподозрила Харди в неконституционных методах воздействия. — Я же понимаю, что ты сказала сгоряча, не подумав и ты не умеешь!

С рычанием швырнув в Рэя той самой диванной подушкой, я с досадой поняла две вещи. Первая — мне нужно больше тренировать меткость. Вторая — массаж эта верткая сволочь не любит.

Крутанувшись на пятках, я демонстративно ушла в кухню, огрызнувшись напоследок:

— Я и минет не умею! — не понимая, зачем вообще поддерживаю эту тему вместо того, чтобы сказать твердое «Нет!» и закрыть вопрос.

— Ничего сложного, — с жаром откликнулся Рэй.

Он нагнал меня возле дверей кухни, и горячие ладони легли мне на талию, обжигая даже сквозь футболку. Рэй прижался всем телом, и несмотря на спор и смущающую тему, это было ужасно приятно. Как и горячие губы, скользящие по шее, и легкие укусы...

Я засопела, не позволяя себе растечься лужицей.

— Рэй, я не хочу! И не буду! — вместо твердого, уверенного и спокойного голоса у меня вышел какой-то полупридушенный цыплячий писк. — И мне... мне противно!

Возможно, и не стоило говорить мужчине так о самом дорогом, но больше у меня аргументов не было. Я почти обреченно ждала новой волны уговоров, но вместо этого услышала негромкий смешок. Развернувшись в его руках, которые охотно позволили мне это и тут же сползли с талии на попу, я внимательно взгляделась в его лицо, опасаясь увидеть разочарование

и насмешку.

Но серые глаза были веселыми и теплыми. И ласковыми. И... И кажется, в ближайшем будущем меня ждет веселое время — Рэй распробовал новое удовольствие.

Укоризненно фыркнув, я проворчала:

— Взял тоже моду — девочку смущать! Не стыдно?

— Ни капельки, — честно и весело признался Харди, многозначительно прижимая меня к стене. — Это уж-жасно мило!

— Взрослый мужик, а туда же! — неодобрительно поджала я губы.

Н-да, попытка откопать совесть этого конкретного арда была заранее обречена на провал.

Рэй смотрел на меня с высоты своего роста, и горел в его взгляде огонек, заставлявший меня плавиться. Подкашивал коленки. Лишал воли...

За донесшуюся от ардовского терминала трель звонка я ухватилась как утопающий за соломинку, вырываясь из порочного круга смущения, неудовлетворенности и желания с крохотной долей любопытства.

— Тебе звонят! — я выпуталась из объятий Рэя и снова сбежала — на этот раз обратно в комнату, всей спиной демонстрируя готовность жертвовать своим удовольствием ради важнейших дел.

— Пусть звонят, — Рэя, кажется, и моя суматошная беготня по квартире тоже забавляла, потому что он за мной двинулся, как приклеенный.

— А вдруг что-то важное? Срочное? А вдруг всех спасать надо?

— Когда всех надо спасать — не звонят, а сразу выдергивают, — хмыкнул Рэй, снова пытаюсь меня поймать. Я увернулась, и он вздохнул, но так и оставил попытки и потянулся за терминалом.

А, приняв вызов, вышел из комнаты. В негромкий голос я вслушиваться не стала. Выровняла дыхание, поправила одежду, стрельнула глазами в сторону прикрытой двери спальни и упрямо взялась за пульт, чтобы вернуться к недособранному скелету.

Рэй вышел далеко не сразу, понаблюдав несколько мгновений, как я демонстративно увлечена игрушкой (еще бы щеки не пылали так — и вообще была бы воплощение невозмутимости!) и внезапно спросил почти осторожно:

— Ли, что ты скажешь, если я сейчас уйду? Пиво пить. С мужиками.

Я вопросу искренне удивилась, но была настолько рада, что неловкая ситуация окончательно осталась позади, что только легкомысленно отмахнулась:

— Я скажу: «Вали!».

Таймер мигнул, и я досадливо — опять проиграла! — отбросила пульт в сторону. И неожиданно от мысли, что сейчас Рэй уйдет, а я опять останусь в квартире одна, сделалось тоскливо. Игрушка не дается, бу, учебой на сегодня мозг уже перегружен, читать не хочется, для фильма нет настроения...

А, собственно, почему я должна сидеть? Рэй идет гулять, значит, и мне можно! В конце концов, я уже больше двух недель в столице, а еще ничегошеньки ровным счетом не видела! Непорядок!

И, решительно подскочив с дивана, я влетела в спальню и принялась одеваться вместе с Рэем.

— Ты куда это намылилась? — насторожился ард.

Я посмотрела на подозрительную физиономию и рассмеялась:

— Не переживай! Куда бы я ни намылилась, это не назло тебе. Просто грех не воспользоваться выпавшим свободным вечером, раз я тебе сейчас не нужна. — Я в добавок тепло улыбнулась, чтобы наверняка дать понять, что это не обидки.

Ард посмотрел, как я шустро вскакиваю в джинсы и, скинув домашнюю майку, выискиваю на полке подходящий случаю верх, и неожиданно выдал:

— Все ясно. Собирайся, мы идем вместе.

— Куда? — приснула я. — Пить пиво с твоими мужиками?

— Именно. Поторопись только, часа на то, чтобы накраситься у нас нет.

Мне окончательно стало смешно.

— Рэй! Чтобы час краситься нужно иметь при себе косметичку с внушительным внутренним арсеналом, а я из всего имущества только себя взяла, — жизнерадостно пояснила я через натягиваемый топ с блестящей звездой на груди.

Ну правда, про дозаказанную тушь и парочку еще невинных женских штучек, помогающих «выглядеть естественно» при минимуме усилий можно ведь и не упоминать! Должна же в девушке быть какая-то тайна...

Я метнулась в ванную, собрала волосы в хвост, парой штрихов облагородила немного ту самую «естественность» и вышла:

— Все, я готова!

Бар, в который привел меня Рэй, находился на самой крыше одной из высоток центра города. Лифт стремительно вознес нас на сто-какой-то этаж, мелодично дзинькнул, распахивая двери, и я сходу окунулась в мешанину звуков — приятная мелодия фоном, гул голосов, стук

бильярдных шаров, звон бокалов, очаговые взрывы хохота. Я крутила головой, не в силах подавить чересчур явное любопытство, и почти сразу наткнулась взглядом на Вивиан.

Та сидела за барной стойкой в компании еще нескольких девушек, и когда наши взгляды встретились, голубые глаза сощурились, а крылья точеного носа гневно раздулись.

Рэй свою бывшую будто бы и не заметил, уверенно увлекая меня в бильярдный угол.

Его появление было встречено одобрительным гомоном, поднятыми пивными кружками и похлопыванием по плечам. Рэй сразу представил меня и назвал мне присутствующих, но все новые имена почти моментально вылетели из моей головы.

Это нервы, подумала я и тут же удивилась — а с чего бы мне нервничать-то?

Уж точно не из-за сверлящего взгляда в спину!

Я обернулась и увидела, как очаровашка-Вив, чуть наклонившись, с ядовитой улыбкой вещает что-то подружкам, а те хихикают, кидая на меня косые взгляды.

Я передернула плечами и отвернулась. Да что б вы там подавились вишенками из своих навороченных коктейлей!

Арды встретили меня тепло, некоторые — даже чересчур. Дэн буквально расцвел улыбкой мне навстречу, будто старой-доброй знакомой. Но если он хотел таким образом меня поддержать, то эффекта добился, увы, прямо противоположного — мне захотелось вылить пиво ему на голову. Я поудобнее перехватила ручку (а вдруг все же представиться случай?) и отставив в сторону чувство женской солидарности, попыталась втянуться в происходящее.

Однако в мужской компании я быстро заскучала. Нет, меня никто не гнал и не игнорировал, и среди собравшихся в бильярдном углу было и несколько женщин, участвовавших в беседе и игре наравне с ардами. Рэй исправно возвращался ко мне, доверив хранение своей кружки и втягивал в диалог, но все равно я чувствовала себя не в своей тарелке. Играть я не умела, а в разговорах устоявшейся компании понимала от силы четверть. Не добавляло уюта и ненавязчивое, со стороны даже, наверное, вполне дружеское внимание Дэна, которому я пусть и ввернула пару гадостей под видом шутливой пикировки, но в отваживании не преуспела. Мои колкости ард, кажется, воспринял как кокетство. Так что, помаявшись с полчаса, я сообщила Рэю, что снимаю с себя почетную роль Хранителя Пива Арда, и отправилась изучать местность, лелея смутную надежду повстречать здесь

Мину.

В баре было не особенно многолюдно. Хоть и на закрытое заведение он не был похож. Я уверенно насчитала с десятков мужчин, чья комплекция абсолютно не могла принадлежать Неукротимым Воинам. Местечко было приятное — не роскошное, но обставленное с элегантным вкусом — ничего здесь не раздражало взгляд. Приглушенный свет, негромкая музыка.

Я подошла к барной стойке с противоположного от Вивиан конца и села на высокий стул, озираясь и вытягивая шею, но Мины нигде не было видно.

Остальные дамы, уже впечатленные животрепещущим рассказом о моих многочисленных недостатках и внеземном коварстве, встретили мое появление прохладно — некоторые отворачивались с демонстративным безразличием, некоторые, наоборот, сверкали ехидными, полными превосходства взглядами.

«Нет, определенно мне здесь не нравится!» — решила я, уныло потягивая через трубочку коктейль и краем глаза наблюдая за Реем, который как раз загнал в лунку очередной шар.

— Жаль, что Мины сегодня нет, — прозвучавший над ухом голос заставил меня едва ли не подпрыгнуть на упругом кожаном сиденье. — Она сказала, что вы неплохо поладили.

Дэн привалился к стойке на почтительном расстоянии и снова улыбался.

Умом я понимала, наверное, что в их с Миной соглашении нет никакого обмана. И что девушка сама подписалась на это, и что раз до сих пор не «завязала», ей ситуация не кажется отвратительной. И что ард не виноват, что ему нужна постоянная партнерша для того, чтобы выполнять свою работу. И что будь его воля, он бы просто не связывал себя никакими обязательствами и был бы в этом абсолютно со всеми честен.

И все равно он мне не нравился.

Я спохватилась, что реплика мужчины предполагала завязку для диалога, и ответила:

— Да, мне тоже жаль. Я надеялась ее здесь увидеть. А что с ней? Приболела?

— К экзаменам готовится, — туманно отмахнулся Дэн и тут же сменил тему, так что я даже не успела уточнить, к каким: — Ну, как тебе здесь? Обживаешься?

— Потихоньку, — дипломатично и сухо отозвалась я. Жаловаться на скуку — вот еще, не дай бог развлекать предложит! А уточнять, что обживаться мне здесь незачем — и вовсе пускаться в туманные

разговоры. — Извини, мне нужно...

Вяло улыбнувшись вместо того, чтобы договорить, я сползла со стула, бросив недопитый коктейль и направилась в сторону двери с изящно нарисованной леди. Ну их, этих ардов! Сейчас в туалет схожу, извинюсь перед Рэем и свалю. Не по мне такие развлечения!

* * *

Вивиан Смитт всегда знала, чего хочет, и умела этого добиваться. У изящной красавицы целеустремленности, хладнокровия и решимости было на ардовский взвод. Вивиан, как и многие девушки-соискательницы звания эа-донора, хотела красивой жизни с надежным мужиком. Но, в отличие от многих девушек-соискательниц, она не тешила иллюзий, что сможет добиться этого одним только милым личиком.

До сих пор у нее все получалось. И все шло так, как и должно было.

А потом экстренная эвакуация Рэя — и тщательно, бережно выстроенные отношения рассыпались карточным домиком будто их и не было.

Вивиан стояла в туалетном кабинете бара, где обычно проводили время арды, и смотрела в зеркало, пытаясь понять, как такое вообще могло случиться и кто в здравом уме мог променять ее на рыжее бестолковое недоразумение. Впрочем, у мужчин случаются кризисы и надо делать скидку на нервную работу. Но все равно у нее в голове не укладывалось, что Рэй всерьез мог предпочесть вот это вот — ей.

— Эй, красотка, — голос Рэя заставил ее вздрогнуть всем телом, и только потом она поняла, что он доносится из соседнего кабинета. — Давай перепихнемся по-быстрому, пока моя подружка не видит?

Острый прилив злорадства — а от нее он не гулял! — сменился мгновенным разочарованием, когда оттуда же донеслось оскорбленное шипение:

— Лапы убрал, у меня парень есть!

Шипение явно принадлежало рыжей корове. Устроили тут игрища!

Хрипловатый мужской смешок сменился негромкой возней, сопением и шлепками ладоней.

— Да ладно тебе, — «уговаривал» Рэй. — Никто не узнает!

Рыжая «сдалась», и звуки недолгой борьбы сменились сладкими вздохами, прерывистым дыханием и сдерживаемыми, на грани слышимости, стонами.

Вив смотрела в зеркало. Правое веко дрожало мелкой внутренней дрожью. Снаружи ничего не было видно, но она знала. Кажется, самоконтроль, хладнокровие и сумасшедшая реакция, которыми она так гордилась, начали ее подводить.

Впившись пальцами в раковину, а взглядом — в зеркало, не видя своего отражения (безупречного, как всегда), она с болезненным интересом прислушивалась к тому, что происходило между двумя в соседнем кабинете.

Там, кажется, уже закончили, и теперь кто-то кого-то быстро благодарно целовал.

«Это уже не тревожные звоночки», — подумала Вивиан. — «Это набат, мать его!».

Она медленно, по одному, разжала побелевшие пальцы. Слушать, как Рэй — ее Рэй! — в которого было вложено столько сил! — дурачится, занимаясь сексом с другой, было нестерпимо. Уйти — невозможно.

Снова возня. Возмущенный писк.

— Вали отсюда! Рэ-эй! У-хо-ди! Кыш, кому сказала!

Мужской смешок и хлопнувшая дверь.

Быстрый шорох одежды, шум воды, и новый хлопок двери.

Соседний кабинет опустел.

Вивиан неторопливо раскрыла сумочку, аккуратно достала из нее терминал — дорогую, статусную вещь. Некоторое время бездумно смотрела на него, а потом решила и набрала номер.

Красивая девушка всегда знает, к кому она может обратиться за помощью. Правда теперь эта помощь встанет ей дорого. Но умная девушка всегда знает, когда лучше заплатить. Не время мелочиться, когда ситуация стремительно выходит из-под контроля, и все летит к чертям.

Сообщение ушло, и она знала, что ответ на него получит уже очень скоро.

Вивиан вдохнула, прикрыв глаза, выдохнула и улыбнулась сама себе в зеркало — безупречно красивая, бесконечно очаровательная женщина.

Когда она вернулась в общий зал, то увидела, что Рэй и корова уже покидают заведение — они направлялись к выходу, и рука арда вольготно расположилась на талии девушки чуть ниже, чем считалось приличным. Вивиан и сама не доска, есть за что подержаться, вот уж можно подумать!..

Она обвела взглядом зал и заметила, что не одна обратила внимание на уход парочки.

Дэниэл Корггс, цедивший пиво возле барной стойки тоже проводил товарища пристальным взглядом. Вернее, не товарища, а его спутницу.

Про Дэна Вивиан знала все.

Про пикантные детали его соглашения с дурой-Вильгельминой, про похождения, про многое другое. А еще Вивиан знала, что Дэн вовсе не такой гуляка, каким кажется на первый взгляд. Он вполне бы и не против остепениться, просто он пребывает в убеждении, что профессионалки для этого не подходят. Девицу для души ему подавай.

Вивиан хмыкнула.

Арды друг у друга девушек не отбивали — они не идиоты, проблемы себе на Грани создавать из-за межличностных конфликтов. Но Вивиан могла догадаться, о чем думает Дэн — контракт с Рэем закончится и Линетт будет свободна, девушка приглянулась, так почему бы и не понаблюдать, кружа в сторонке и выжидая подходящий момент.

Конечно, если бы план Дэна удался, Вивиан это бы вполне устроило. Минке так и надо, сама виновата. Рэй был бы снова свободен и уж теперь-то Вив его дождала бы. Но ненадежное «если» ее не устраивало.

Она будет действовать наверняка.

* * *

За окном автомобиля мелькали огни столицы, отражаясь от блестящей темно-синей поверхности дорогого автомобиля. Я косилась на сидящего за рулем Рэя, а в животе все еще нет-нет да екало, стоило вспомнить о быстром, но от этого не менее ярком сексе в туалетной кабинке бара. Как-то до сих пор мне не доводилось заниматься любовью в общественных местах да еще и... так.

Застигнутая врасплох, я только и смогла сначала принять предложенную игру, а затем торопливо вытолкать арда прочь, краснея и смущаясь от того, что только что вытворяла приличная домашняя девочка Линетт Келли.

И только вытолкав, сообразила, что забыла сказать, что ухожу.

Проблему решило сообщение, которое я сбросила Рэю на терминал. Привела себя в порядок окончательно и вышла, намереваясь сразу слинять. И удивилась, когда ард составил мне компанию.

— А как же пиво и мужики? — поинтересовалась я, когда ард, подойдя, приобнял меня и потянул к выходу.

— А мне все равно врачи пока не рекомендуют, — хитро подмигнул ард, доселе реагирующий только на «запрещают» и с завидным упорством игнорирующий всяческие «рекомендации».

И теперь мы катились по ночному городу в неизвестном направлении. Как-то сразу было ясно, что Рэй везет меня не домой, но на заданный в лоб вопрос я в ответ получила только загадочную ухмылку, а поскольку тешить ардово самолюбие и развлекать его нытьем и требованием все рассказать вотпрямщас мне было лень, я просто набралась терпения и с удовольствием глазела по сторонам.

Зато, когда на горизонте в просвете между небоскребами показалось гигантское колесо обозрения, я поняла, куда мы едем.

Парк аттракционов встретил нас гомоном, визгом, сиянием миллионов огней, грохотом музыки, плывущими по воздуху ароматами бургеров и картошки фри вперемешку с сахарной ватой и шоколадными вафлями. И я легко позволила увлечь себя в эту веселую круговерть, искренне наслаждаясь абсолютно всем — атмосферой беззаботного веселья, искристым восторгом и вниманием мужчины, держащего меня за руку.

Когда спустя какое-то время мы добрались до Арены, где все желающие могли сбросить пар и посоревноваться в борьбе, я была уже почти пьяна от этих таких ярких, буквально зашкаливающих впечатлений.

Рэй остановился, хитро поглядывая на меня, и я непонимающе моргнула — здесь-то нам чего искать? А потом вспомнила, как десять минут назад уговаривала арда влупить молотком по гигантскому шару, чтобы продемонстрировать мне силушку молодецкую. То ли ард не любил молотки, то ли шары, но утащил меня оттуда прежде, чем я сама начала примеряться к молотку размером примерно с меня и черте каким весом. А притащил, получается, вот сюда. Думал, я его и тут подначивать буду.

— Да ну... — вздохнула я, поморщив нос. — Что я, дура что ли? Я же знаю, что там не твой уровень! А вот молоток ты, может, даже не поднял бы! Может верне...

Я не договорила, потому что Рэй вдруг шагнул вперед, вплотную ко мне, обхватил ладонями мое лицо. На долгий миг — глаза в глаза. Так, что аж дыхание перехватило. Я, снова не пойми чего засмуцавшись, опустила ресницы, разрывая единение взглядов, и тут же Рэй поцеловал меня. С чувством. С толком. С расстановкой.

Поцелуй был долгим, глубоким, и от него у меня натурально ослабели ноги. Я повисла на мужчине, вцепившись в его футболку, вжимаясь в него, растворяясь в нем...

Когда Рэй отстранился, у меня осталось ощущение, будто тем самым молотком ударили мне по голове, а не по шару. В ней было пусто, гулко, звонко, только бешеные удары сердца гуляли по пустой черепушке.

Наверное, сейчас по законам жанра Рэй должен был схватить меня и

утащить в квартиру, ну, в крайнем случае, в качестве экспресс-варианта — в кусты, но тут его громко окликнули.

Ард обернулся, я привстала на цыпочки, в попытке высунуться из-за его плеча. Не преуспела и высунулась сбоку, чтобы увидеть, как к нам подходят Райан Тайрос с супругой.

Я видела ее в баре — невысокая блондинка с приятным округлым лицом, располагающей улыбкой и королевской осанкой. Она и еще несколько девушек держались отдельно — не у стойки и не в компании играющих в бильярд, но все равно притягивали к себе внимание. И я внезапно, глядя на нее под руку с командиром Рэя, поняла почему. Они же натуральные львицы! Главные самки прайда, приглядывающие за более бестолковыми подопечными — жены командиров, самые статусные батарейки. Я хихикнула сама с собой и окончательно вышла из-за Рэя, чтобы поздороваться.

— Мелани, — блондинка доброжелательно улыбнулась. — Но все зовут меня Мэл.

— Нате-здрасте, — весело хмыкнул еще один голос. — Вот и ищи развлечений «на стороне», арды достанут тебя везде!

К нам приблизился ухмыляющийся Дэн, единственный среди троих — без спутницы. Я снова насупилась. Вот сидит Мина, зубрит себе, а он тут... «на стороне».

— У дураков мысли сходятся, — беззлобно отметила Мэл и заработала три высокомерных мужских взгляда, ничуть ее не смутивших.

А потом слово за слово... и я даже не поняла, как так получилось, что через несколько минут Рэй, вручив мне свою куртку, полез вместе с Дэном на Арену! Кто кого подбил сказать было сложно, ибо создавалось ощущение, что зудело у обоих. Даже командир, на которого я с надеждой уставилась, проводил их пусть и не особенно довольным, но и не возражающим взглядом.

Толпа возбужденно загудела и заулюлюкала, оценив комплекцию следующих борцов, а потом взвилась бешеными восторгами, когда поняла, что это еще и арды.

Не знаю, чему конкретно они радовались — мне судить было тяжело, потому что зажмурилась я почти сразу, а спустя несколько минут поняла, что мне окончательно разонравились даже доносящиеся сквозь вопли звуки взрывов (!!!), и я, прекратив стискивать куртку Рэя в руках будто надеялась ее удушить, вцепилась в локоть стоящей рядом Мэл, и голосом «мне дурно» попросила:

— Уведите меня, пожалуйста, отсюда...

И, не дожидаясь ответа, поперла прочь, утаскивая жену командира за собой. В конце концов, я тоже временно член ее прайда! Ломануться прочь одной мне не позволило благоразумие, а оставаться возле арены и смотреть на это жуткое смертоубийство я просто не могла. Мелани не сопротивлялась, но рассмеялась:

— Я вообще-то здесь с мужем!

— У вас отличный муж, — со всей искренностью заверила я ее. — И он за ними обязательно присмотрит, а мы пока в стороночке постоим, подождем, поболтаем...

— Стой, бульдозер!

Она остановилась, и я легко подчинилась — вой Арены остался за спиной, перекрытый нормальными звуками простого человеческого (не кровожадно ардовского!) веселья. Но прежде, чем я успела подумать о том, что не стоило все же так хватать совершенно незнакомого человека, да еще и тащить куда-то, Мэл ткнула пальцем вправо:

— Нам туда! Видишь, мороженое?

Мороженое — это можно, мороженое я люблю!

Жена командира легко и быстро перехватила инициативу, кажется, ничуть не обидевшись на меня за самоуправство, купила нам обеим по огромному стаканчику, игнорируя протесты и попытки заплатить самой, и увлекла меня на то самое колесо обозрения, которое возвышалось громадиной в самом центре парка — «Ты же первый раз в столице? Вот и полюбуешься!».

Она расспрашивала меня — доброжелательно и ненавязчиво. И тон ее голоса был не высокомерным, как у Вивиан, но и не открыто дружеским как у Мины, а каким-то слегка отстраненным, но тем не менее, не враждебным. И в голове снова мелькнула дурацкая мысль про главную самку прайда. Наравне, но выше.

Когда колесо неспеша добралось до пиковой точки, а я успела пересказать всю свою нехитрую жизнь, зазвонил мой терминал.

— Ты где? — поинтересовался он голосом Рэя. Видео я включила, но гаджет лежал у меня на коленях, так что арду были видны только доньшко мороженого стаканчика, мои руки, подбородок и бескрайнее ночное небо.

— Я сбежала. Сумасшедшая у тебя работа. И коллеги придурки. И ты дурак какой-то, прости господи... — меланхолично сообщила я арду, болтая ногами и старательно выскребывая мороженое по стенкам.

— Это понятно, — Рэй улыбался. Он, в отличие от меня видео не включил, но я по голосу слышала. — А ты что делаешь?

— Сижу, мороженое ем! — честно ответила я.

— И где?

— В парке!

Рэй если и начал подозревать, что я над ним издеваюсь, то виду пока не подал.

— Ладно, что ты видишь?

Карусель пошла на спуск, так что теперь в поле моего зрения был не целый город, а всего лишь парк и парочка ближайших кварталов, но этого тоже оказалось для перечисления вполне достаточно, чтобы Рэй-таки убедился:

— Ты издеваешься?

Рядом давилась беззвучным смехом Мэл, а я только ухмыльнулась, не спеша ни опровергать, ни подтверждать это заявление.

— Ладно, нагуляйтесь — звони, я на связи, — он снова улыбнулся и прервал звонок.

Я подумала немного, поковыряв ногтем крохотную царапинку на корпусе терминала, и перезвонила, на этот раз без видео, поднеся терминал к уху.

— А кто победил-то?

— Я, — тихо и как-то чувственно рассмеялся Рэй, и мне примерещилось, что его дыхание шевельнуло тонкие волоски на моем виске.

— И с каким счетом?

— Счета не было.

— Ты уверен? В борьбе по видению всегда есть!

— Кэп, какой счет примерно? — крикнул Рэй куда-то в сторону.

— Два-ноль в мою пользу, а у вас обоих по взысканию, — проворчал серебристый вдалеке, и я рассмеялась и сбросила вызов.

— Победил он, но счет почему-то в пользу вашего мужа, — сообщила я Мэл, которая не скрывала своего интереса в беседе.

— Он такой, — тепло откликнулась она. — И давай уже на «ты»?

Мэл была меня старше и прилично, на добрый десяток лет, если не больше, но возражений по этому поводу у меня почему-то не было — как вообще можно возражать человеку, купившему тебе мороженое и усадившему на карусель?

Впереди было еще два долгих круга, и я начала подумывать, о чем же завести разговор, раз уж похитила человека против воли — мне и развлекать! Но тут Мелани сама задала вопрос:

— Ну, как тебе тут? Рэй не обижает?

Я немного напряглась. Вопрос был задан беззаботно и контекста,

казалось бы, не предполагал. Но мне вдруг вспомнились снисходительно-презрительные взгляды других девушек. Да и с Вивиан Мэл наверняка дружит...

— Да нет, все хорошо, — ответила я и глаза собеседницы настороженно сверкнули, мое напряжение от нее не ускользнуло.

— Точно? Линетт, контракт-контрактом, но никто не будет удерживать тебя силой сейчас, если тебе плохо. Служба соцподдержки прекрасно работает и в интересах доноров, особенно не профессиональных.

Беспокойство в ее голосе наигранным точно не было и меня чуток отпустило.

— Правда, все хорошо. Просто... — я смущенно улыбнулась, — странно все это немного. Как будто в другой мир попала.

— А... — Мэл выдохнула и широко улыбнулась. — Ну это я понимаю! Признаться, мне самой все происходящее поначалу казалось легким бредом, но потом ничего, привыкаешь.

— Тебе? — переспросила я. — А ты разве не...?

Я осеклась, но жена командира и без слов поняла, что я имею в виду.

— Нет, я не профессиональный донор. Я профессиональный хирург.

И она хитро сверкнула глазами, с явным удовольствием наблюдая за выражением изумления на моем лице.

Хирург? Жена арда — и хирург?

В сложившуюся в моей голове картину ардовой жизни это заявление как-то не вписывалось. Очень хотелось спросить: «А так разве бывает?». Но я сдержалась и спросила другое:

— И как же вы с Райаном познакомились? Экстренная эвакуация?

— Нет, — Мэл мотнула головой. — Он ко мне на операционный стол угодил. У меня и смена-то уже подходила к концу, я держалась на кофеине, честном слове и врачебной клятве, а тут арда приволокли. Они вообще у нас нередкие гости, — она помолчала немного и добавила, сдерживая усмешку: — И нелюбимые.

— Почему?

— Буйные, — невозмутимо охарактеризовала Мэл Неукротимых Воинов. — У них все, что не смерть — то пройдет. До кучи с анестезией они не дружат. Общая им в принципе практически противопоказана, местная действует от случая к случаю. А оперировать на сознательном и матерящемся арде — сомнительное, я скажу тебе удовольствие.

Я содрогнулась, Мэл хмыкнула и продолжила:

— И вот я влетаю в операционную, заранее злая, с глазами как у совы, а там мне молодец улыбается во все тридцать два и широким жестом

указывает — меня тут немножко покусали. Немножко — это нога почти в ключья.

Я крепко призадумалась, что хуже — бой на арене или откровения хирурга, но Мэл понятливо не стала углубляться в подробности.

— К счастью, спинальная анестезия подействовала, а ард попался неболтливый и работать не мешал, лежал себе тихонечко, лежал... а потом как выдаст: «Девушка, вы такая красивая, а выходите за меня замуж?». Чучело с синяками под глазами, озверевшим выражением в них, и полным хирургическом обмундировании — красивая, да. «Болевой шок», — решила я и решила не обращать внимания. А он все нудит и нудит, нудит и нудит... «ну девушка-а». Я на него как рывкну: «Больной, вы хоть понимаете, что если будете меня отвлекать, можете остаться без ноги?!». Он притих, насупился, пробормотал извинительно: «Ладно-ладно, я все понимаю, зачем вам безногий муж» — и заткнулся. До самой выписки. А после выписки приперся при параде и с цветами. Ну и...

Она махнула рукой — дальше, мол, по обкатанному жизнью сценарию. А арды-то в душе романтики!

— И что же потом? — я все еще до конца не поняла. — Тебе пришлось оставить практику?..

— Почему оставить? — удивилась Мэл. — Да, конечно, на полную ставку я работать не могу и дежурю меньше, в основном занимаюсь плановыми операциями, которые можно назначить исходя из графика Райана, но никто не заставлял меня бросать работу. И не заставит.

Эта информация, признаться, стала для меня открытием. Как-то глядя на Вивиан и Мину я свято уверилась, что жизнь спутницы арда вертится исключительно вокруг этого самого арда.

— А как же поначалу? Он тебе контракт предложил? — возможно, вопрос был немного и бестактным, но меня терзало жгучее любопытство, а Мэл, кажется, не возражала.

— Нет, у меня никогда не было контракта. Арды вовсе не обязательно живут с девушками исключительно по договорным отношениям. Для случаев, если вдруг им нравится кто-то со стороны, не из профессионалок, у них есть отработанная практика — они берут себе законный отпуск. Чтобы без помех и давления со стороны выстроить отношения. А за пару месяцев оба, как правило, сумеют разобраться, нужно им это или нет, и выстроить жизнь уже в соответствии с потребностями арда.

Ага, все же, все упирается в потребности арда...

Я даже не успела додумать эту мысль, а Мэл уже ее прочитала. Она задумчиво изучила дно своего пустого стаканчика и вдруг проговорила:

— Это мы живем в мирное время, Линетт, а арды всю жизнь проживают на войне, которой не видно конца. Знаешь во сколько они имеют право уйти в отставку? В сорок. А знаешь, каков процент тех, кто пользуется этим правом? Около десяти. Абсолютное большинство служит до тех пор, пока знает, что от него на Грани есть польза. Пока они могут прикрывать спины товарищей. Пока могут противостоять тварям Изнанки. Они видели такое, что мы не можем даже вообразить. Я сама иногда немного забываю об этом, когда смотрю, как они дурачатся в баре, куролесят у кого-нибудь на квартире или вытворяют что-то совершенно безумное вроде вот этого поединка. Но об этом надо помнить. Поэтому нет, я не жалею, что мне в чем-то пришлось поступиться своей карьерой, чтобы быть с Райаном. Чем больше у арда причин возвращаться каждый раз обратно в наш мир, тем больше шансов на то, что он выживет. И что этот мир — устоит. Да и... любые отношения — с ардом то или нет — это поиск компромиссов.

Карусель двигалась дальше в молчании. И я не могла бы даже сказать, что я усиленно обдумывала сказанное, наоборот в голове было как-то bestолково и пусто.

Молчание затягивалось и Мэл улыбнулась, как мне показалось, чуть смущенно.

— Извини. Как говорится, вырвалось. Ты не подумай, я пытаюсь давить на тебя или там мозги прочистить. Это просто... наболевшее что ли.

— Да ну, какие извинения. Я просто перевариваю, — я вернула ей улыбку.

— Помни, что ты можешь опротестовать полугодовой контракт. Если все будет проходить по правилам, через куратора, и с вынесением веских причин невозможности выполнения гражданских обязательств, то контракт можно остановить и без неустойки. А поскольку после выписки для здоровья арда уже не критически важен выбор донора, вескими могут быть признаны почти любые причины. Конечно, разбирательство займет время, но все же это не полгода...

Это я знала. После того «скандала на троечку» я все же залезла в контракт и изучила его от буквы до буквы, а потом не поленилась еще и офицеру Честеру позвонить — так, на всякий случай, прояснить туманные моменты. Разговор закончился вопросом — так вы хотите подать заявление? И голос офицера был таким траурным, что мне сделалось даже неловко и я заверила мистера Честера, что нет, я просто любопытствую, мало ли что! Офицер тут же повеселел и вполне искренне заверил, что за этим я могу звонить ему в любой момент. Соблазн набрать его номер

часика в четыре утра подавили только лень и спящий рядом ард.

Я и правда только любопытствовала. На тот момент решение остаться было мной уже вроде как принято. Да и Рэю я, вроде как, пообещала. Обилие в мыслях «вроде как», конечно, смущало, но я старалась не сильно об этом задумываться, пока все хорошо.

Когда карусель завершила третий круг, и мы вывалились из нее обратно в суматоху парка развлечений, оказалось, что два из трех ардов уже поджидают нас у выхода.

— Вычислили, да? — Мелани пихнула мужа локотком в бок. — Ладно, молодежь, развлекайтесь! А нам, старикам, уже и на боковую пора.

Седой с Рэем обменялись рукопожатиями, и супруги удалились, оставляя нас наедине. Ну как наедине — в шумной гуляющей толпе.

— Ну что, похитительница курток, — произнес Рэй, притягивая меня к себе и заключая меня в объятия, и я повыше задрала нос — она, между прочим, наверху и после мороженого очень пригодилась, но фиг я кое-кому об этом скажу! — Хорошо покаталась?

— Хорошо, — честно призналась я. Познавательного, я бы даже сказала! И покрутила головой: — А где Дэн?

Нет, отсутствию смешливого типа я была только рада, но в свете доносившихся с арены звуков и слов кэпа о взыскании, меня всерьез волновало, а ушел ли ард с Арены невредимым.

— Домой свалил, — бросил Рэй.

Ну раз свалил, значит, своими ногами, значит, все в порядке! И скатертью дорожка. Я была даже рада, что ард не остался на попрощаться — ну его!

— Может, и мы тогда домой? — спросила я, заглядывая в серые глаза. — Я устала что-то. Да и поздно уже...

Рэй кивнул, выпустил меня и уверенно повлек сквозь расступающуюся клином толпу на выход.

В машине мы ехали молча. Я придремывала, завернувшись в ардову куртку, как в одеяло, Рэй уверенно лавировал в потоке машин, который в столице, кажется, ночью ничуть не оскудевал. Я наблюдала за ним сквозь полуопущенные ресницы и пару раз, мне показалось, будто ард выглядит как-то мрачновато, но не найдя объяснения этой мрачности, я списала это на неверный свет мелькающих фонарей.

По возвращении я первой оккупировала ванную — умыться, а когда вышла, свет в спальне был уже выключен, и Рэй лежал под одеялом, закрыл глаза. Иголочкой кольнуло беспокойство — он же только-только с больничного и тренировки эти. Не дело еще таскаться-развлекаться чуть ли

не до утра. Надо мне как-то помнить об этом и следить. А то вон все врачи в голос твердят — на благоразумие ардов в этом вопросе полагаться бессмысленно.

Я переоделась в пижаму и тихонечко — вдруг уснул уже? — забралась под одеяло и, чуть повозившись в поисках удобной позы, не выдержала и сама подкатилась под теплый мужской бок.

Рэй не спал и со вздохом подтянул меня и устроил на плече так, чтобы обоим было удобнее.

Я затихла, хоть сон и почему-то не шел — перебила, наверное, дорожной дремой. И вместо того, чтобы засыпать, я лежала с открытыми глазами и вслушивалась медленное ровное дыхание рядом.

Глядя на то, как мерно поднимается и опускается широкая грудь, я не выдержала и положила на нее ладонь. Кожа была гладкой и теплой. Я сжала пальцы, чуть царапнув ее короткими ноготками, и распрямила их. Само собой в памяти всплыло, что если сделать это с нажимом, то на коже проявлялся отчетливый красный след, быстро тающий, но дарящий какое-то сладкое собственническое ощущение.

Я вздохнула, чуть передвинула голову, удобнее устраиваясь на плече, не выдержала и погладила литую грудь раскрытой ладонью, наслаждаясь ощущением. Если мое ерзанье и мешало Рэю спать, то вида он не подавал. Что, вообще-то было арду не свойственно. Призвать меня к порядку и пресечь бестолковую возню перед сном вообще было одним из его излюбленных занятий.

Может, все-таки спит уже?

Я вскинула голову, вгляделась в лицо. Может и спит...

Снова легла. Потерлась кончиком носа о крепкое плечо. Плечо пахло вкусно — Рэем. И немножко сахарной ватой. В другой момент я от избытка чувств с удовольствием бы эту вкусность покусала, но увы... пришлось ограничиться поцелуем — так, на пробу, ну и лизнуть чуть-чуть, не удержавшись от соблазна.

Чужое дыхание, до сего момента безупречно ровное, сбилось. Ага, попался! Ну и чего мы тут притворяемся?!

Я примерилась и лизнула плечо еще раз, уже уверенно, медленно и со вкусом, завершив это дело слабеньким укусом в основание шеи — просто обозначить, что, если кто-то сейчас не прекратит бревном прикидываться, я, между прочим, и сожрать могу!

Бревно упорствовало, но дыхание становилось все более частым. Так значит?!

Я подтянулась повыше и, прихватив губами мочку уха, потерлась об

арда грудью — скользящее прикосновение сквозь тонкий шелк. А ладонью медленно двинулась вниз, ласково провела по напрягшимся под этим прикосновением мышцам живота и осторожно нырнула под резинку трусов.

Горячий член тут же ткнулся мне в руку, предавая хозяина по полной. И Рэй признал поражение. Выдохнул резко сквозь стиснутые зубы и распахнул глаза. Я улыбнулась ему и поцеловала, совсем как он меня в парке — с чувством, с толком, с расстановкой.

Руки арда пришли в движения — стиснули, погладили, а потом как-то незаметно переместили меня так, что я оказалась верхом на животе Рэя. Оторвавшись от его губ, я выпрямилась и легко стянула с себя верх, почти сразу ощутив долгожданно прикосновение шершавых ладоней к налившейся и требующей своей доли ласки груди.

Он сжал оба полушария, чуть ущипнул соски, заставив меня выдохнуть едва слышный стон, и ворчливо произнес:

— Я вообще-то спал, рыжая!

— А я что, мешаю? — наивно удивилась я, заведя руку за спину, и с наслаждением сжала ладонью твердый горячий ствол. Двинула бедрами в такт движению собственной руки, будто он находился внутри меня, и сама почти в это поверила. В промежности все пульсировало и ныло, а шортики сделались откровенно мокрыми.

— Да! — Рэй толкнулся в меня снизу, членом — в ладонь, животом в разведенные ноги, и я всхлипнула, когда шов шортиков прошелся по клитору.

— Перестать? — томно выдохнула я.

Вообще-то вопрос должен был получиться насмешливым, и по-хорошему, здесь надо было бы отдернуть руки, сползти с арда и повернуться к нему спиной с видом оскорбленной невинности. Но я не смогла, только прикрыла глаза, сильнее прогибаясь навстречу его рукам, сильнее ерзая, в попытке поймать еще раз такое сладкое прикосновение, сильнее сжимая его ствол в руке.

— Да, перестань, — отчеканил Рэй.

Я удивленно распахнула глаза, разжала руку и тут же Рэй перевернулся, опрокинув меня на спину. Одним движением он сдернул с меня остатки пижамы и почти сразу вошел.

Я вскрикнула и выгнулась от острого наслаждения.

Ладони арда скользнули мне под поясницу, стиснули в объятии, и Рэй снова перекатился на кровати, не выходя из меня. Под моим весом член проник еще глубже и я гортанно застонала, запрокинув голову.

— Вот теперь продолжай. Мешать, — хрипло выдохнул ард.

И я продолжила.

Он отдал мне полный контроль над ситуацией, лишь немного помогая толкающими движениями вверх, когда я опускалась, чтобы углубить проникновение. Даже не сжимал бедра, направляя, лишь придерживал их, помогая сохранять равновесие. Я приподнималась, позволяя члену почти выскользнуть из лона, чувствуя, как внутри все сжимается, пытаюсь его удержать, и опускалась вниз, с восторгом ощущая, как он раздвигает эти туго сжавшиеся мышцы.

Горячо. Упоительно. Сладко.

Я запрокинула голову, хватала воздух ртом, то и дело облизывала пересохшие губы, и чувствовала тяжелый, осязаемый взгляд на своем лице, на открытой шее, на груди с капельками пота, упруго подпрыгивающей в такт моим движениям. И там, где два тела соединялись в одно.

И почувствовав этот взгляд там, я вдруг кончила, опустившись вниз особенно резко. Рэй сам еще раз толкнулся в меня и глухо застонал.

На несколько мгновений я застыла, тяжело дыша, не смея открыть глаза, прислушиваясь к отголоскам оргазма, и чувствуя, как горячо растекается семя, и как мужская плоть во мне еще чуть движется, не торопясь опадать. А потом медленно легла арду на грудь, прижавшись к ней щекой.

Тяжелая ладонь коснулась моей головы, зарылась пальцами во встрепанные волосы. Я прикрыла глаза, выравнивая дыхание. Мамочки, как же хорошо...

А ну отставить амебность, Линетт Келли! Дала я сама себе мысленную пощечину. Еще немного и ты таким макарон сама на арда кидаться будешь! Спи иди, извращенка и нимфоманка несчастная!

Чуть позже, когда мы привели себя в порядок и снова улеглись — на этот раз уж наверняка. Я, засыпая, вздохнула.

Может, конечно, и извращенка, и нимфоманка. Но уж точно не несчастная!..

Глава 10

Сегодня нам подробно рассказывали об экстренной эвакуации ардов. Тема была животрепещущая, но знакомая вдоль и поперек на практике и из первых уст, так что я слушала вполуха, рисуя в блокноте для заметок кошачьи мордочки.

На курсы для батареек меня вытащила Мина. Вернее, она просто предложила мне на них сходить, когда я, сидя с ней в кафе, пока Рэй снова отбыл на тренировку, пожаловалась на чудовищные пробелы в образовании. Они, мол, для всех, у кого уже есть контракт — совершенно бесплатные, можно ходить вместе с теми, кто сейчас готовится к получению диплома профессионального донора. Я замялась — я на звание профессионального донора совершенно даже не претендую, я и на звание непрофессионального-то не претендовала! Просто и в правовых, и в бытовых аспектах от недостатка информации я страдала... мало ли что-то случится с Рэем, а я не знаю, как действовать.

Мина рассмеялась, глядя на мою смущенную и раздираемую противоречивыми желаниями физиономию, и предложила походить со мной для моральной поддержки.

На лекции особенно напирала на то, что ард не выбирает, на кого выпадать, поэтому выдвигать ему претензии на этот счет — неразумно и бесполезно.

И конечно же, нашлись те, кто нетерпеливо задал вопрос — а как же после замужества? Что, тоже будет налево ходить за подзарядкой в экстренном случае? Я сама с собой хмыкнула вспомним рассказы Мины, и все равно наострила уши — ответа на этот вопрос я не знала, как-то не приходилось задумываться.

Лектор обстоятельно объяснила, что брак для ардов, это не только подпись на документах, это также магический ритуал, который «настраивает» радар арда на одну-единственную партнершу, вернее, ее за-поле.

Она строго уточнила, что связь эта идет исключительно на энергетическом уровне, никоим образом не затрагивая отношения пары, и рвется только в том случае, если погибает один из партнеров. Именно поэтому подобный ритуал не проводят просто на донорах, чтобы избежать вызываемых экстренной эвакуацией «потерь» среди гражданского населения. И именно поэтому арды очень обстоятельно подходят к выбору

супруги, а статистика разводов в их кругу практически на нуле.

Вид у большинства присутствующих сделался мечтательный.

Я старательно пряталась за волосами и утыкалась носом в блокнот. Эх, девушки! А просто найти парня и выйти замуж вы не пробовали?

— Мин, а они вообще часто случаются у ардов? Экстренные эвакуации? — спросила я, когда мы вышли из аудитории.

Я вообще как-то предпочитала терзать вопросами знакомую батарейку, а не строгого лектора, которая, по-моему, ставила перед собой священную миссию выбить из хорошеньких головушек всю розовую дурь перед тем, как они приступят к непосредственной работе. Цель, в общем-то благая, но все ответы, которые она давала были в итоге пространными и поучительными.

— Да не то чтобы, — девушка пожала плечами. — Сначала почаше, по неопытности, а потом они учатся чувствовать собственный резерв и понимать, где грань между нормой и выбросом. И по возможности ее не переходить. Им, знаешь, тоже удовольствия мало на головы левым девицам сваливаться. Не все такие стрессоустойчивые как ты. Рэю повезло!

Я хихикнула, а Мина продолжила:

— За все время что я Дэна знаю, а это уже... — она старательно подсчитала. — Три года выходит? Его всего два раза экстренно выкидывало. И — вот невезение! — она самокритично улыбнулась, — оба раза на меня!

Я привычно подавила в себе желание стукнуть по этой хорошенькой головешке, встряхнуть как следует и выставить в этот прекрасный мир, полный возможностей. Когда Мина на мой вопрос, к чему она там готовится, ответила — да так, микробиология, второй курс — мне хотелось просто взвыть.

Правда вместо этого я выдала озадаченно:

— Э... А я думала, у батареек образование все больше... — я замялась, подбирая слово, — Декоративное.

Мина смешливо сморщила хорошенький носик:

— Ну, диплом дизайнера я на курсах получила, спасибо, больше не тянет! Я достаточно декоративно образована?

Ну не прелесть ли?

Так что любовь зла. А Дэн — козел. Все по печальному сценарию...

— Ой, смотри, — Мина вдруг дернула меня за рукав и ткнула вниз, в холл, куда мы спускались. — Мальчики!

«Мальчики» подпирали одну из мраморных колонн у входа и о чем-то сосредоточенно беседовали, не обращая ни малейшего внимания на полные

надежд взгляды проходящих мимо дам. Правда, наше приближение они запеленговали быстро, и оба выпрямились и приосанились.

— А вы что тут делаете? — Мина почти влетела в объятия Дэна, и тот привычным хозяйским жестом приобнял ее, чмокнув подставленную щеку.

При виде этого я ощутила какую-то внезапную скованность и растерянность — проделывать все вот это с Рэем на людях мне было неловко. Я даже притормозила, бросив на арда смущенный взгляд.

Тогда тот сам привлек меня и поцеловал.

И совершенно не в щеку. И обвившая талию лапища сжала ее властно и с пресечением всяческих возражений.

Да ладно-ладно, я и не возражала вовсе!

— Раньше закончили, — с хрипотцой выдохнул мне на ухо Рэй, отвечая на вопрос Мины. — Решили за вами зайти. Погулять.

У меня от жаркого воздуха, щекочущего кожу, по позвоночнику протоптались мурашки. Я ткнула Рэя в бок за неуместное возбуждение и чуть отодвинулась — насколько позволяла по-прежнему лежащая на талии ладонь.

— Хоть бы переоделись, — фыркнула Мина, потряхнув забранными в высокий хвост волосами, и те сверкнули в солнечном свете, совсем как в рекламе шампуней. — Позеры!

Красивая она все же, подумалось мне. И добрая. И умная. И веселая. Вот чего этому идиоту еще надо?

Моя антипатия к Дэну росла с каждой встречей.

Мы вышли на улицу из прохладного, тихого холла и сразу окунулись в почти летнюю жару и гвалт: надрывалась реклама магазинов и магазинчиков, с проспекта несся автомобильный шум, компания хохочущих подростков поглощала мороженое психоделических расцветок, и мне сразу же захотелось попробовать такое же — пусть даже и с риском отравиться. Где-то вне поля зрения расположилась еще одна компания таких же балбесов, разве что постарше — и оттуда несся рев мотоциклетного мотора, который бестолковый хозяин заставлял газовать на месте, и над всем этим гамом плыла музыка из местного радио.

И почти сразу я ощутила на себе множество взглядов, негатива от них не шло — сплошь любопытство, но я таки поняла недовольство Мины тем, что арды не подумали сменить форму. Быть объектом столь пристального внимания оказалось не так уж и приятно. Я жалась к Рэю и надеялась, что «погулять» подразумевало собой просто совместное времяпровождение, а не хождение по улицам.

— А пойдем в боулинг? — предложила Мина, сияя модельной

улыбкой. — Триста лет не была!

Возражений ни у кого не имелось, я так вообще была горячо «за». Но в этот момент у Рэя зазвонил терминал. Бросив взгляд на экран, ард слегка нахмурился, махнул нам — мол, идите вперед, догоню — и отошел в сторону, чтобы принять звонок.

С ним такое бывало, секретность она такая секретность! Поэтому я не обратила особого внимания и зашагала вслед за указывающей дорожку парочкой.

Дальше все случилось так быстро, что я даже испугаться успела только постфактум.

Рев мотора, визг шин, рывок.

И я стою, впечатавшись носом в грудь Дэна и чувствуя, как его пальцы сжимают мои плечи, кажется, до синяков.

Нецензурная тирада над головой. Грохот. Оглушительный свист полицейского свистка. Почти сразу взывшая сирена.

Дэн зло и разочарованно щелкнул языком и чуть отстранил меня, чтобы заглянуть в глаза.

— Ли, ты в порядке?

И только тогда я поняла, что только что чуть не погибла.

Картина случившегося восстановилась быстро. Мотоциклист на полной скорости вылетел на тротуар, только чудом, а вернее — Дэном, не сбил меня и умчался в неизвестном направлении, увернувшись от заклинания, которое швырнул в него Рэй. Твари человеческие оказались еще живучее тварей изнаночных.

Постовые сорвались в погоню почти сразу, но нарушителю удалось затеряться в узких переулках. Шлем зеркальный, опознавательных знаков на мотоцикле — никаких. Постовой рычал на идиотов-лихачей, но было очевидно, что состава преступления, как такового, к счастью, нет. Так что, когда я отказалась делать заявление, возрадовался и даже поблагодарил — мол, последнее время молодежь на улицах дурит и пускается во все тяжкие, и без того вагон непойманных, а в их деле одним больше, одним меньше имеет серьезное значение. Он пошутил, что взамен даже не будет нам выдвигать иск за поломанную скамейку, которую разрезало напополам будто лазером, но под взглядом Рэя быстро понял, что шутка не удалась и вообще ему пора — служба!

А Рэй был в бешенстве.

Я и не представляла, что всегда спокойный, ироничный, балбес-Рэй может быть таким. Создавалось ощущение, что ткни в него пальчиком, и

бомбанет не хуже динамита. Когда он подлетел к нам, почти выдернув меня из рук товарища, чтобы убедиться, что со мной ничего не случилось, мне показалось, что он сейчас что-нибудь разломает. Вырвет фонарь из асфальта и завяжет в морской узел. Или там витрину раскрошит.

Он рычал на всех — на постового, на стягивающуюся толпу зевак (зеваки поспешили растянуться), на Дэна...

На Дэна — особенно, хотя, казалось бы, спаситель. И потом, когда мы уже ехали в машине домой — настроение «погулять» было безвозвратно утеряно — до меня начало что-то доходить. К тому моменту, когда мы зашли домой, мысль дозрела окончательно, и стало ясно, что ситуация требует однозначного прояснения. А потому я решила спросить в лоб со всей возможной осторожностью:

— Рэй, ты что, меня к Дэну ревнуешь что ли?

Ответный взгляд был столь красноречив и полыхающ, что я сходу и сама взвилась:

— Ты серьезно?! Он встречается с Миной!

— И что? — рыкнул ард. — Он бабник, ему это не мешает!

— Что он бабник — это был мой второй аргумент!

Ей богу, это было бы смешно, если бы не было так грустно. Приревновать к типу, который вызывает у меня исключительно отвращение! Да и вообще — ревновать. Я вообще-то не его собственность! И вообще — не его! Я своя собственная, и если бы не дурацкий контракт!..

Я пыхла и раздувалась, с трудом удерживаясь от того, чтобы не сказать все это вслух. Кто-то все же должен сейчас сохранять спокойствие, иначе разругаемся вдрызг из-за ерунды просто потому, что оба сейчас на нервах.

— Держись от него подальше, — отрезал ард, и раздражение во мне плеснуло, почти вылившись за край. Почти.

— Со своим другом разбирайся сам, — спокойно — спокойно! — произнесла я. — И рычать на меня из-за того, что он, а не ты, спас мне жизнь — не надо. Я не выбирала.

Очень хотелось добавить, что я не Вивиан и ходить на задних лапках перед ним не буду, но и это сдержала, процедив лишь мысленно.

Рэй шумно выдохнул и утопал в комнату.

Я тоже выдохнула и утопала на кухню — ужин сам себя не приготовит.

На душе было как-то муторно. Вроде, и не поссорились, просто перенервничали и расставили некоторые не самые приятные точки над i. А все равно — неприятно. И обидно.

Я уже привычным жестом ткнула в кнопку чайника.

Сейчас заварю себе покрепче, выпью, полегчает. Еще бы коньячку туда капнуть...

Рэй зашел на кухню, когда я, перерыв недра холодильника, как раз доставала оттуда мясо, блестящая упаковка которого уже слегка флюоресцировала, давая сигнал, что срок годности подходит к концу.

Он обнял меня со спины, боднул в плечо, поцеловал в выпирающий шейный позвонок, и я расслабила плечи, принимая бессловное извинение. «Мы, вроде как, и не ссорились» превратилось в «мы, вроде как, помирились».

Рэй поцеловал меня еще раз, за ухом, в щеку, снова в шею, я дернула плечом, отбиваясь от щекочущих губ, и ард тут же покладисто прекратил, вместо этого вытянулся, чтобы заглянуть, что я там делаю:

— О, эскалопы! — обрадовался он.

Я с сомнением изучила лежащие передо мной кругляшки свинины. Вздохнула. Ну, эскалопы, так эскалопы! И когда Рэй удалился, оставив меня наедине с таинством готовки, полезла в интернет, выяснять, что это за зверь такой и как его едят. А самое главное — как его готовят!

Всемирная сеть обрадовала меня тем, что эскалопы — это все же действительно мясо, в моем случае и правда, свинина, а не неведомая чебурашка. Просто особым образом порезанное и со своей спецификой приготовления.

Я вздохнула еще раз — нет, готовить я умела, но что попроще. Самостоятельная студенческая жизнь к излишествам не располагает и вообще полуфабрикаты наш лучший друг — экономия и времени, и денег! И прямо сейчас на сияющей ардовской кухне с открытой на терминеале вкладкой с мудреным словом и пространной статьей о тонкостях и нюансах, я ощутила за спиной призрак Вивиан. Призрак смотрел с презрительной насмешкой.

«У меня мужик эскалопы жрал, а ты ему макароны с сосиской!».

Утихшее после нежностей раздражение, снова взбурлило, как неведомые препараты на уроке химии, и осталось булькать, то и дело выпуская лопающиеся пузыри.

Я стиснула зубы и вооружилась молотком для отбивания. В конце концов, сам рецепт простейший — пожарить и пожарить. Ерунда!

Что стоило получше вчитаться в нюансы и тонкости, я поняла слишком поздно. Когда отправила в рот первый кусочек получившейся... гадости. Нет, на вкус мясо было и ничего, но сухое и еле жевательное.

Я уставилась в свою тарелку, отказываясь смотреть на то, как Рэй поглощает печальный результат моих трудов. Обидно сделалось почему-то

почти до слез. «Эскалопы!». Что я ему, кухарка, что ли? Не сомневаюсь, что Вивиан-то ради него всю большую кулинарную энциклопедию на зубок вызубрила и отрепетировала так, что может хоть прямо сейчас шеф-поваром в приличный ресторан устраиваться.

Но я-то не Вивиан!

Я часто моргала, с трудом удерживая какие-то дурацкие злые слезы, и даже толком сама не понимала, почему они все наворачиваются и наворачиваются на глаза. Уткнулась носом в тарелку и просто ковырялась в ней. Не притрагиваясь к мясу, да и овощи в рот не лезли, хотя с ними все было в порядке.

Рэй не сказал мне ни слова.

Вернее, он попытался начать какой-то разговор, но получив в ответ односложный бубнеж, сдался. Молча съел все, что было положено, и принялся мыть посуду. Чем я и воспользовалась, чтобы улизнуть в спальню.

День, начавшийся мило и бодро, заканчивался какой-то полной катастрофой. Идиот Дэн, идиот мотоциклист, идиотские эскалопы. И Вивиан! Не идиотка, а гадина.

Одна я умная, лежу красивая в темноте и жую подушку, чтобы не разреваться окончательно. От великого ума, не иначе.

Когда в спальню зашел Рэй, я честно попыталась прикинуться спящей — утомилась после стресса и трудов праведных!

Ард лег на кровать рядом — я чувствовала, как прогибается под его весом матрас — а потом кончиками пальцев коснулся моего лица, отводя с него волосы. Легонько погладил костяшками щеку и позвал:

— Ли.

Маскировка полетела к чертям, я окончательно уткнулась лицом в подушку, отчаянно зажмурившись, и подтянула колени к животу, сворачиваясь клубочком. Не реви, дура! Нашла из-за чего!

— Что случилось-то?

У-у-у, молчи, изверг! Не надо меня жалеть, я сама себя прекрасно пожалею-у-у.

— Ли, ну прости из-за Дэна. Меня бесит просто, как он на тебя пялится. Он, конечно, на большинство баб так пялится, но когда на тебя — бесит. А потом я испугался за тебя и сорвался...

У-у-у-у...

— Ли... Ли! Ну перестань, пожалуйста...

У-у-у-у!

— Линетт Келли, официально предупреждаю вас, я плохо плаваю!..

Ли! Так, все, давай сюда эту подушку!

Борьба была отчаянной и на удивление куда более долгой, чем в моем представлении должна бы быть. За ее время я даже успела слегка войти во вкус и перестать рыдать. Но, когда подушка-таки была отобрана, сообразила, в каком виде теперь предстала перед Рэем и потянулась за другой.

Мой отчаянный рывок ард с легкостью пресек. Прижал обе руки к покрывалу и заглянул в глаза.

— Ли, я тебя обидел?

Я закусила губу, зажмурилась и замотала головой.

— Тебя накрыло из-за случившегося? Испугалась?

Я снова помотала. Нет, испугалась, конечно, но... все же обошлось, никто не пострадал. Да я почти сразу из головы это выкинула — чего только в жизни не случается.

— А что тогда?

Кажется, Рэю было очень важно понять. И я бы, наверное, даже хотела ему объяснить, но не могла сформулировать то, что царапало изнутри.

— Перенервничала, — пробормотала я, отворачиваясь. — И мясо дурацкое... не получилось.

— Мясо? — так изумленно переспросил ард, что мне окончательно сделалось стыдно за глупую истерику на пустом месте.

Я залилась краской, и попыталась вырваться и снова закопаться, на этот раз для верности — под одеяло.

Рэй не пустил.

— Дурочка ты моя, — прошептал он, прижимая меня к себе, зарываясь пальцами в волосы, осыпая мокрое лицо поцелуями. — Мясо! Придумала тоже!..

Я окончательно расфырчалась, все же вывернувшись, встряхнувшись, высвободилась и села, утерев лицо тыльной стороной ладони. Шмыгнула носом, вдохнула и выдохнула, успокаиваясь. И когда, наконец, нащупала внутри стержень внутренней стабильности, обернулась и слабо улыбнулась Рэю, давая понять, что все в порядке, истерика окончена, публика может расходиться.

Ард качнулся вперед и поцеловал меня, на этот раз не прикасаясь руками, только опираясь ими в кровать по обе стороны от меня, так что я могла бы легко отклониться от этого поцелуя. Но я не стала. Приняла его, подалась вперед...

Один глубокий поцелуй незаметно переплавился в множество поверхностных и жадных. И этой ночью в жарком шепоте несколько раз

снова непривычно звучало «моя».

Глава 11

Рэй ушел на Грань как-то буднично.

Вечером он, вернувшись из центра подготовки, сообщил, что медкомиссия окончательно подтвердила его готовность вернуться в строй, и завтра его отряд уходит в смену. Мне отчего-то сделалось не по себе. Но ард, глядя на мое обеспокоенно-испуганное выражение лица, только рассмеялся.

«Это просто работа, Ли. Представь, что я в офис иду!».

Представить, что человек уходит на неделю в офис, кишащий всякими плотоядными тварями, мое воображение отказывалось. В животе поселился какой-то холодный склизкий ком, который ко всему прочему то и дело неприятно ворочался. И не подумал исчезнуть, даже когда за Рэем, облаченным в новую форму, закрылась дверь квартиры.

Я высунулась в окно, чтобы увидеть, как черный бронированный микроавтобус отъезжает от дома, проследить, как он вливается в поток машин, а потом и вовсе исчезает из поля зрения, закрыла створку, отрезая себя от уличных звуков, и поняла, что осталась одна.

Словно в противоречие этому осознанию почти сразу зазвонил терминал.

Куратор Честер интересовался, отбыл ли Рэй и, получив утвердительный ответ, сообщил, что хотел бы убедиться, что я понимаю, что от меня требуется во время пребывания арда на Грани.

Требовалось не так много, и знаниями я щегольнула — всегда быть на связи, в любое время дня и ночи, как можно меньше покидать квартиру, а в случаях ухода быть в получасовой доступности.

Офицер Честер меня похвалил, посоветовал не переживать и отключился.

Дух противоречия был неискореним, и я запереживала еще больше.

В чувство меня привела Мина.

Она позвонила, когда я в десятый раз пыталась сосредоточиться на тексте пособия, но так и не преуспела — буквы расплывались перед глазами и в слова упорно не складывались, а когда-таки складывались, их смысл от сознания ускользал.

— Психуешь? — просто поинтересовалась она вместо приветствия.

— Ага, — честно призналась я.

— И я, — так же просто произнесла девушка.

И мне как-то сразу стало легче. Если уж она за своего оболтуса спустя столько времени всякий раз переживает, то мне и подавно можно! А с пониманием того, что нервничать сейчас — это нормально, нервы как-то разом и поутихли.

А то мужики все — не переживай, не переживай...

Чурбаны бесчувственные!

Я встряхнулась и взяла себя в руки.

Все будет хорошо. Рэй вон какой! В одиночку против новой жуткой и незнакомой твари устоял, а тут он будет уже совсем не один и на более легком задании, потому что его пока что еще беречь надо.

Я углубилась в зубрежку с перерывами на поиграть, поваляться с книгой, поболтать с подружками, которым в итоге призналась, куда исчезла из Кронбурга. Подружки охали, ахали, требовали подробностей. А Алиска смущенно призналась, что два года назад пыталась пройти отбор на профессионального донора, но ее завернули практическис порога — за поле на нуле.

«Он тебя не обижает?»

«Ты только скажи, мы на него твоего паравского любимчика натравим!»

«И моих крыс!»

«У тебя крысы толстые и ленивые, они даже морковь погрызть не могут, не то что целого арда!»

«Да разве ж он после дога будет целым?..».

Я смеялась с них, и понимала, что скучаю. Нет, не по девчонкам. С нашим ритмом жизни мы куда больше общались в сети, чем наяву.

По Рэю.

Мне никогда раньше не мешало одиночество, но сейчас в квартире было пусто и каждый день тянулся мучительно долго вовсе не из-за необходимости сидеть на месте.

Но эти мысли я от себя гнала — еще чего не хватало!

И без некоторых ардов мне вполне неплохо, а на одном из форумов, где я размещала объявление, так и вовсе движняк пошел — люди появлялись один за другим, задавали вопросы, правда, пока ими и ограничивались.

А вот на третий день мне на терминал пришло новое сообщение — это вы, мадам, котиков в добрые руки отдаете? Хочу девушке своей подарок сделать, она давно о звере мечтает. Я подробно расспросила товарища о будущих условиях кошачьей жизни, не обнаружила его в списках злобных живодеров (что само по себе, конечно, не обязательно что-то значило, но

уже обнадеживало), и мы условились о встрече.

Парень оказался пунктуальным, явился вовремя, котят тискал-разглядывал долго, и в моих мечтах на моем попечении оставалось уже только три мохнатых морды, но сорвалось. Он признал, что договорился еще о встрече с дамой из соседней темы, активно теснящей меня со своими чернышами, сходит их тоже посмотрит и обязательно со мной еще свяжется. Глядя на мое разочарованно вытянувшееся лицо, он окончательно смутился, рассыпался в извинениях и был таков.

А вечером я получила сообщение: «Решились на черненького! Удачи с пристроением!» — и окончательно погрузилась. И этому человеку я еще воды подала!

Ну ладно, подумала я, укладываясь спать, зато еще один котенок дом нашел — не это ли прекрасно? А нас пока никто не выгоняет отсюда...

В сон я провалилась как-то странно. Ухнула в него, будто наоборот — проснувшись. И отчаянно заморгала, пытаюсь понять, что происходит. Я лежала по ощущениям — в траве, а над головой было небо. Прозрачно голубое наверху и тронутое нежным розовым светом у горизонта, слегка расчерченное перышками облаков.

Я села и с интересом покрутила головой — докуда хватало взгляда — холмы. Повыше, пониже. Поросшие нежно-зеленой травой, какая бывает у нас ранней весной, и, в противовес этому, совершенно летними цветами. Гвоздики, колокольчики, ромашки — целое пестроцветье. Правда, на удивление, слабый ветерок, нежно касающийся моего лица, не нес никаких запахов, которыми, казалось бы, должно быть наполнено подобное место. Разве что совсем слабый, едва различимый.

Но красиво все же. Мирно так.

Ничего не происходило, сидеть мне надоело. Я поднялась и, встряхнувшись, зашагала навстречу поднимающемуся из-за высокого холма солнцу.

Я шла со странным ощущением легкости, будто я едва касаюсь земли, а если захочу, то смогу подпрыгнуть на пару метров без особых усилий. Немного кружилась голова, покачивающиеся на ветру головки цветов иногда двоились в глазах, но тут же снова обретали четкость, стоило лишь сфокусировать на них взгляд.

Впрочем, это же сон — чему удивляться?

Пейзаж, впрочем, мне быстро наскучил, и не терпелось уже скорее взобраться на холм и посмотреть, что там за ним, как вдруг из-за другого холма, словно из другого мира, вынырнул огромный фиолетовый кристалл

на ярко-оранжевом пористом основании. Кристалл этот в окружающем мире смотрелся настолько дико, что я даже замерла, разглядывая его с недоумением. Сморгнула — но странность никуда не делась. Более того, кристалл этот у меня вызывал стойкое отторжение и желание убратся от него куда подальше, а лучше — убрать его отсюда.

Подсознание, не надо так! Строго выговорила я мысленно, и продолжила путь.

Хотела продолжить, но не сделала и шага, наблюдая как из-за кристалла показывается... нечто.

Если хорошенько подумать, то существо можно было бы назвать сороконожкой — только ярко-зеленого с желтым отливом цвета, размером со слона и блестящими черными крабьими клешнями, которые неприятно поскрипывали в такт движения существа.

Прекрасного и омерзительного одновременно.

Так, подсознание, переиграем! Фиг с ними с кристаллами, а вот так — точно не надо!

Я молча пялилась на то, как создание моей больной фантазии проползает перед самым моим носом и скрывается за очередным холмом. И только когда ее хвост — хвост! Как у змеи! С погремушкой! — исчез из моего поля зрения, отмерла и упрямо продолжила карабкаться на приглянувшуюся мне вершину.

И не зря.

— Ох ты ж елки-палки... — потрясенно выдохнула я, выпрямившись и окинув взглядом горизонт.

Пейзаж был бескраен и сюрреалистичен. Знакомые глазу виды наслаивались на какие-то весьма странные. И несмотря на то, что никакой жары не ощущалось, картинка перед глазами чуть подрагивала, как в летнем мареве, когда горячий воздух поднимается от раскаленного асфальта.

Какой-то все же очень странный сон.

Я оглянулась назад, туда, откуда пришла. И убедилась, что вид от переднего почти не отличается. Вздохнула и снова потопала — на этот раз вниз, пойду поглазею на вон то изумрудно-зеленое и искристое. Не знаю, что, но выглядит любопытно.

Зеленое оказалось высокой... колбой. Пожалуй, именно этим словом можно было обозвать столб, как будто бы из стекла, в котором варится и медленно булькает блестящая субстанция. Зрелище было завораживающим. Я коснулась «стекла» и тут же отдернула руку, потому что оно прогнулось под моими пальцами с каким-то неприятным затягивающим ощущением.

Стенка выпрямилась с легким чпоканием и содержимое неприятно булькнуло.

Мне начинало здесь не нравиться. Тишина давила на уши, странные выверты пространства уже не развлекали даже с поправкой на сновидение. Моей спины вдруг коснулось что-то липкое и холодное, я подпрыгнула на месте с тихим взвизгиванием и резко обернулась.

Пусто. Но ощущение чужого присутствия не покидало.

— Кто здесь? — спросила я, как мне хотелось верить, строго, а на деле высоким тоненьким голоском.

Пустота начала обретать очертания — проступил шипастый гребень, штрихи клыков, вспыхнули холодным голубым цветом глаза. Жуткая морда раззявилась, я заорала уже в полный голос, попятилась, запнулась, шлепнулась на попу. А в следующее мгновение в так и не успевшую до конца прорисоваться тварь влетело что-то больше всего напоминающее комок молний, и она взорвалась, расплескав по окружающему пространству клочки дымящейся плоти и брызги синей крови.

Остальное тело как-то разом обрело видимость, рухнуло и, несколько раз судорожно дернувшись, затихло.

Я смотрела на шлепнувшийся прямо рядом со мной, все еще светящийся глаз и, кажется, подвывала.

Воздух загудел. И чуть дальше, чем обезглавленное тело, начал стремительно обретать уже знакомый объем и форму. Голубые огоньки глаз вспыхивали одни за другими — у убитой оказалось много подружек...

Сзади что-то кричали. Что — я не могла понять. Парализованная ужасом, я только и смогла зажмуриться, стиснуть зубы и пожелать проснуться немедленно. Прямо сейчас. Сию же секунду.

На грани сознания мельтешила паническая мысль, что для сна все происходящее как-то слишком... слишком нереально.

Загрохотало. Взревело. Зашипело.

А потом меня дернуло вверх, и я заорала, забилась, пока не услышала над ухом свое имя, произнесенное знакомым голосом. И я прекратила вырываться, наоборот вжалась в опору, в поисках защиты.

— Рэй, Сэм, уводите ее отсюда. Бегом. Карл прикрываешь отход.

Бегом? — промелькнула идиотская мысль. Я не могу бегом, меня куда поставят, там я и упаду, какое к черту бегом!

Впрочем, это было, кажется, очевидно не только мне, потому что меня подхватили на руки, и тут же упруго качнуло — Рэй сорвался в бег.

Я вцепилась в его куртку, спрятала в ней лицо, так и не открывая глаз, и вздрагивала от грохота, оставшегося за спиной. Который, к счастью,

удалялся.

Рэй бежал, я вжималась в него, и пыталась осознать случившееся.

Не сон. Не-ет, никакой это не сон...

Когда мы ворвались в безопасную зону, я ощутила это всем нутром — буквально. Через меня будто прошла волна искристой свежести, и почти сразу Рэй поставил меня на землю только для того, чтобы встряхнуть за плечи. С силой, так, что аж зубы клацнули. И я зажмурилась еще сильнее.

— Какого черта, Ли?! Как ты здесь оказалась?

Он рычал — зло и испуганно. На меня — рычал. И я, так и не открывая глаз, будто где-то в глубине души все еще надеялась, что сплю — а спят же с закрытыми глазами! — разревелась. Слезы потекли по щекам из-под сомкнутых ресниц, я всхлипнула и завывала, некрасиво и отчаянно.

Сжимающие мои плечи стальные пальцы ослабили хватку. Рэй уткнул меня обратно к себе в грудь и принялся гладить по голове, целовать в макушку и приговаривать что-то невнятно утешительное.

— Твоя девчонка, что ли, Харди? — изумился рядом приятный женский — женский? — голос.

— Моя, — буркнул ард. — Сэм, будь другом, метанись, извести...

— Я-то метанусь, — отозвался все тот же голос с тяжелым вздохом. — Но ты, однако, отчаянный везунчик приключения на задницу собирать...

Любопытство победило, я разлепила один опухший от слез глаз и, чуть повернув голову, увидела, как от нас удаляется фигура в ардовской форме — если и ниже, чем Рэй, то только самую малость, если и уже в плечах, то тоже ненамного. Яркий рыжий ежик сверкал на солнце. Вид, имя и голос по-прежнему в картину не увязывались. Но углубиться в разгадывание этой тайны я не успела. Рэй, заметив, что истерика поутихла, ухватил меня за правую руку и сунул мне ее под нос, тыльной стороной ладони.

— Где ты взяла это, Линетт?

Я уставилась на нее с изумлением. Под кожей светился ярким сиреневым светом сложный узор, похожий на материнскую плату. Он заходил на пальцы и обхватывал запястье. И как только я раньше его не заметила?

— Нигде я ничего не брала! — открестилась я срывающимся, слегка истеричным голосом. — Что это за гадость еще?

Я потрянула рукой, будто надеялась, что таким образом смогу сбросить странный подкожный узор, вызывающий у меня сейчас стойкое отвращение.

— Это артефакт, с помощью которого не-арды могут попасть на Грань. Где ты его достала и зачем?

У меня снова слезы подкатили к горлу и затряслась нижняя губа.

— Да я... да я даже из квартиры не выходила ни разу! Легла спать, а проснулась... проснулась... — дыхание перехватило, и я замолкла, сжав кулаки и уставившись на арда так, будто готова была на него с этими самыми кулаками бросится, если он еще раз попробует предположить, что я это сделала нарочно.

Я похожа на идиотку?! Да кому вообще в здравом уме сюда захочется?!

— Харди! — окликнули откуда-то сзади.

Я обернулась и только сейчас увидела, что мы стоим на схожей местности, но под большим куполом, похожим на гигантский мыльный пузырь, а под этим куполом жались друг к другу металлические коробки, похожие на домики строителей или трейлеры звезд на съемочных площадках.

Некто по имени Сэм в форме арда, но с женским голосом высовывалось из единственного не переносного на вид здания, утыканного антеннами, по которым то и дело пробегали радужные переливы и маленькие молнии.

— Сообщение командованию отправлено, переход подготовлен. Отчаливаем.

— Идем, — Рэй взял меня за руку и потащил за собой. — Не бойся, все будет нормально.

Не бояться? Мы же возвращаемся в наш мир? Наш мирный, привычный, спокойный, экологически загрязненный, зато не населенный всякими изнаноными монстрами мир. Чего мне там бояться?

Я открыла рот, чтобы задать этот вопрос, но он вылетел у меня из головы, когда мы вошли внутрь здания, и я узрела вживую то, что мелькало во всех фильмах про ардов — их знаменитый портал — гигантское мини-солнце ослепительно голубого цвета.

— Просто шагай туда — и все. Я за тобой, — проинструктировал Рэй.

Я кивнула, как робот, и послушно шагнула, но ард вдруг меня удержал. Обхватил ладонями мое лицо, поцеловал — быстро, я даже толком не успела почувствовать этот поцелуй — и произнес.

— Я люблю тебя, Линетт.

А потом развернул и подтолкнул в спину, заставляя сделать шаг вперед — в теплое сияние.

Я почти вывалилась в руки военных — ослепленная, ошеломленная, с подкатывающей к горлу тошнотой. Обернулась — чтобы увидеть, как из сияния выходит мой ард, и почти сразу его с обеих сторон подхватывают другие люди в форме.

— Рэй Харди, личный номер «эй бис 438–75», вы обвиняетесь в халатности и серьезных нарушениях трудового кодекса, повлекших за собой причинение вреда гражданскому лицу, и будете задержаны до выяснения обстоятельств дела.

Что? Они его — арестовывают?

— Рэй! — отчаянно крикнула я, севшим голосом, глядя как его уводят куда-то прочь.

Он обернулся, улыбнулся мне — «я же сказал, все будет нормально» и исчез за разъехавшимися металлическими дверями.

Я перевела взгляд с них, на поддерживающего меня под руку офицера — меня что, тоже? Но по его каменной физиономии невозможно было что-либо прочитать.

— Отведите мисс Келли в медблок, — прозвучал откуда-то приказ.

— Разрешите сопровождать? — вдруг выступил вперед «рыжий ежик».

— Разрешаю.

И меня сопроводили...

— Пожалуйста, мисс Келли, сосредоточьтесь и опишите мне обстоятельства вашего попадания на Грань.

Я сидела на больничной койке, вернее полулежала на приподнятой спинке, укрытая тонким синим одеялом и утыканная датчиками, как еж иголками. Несмотря на то, что никаких повреждений на мне медики не обнаружили, жажде исцелить любого, кто перешагнет порог медблока, это ни капельки не помешало.

— Вам лучше провести некоторое время под наблюдением. А то мало ли... — многозначительно заявил дежурный врач.

В другой раз я бы обязательно пристала к нему, уточняя, что именно входит в понятие «мало ли», но сейчас меня это волновало меньше всего. Меня откровенно трясло от пережитого, от бестолковых попыток понять, что случилось и как оно могло случиться, и от волнения за Рэя. Доктор посмотрел на это дело, покачал головой и сообщил, что вколет мне успокоительное. И как раз в тот момент, когда он за ним удалился, в палату зашел мужчина в военной форме, очень похожей на ардовскую, только нашивки были серебряными.

Он сел рядом и задал этот самый вопрос.

— Я спала, — ответила я. — А проснулась там.

Какие еще обстоятельства от меня требовались, я не могла даже представить.

— Вам знакома эта вещь? — он продемонстрировал мне длинную

узкую призму, со светящимися внутри знаками.

Ярко-сиреневыми, как на том узоре, что еще недавно красовался на моей руке. Мне сделали инъекцию и почти сразу рисунок растаял. Доктор пояснил, что обычно артефакт деактивируется и исчезает, когда ему дается приказ на возвращение в наш мир, но коль скоро меня вернули через портал, то пришлось это сделать вот так, вручную.

Я отогнала от внутреннего взора зрелище медленно тающих линий на коже, и отрицательно мотнула головой. Нет, эта вещь мне не знакома.

— Вы уверены?

— Да.

— Подумайте хорошенько, вспомните все, к чему вы прикасались в квартире Рэя Харди. Вы можете гарантировать, что среди его вещей никогда не видели ничего подобного?

— Я уверена, — раздраженно повторила я. Я что, похожа на идиотку?

— Вы проверяли постель перед тем, как лечь спать?

— Нет, офицер, я не проверяла постель! Я, знаете ли, не имею привычки выискивать в кровати перед сном опасные артефакты. Как Рэй не имеет привычки их там прятать. А для того, чтобы разнообразить сексуальную жизнь, мы используем другие игрушки.

Мужчина в форме с его идиотскими вопросами бесил невероятно, и я даже не думала скрывать, что срываю на нем свое отвратительное настроение.

Мой выпад был с достоинством проигнорирован.

— Благодарю за ответы, мисс Келли. Отдыхайте.

Он кивнул мне, поднялся, а в дверях как раз разминулся с доктором.

— Ну вот, мисс Келли, — ворковал он надо мной, как над младенцем. — Сейчас введем, и уже через четверть часа вы уснете, а проснетесь бодрой и отдохнувшей. А мы к тому времени будем иметь на руках результаты всех обследований.

Пожелав мне того же, что и до него офицер, доктор меня тоже покинул, оставляя наедине с «рыжим ежиком», который незаметно присутствовал рядом на протяжении всего этого времени. И, признаться, это присутствие меня на удивление не напрягало, не раздражало, а вовсе даже наоборот, немного успокаивало и помогало держать себя в руках. И если бы не это присутствие, я бы почти наверняка закатила бы всем тут такую истерику...

Правда теперь, когда все наконец свалили, я вдруг задалась вопросом, а чем, собственно, я обязана такому сопровождению?

— Саманта Треворс, — поймав мой взгляд она представилась и стало

окончательно ясно, что это она. — Я просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке. Для Рэя. Могу уйти.

— Нет, подожди...

Я смотрела на нее — высокую, с совершенно неженской фигурой, но приятным лицом — и пыталась осмыслить.

— Ты что — ард?

Саманта-Сэм дернула углом рта в подобие улыбки. Наверняка, этот дурацкий вопрос ей задавали не раз. Но ведь все знают, что арды — мужчины! В союзе арда и человека рождаются в равной степени и мальчики, и девочки, но мальчики всегда рождаются ардами, а девочки — обычными людьми.

— Ард. Так бывает. Крайне редко — но бывает.

— Вау... — протянула я, не зная, что и сказать, и растерянно разглядывая собеседницу.

Она была симпатичной, эта Саманта-Сэм, несмотря на комплекцию и стрижку. Мне никогда не нравились короткие волосы у женщин, а ей это даже шло — идеальная форма черепа позволяла. А еще, волосы у нее росли красиво, от темени ложась идеальным спиральным завитком, и свет от потолочной лампы медблока рождал в переливах медного ежика зеленоватые искры, и черты лица у нее пусть не тонкие, но правильные, гармоничные и... и чем внимательнее я рассматривала лицо этой странной девушки, тем больше привлекательности в нем находила.

— Ты красивая, — брякнула я бездумно.

Девушка только хмыкнула в ответ на мои слова — беззлобно, но я поняла, что она мне не верит, и почему-то ужасно обиделась.

Я к ней со всей душой, а она...

— Как ты себя чувствуешь, Линетт?

— Нормально, — буркнула я в ответ, отворачиваясь к стенке и смаргивая неожиданно навернувшиеся слезы.

И так все плохо — меня чуть не сожрали, Рэя забрали, успокоительное никак не подействует, а еще и эта! Она мне ужасно нравилась, она такая же рыжая, как и я, и вообще! А она мне не ве-е-ерит!

Я отчаянно хлюпнула носом.

— Ладно, извини, что я тебя обидела, правда, не знаю, чем. Я не хотела.

Миролюбивое и спокойное извинение почему-то сделало только хуже.

— Ладно, извиню! — всхлипнула я, краем сознания понимая, что мое поведение ненормально. — За котенка!

— Котенка? — растерялась от моей наглости девица-ард, но спорить с

сумасшедшей не рискнула и только потерянно уточнила: — Да где я тебе котенка возьму?!

— У меня есть, — щедро сообщила ей я, вытирая глаза ладонью. — Я тебе подарю.

— Спасибо... — кажется, нецензурное слово в конце она удержала с некоторым трудом.

— Ты что-то хотела узнать? — я финально шмыгнула носом, изгоняя плаксивость, — Спрашивай!

— Да ничего я не хотела узнать, — отозвалась Сэм, рассматривая меня как диво дивное, и я в ответ уставилась на нее.

— Так для чего ж ты осталась?

— Так за тобой присмотреть! Тебя срубят минут через пять, и я пойду, отчитаюсь командиру о выполненном задании.

— А! — понятно протянула я.

Лекарство и правда уже начинало действовать, и я чувствовала подступающую сонливость, пока еще легкую, и апатию. Я бы, пожалуй, закрыла глаза и расслабилась, торопя приход медикаментозного сна, если бы не вопросы, крутящиеся в голове, ответить на которые было некому. Хотя...

— Сэм, а ты не знаешь, куда Рэя повели?

— Знаю, — отозвалась она. — На допрос. Будут выяснять, каким образом гражданское лицо, находящееся в квартире арда, оказалось выброшено на Грань, и кто несет за это ответственность...

Слово «ответственность» в контексте упомянутого служебного разбирательства, мне не нравилось.

— Сэм, — я сонно потерла глаза кулачками. — Сэм, ну Рэй же не виноват...

— Если не виноват — наши разберутся, — меланхолично отозвалась Саманта. — Если виноват... Странно, вообще. Рэй не из тех, кто может бросить опасную вещь не там, где ей положено лежать по уставу. Особенно — вот так, перед отъездом.

— Ясно, — вздохнула я. На самом деле, мне ничего ясно не было, но тут уж ничего не попишешь. — Слушай, а почему меня на Грани сразу не сожрали? Эти, с зубами. Или тот, который еще раньше мимо прополз.

— Защитные свойства граневика, — вздохнула Сэм. — Пока ты молчишь, и ведешь себя тихо — местный бестиарий тебя не видит и не слышит, за исключением пары-тройки совсем уж редких тварей, но наши умники сейчас над эти работают.

— Выходит, если бы я не подала голос, то все закончилось бы

благополучно?

— Все и так закончилось благополучно, — серьезно поправила меня Сэм. — А вот если бы ты промолчала, то кто его знает, куда бы ту ушла, куда бы ушли мы, и большой вопрос — успели бы мы оттуда к тебе. Потому что, пока человек под защитой граневика, наше чутье по нему тоже не срабатывает. А так — Рэй тебя моментально ощутил, и помчался, как по струнке... Так что, все хорошо, что хорошо кончается.

Я сонно повозилась, устраиваясь на жесткой кушетке удобнее, и вернулась мыслями к вопросу, что волновал меня больше всего:

— А может, он как раз и забыл его там, когда собирался? Ну, знаешь там... Сборы, то, се, достал, положил на кровать, и отвлекся...

Хоть мне и не верилось, что Рэй, так трогательно опекавший меня с самой первой встречи, способен так безалаберно подставить кого-то под удар.

— Да нет, — досадливо поморщилась Саманта. — Не может такого быть. Тут понимаешь, какое дело? У него этой штуки вообще не должно было быть. Граневики — артефакты строгой отчетности, они хранятся в спецхране и выдаются под роспись. А тут на тебе!

Верить в то, что Рэй мог притащить домой запрещенную и опасную вещь, и не подумать обо мне, категорически не хотелось.

Толковых мыслей, объясняющих необъяснимое, у меня не было, а была вата в голове.

Я сонно вздохнула, и смежила веки, погружаясь в ласковую дрему. Я тонула в ней, как в облаках, и в их ласковой глубине таились тени, мелькали силуэты, и кто-то снова шевелил волосы мне на затылке своим дыханием... Я дернулась и распахнула глаза.

— Ну, тише, тише, ты чего... — ласковый, сочувственный голос Саманты утешал, навевал покой, и я снова проваливалась в сон. — Испугалась, да? Досталось тебе, бедолага... Ну ничего, не бойся, все прошло — спи и ничего не бойся, а я с тобой посижу еще...

— Сэм, поговори со мной, — пробормотала я, чувствуя, как тают от этого голоса тени хищных сновидений, готовые выпустить на меня зубастых тварей.

Сильная, не по-женски крепкая рука взяла мою ладонь, и я вцепилась в нее, держась за это прикосновение и за голос.

— Спи, не бойся. Грань не место для гражданских, она бьет по психике, пока там — вроде и не чувствуют, а как вернутся — тут и начинается. Тех, кто туда ходит, сначала долго готовят, да и то, им потом плохо бывает. Даже нашим поначалу нелегко приходится, хотя нашим

проще — тамошнее излучение на нас не давит, и измененные условия мы переносим легко, до смешного доходит — бывает, вернемся с Грани, и никак не привыкнем, что здесь все чуть-чуть иначе, особенно, если надо силу приложить. Не физическую, а нашу, ардовскую, — я слушала мягкий, монотонный речитатив, и мне не было страшно, хоть и рассказывала Сэм о том, что меня испугало.

И невольно навевался вопрос — а сколько раз сидела она, Сэм-Саманта, утешая зеленого юнца, и сидел ли то-нибудь с ней самой?

— Ты добрая, — вздохнула я сквозь сон. — Зачем ты с этим всем связалась...

— Девочки-арды служат все, — легонько улыбнулась Сэм, и я услышала ее улыбку в голосе. — Как и мальчики. Нас мало — одаренные девочки рождаются редко, одна на несколько тысяч примерно. Зато всегда очень сильная. Намного-намного сильнее мужчин. Мы служим в глубокой разведке. Ходим на Грань туда, где она больше похожа на Изнанку, чем на наш мир. Исследуем, изучаем, собираем данные и образцы. Носим датчики, сбрасываем зонды...

— И ты? — сон тянул ко мне загибающие лапы, но отчаянно трусила, и потому держалась за голос Саманты изо всех сил. За голос — и за ее руку.

— И я, — снова улыбнулась Сэм. — Я просто очень молодая, Ли. Девочек учат дольше, а когда выучат, еще несколько лет держат в отрядах зачистки границы — берегут. Дают освоиться, набраться опыта: сначала рядовым бойцом, потом пограничным разведчиком, и только потом приставляют к опытному, надежному отряду глубокой разведки. И там тоже опекают очень. Просто нельзя позволить девочкам — не служить. Слишком большая сила, слишком большие возможности она представляет на Грани... Знаешь, там очень красиво...

Сэм рассказывала и рассказывала, а я засыпала и видела сны — цветные, как ее рассказы.

Глава 12

Проснулась я только на следующее утро, продряхнув, получается, целые сутки.

Я прислушалась к своему самочувствию — во рту пересохло, глаза слегка резало, но в целом, состояние было вполне бодрое. По крайней мере, ни следа вчерашней паники я не ощущала, неприятные события отдалились, сгладились, и больше не казались такими пугающими. Да и вовсе, произошли как будто не со мной.

В палате я была одна, только на стуле рядом лежала стопкой одежда, очевидно, принесенная из квартиры Рэя, потому что на грань я вывалилась, как и следовало ожидать, в одной пижаме.

В дверь стукнули, а потом в палату просунула голову Нита:

— Привет, проснулась? Так, сейчас пульс и давление промеряем, и еще разок сканером на эа-поле посмотрим, и, если все в порядке, можешь быть свободна! Не одевайся пока.

— Нит, а что ты здесь делаешь? — перебила я деловую речь медсестры.

— Я здесь работаю, — улыбнулась девушка. — Это наш госпиталь, мы здесь базируемся. Если не случается никаких форс-мажоров, то и подотчетных ардов обследуем тоже здесь...

Я вспомнила ящик в диване Рэя, забитый медицинской аппаратурой, и не стала уточнять, как часто случаются форс-мажоры. Что-то подсказывало, что ответ мне не понравится.

Осмотр не занял много времени, мы уже заканчивали, когда дверь стукнула, и Нита, отложив сканер, обернулась на голос:

— Все в порядке, доктор Лисовец, мы уже заканчиваем, данные передала, можно отпускать Линетт на свободу.

Доктор Лисовец выглядела мрачной, но с явным усилием над собой улыбнулась мне, поблагодарила Ниту и достав из кармана халата рабочий терминал, пролистала в быстром темпе что-то на экране, черкнула стилосом, и подтвердила:

— Все в порядке, мисс Келли. Можете идти. К тому же, вас уже ожидают...

«Рэй!» — радостно подумала я и ошиблась.

В просторном холле, среди мягкой мебели для посетителей и ухоженных растений в кадках, меня ждали подтянутые мужчины в халатах,

накинутых на широкие плечи поверх формы, и знала я из них только одного — офицера Гектора Честера.

— Добрый день, мисс Келли. Будьте добры, пройдите с нами.

Они увели меня из холла в пустой кабинет с минимумом мебели, усадили, предложили воды. Присесть я согласилась, от воды отказалась и выжидающе уставилась на делегацию.

— Позвольте представиться, я Итон Лексли, а это... — короткий список имен и званий, озвученный самым суровым — то ли старшим по чину, то ли просто хуже всех выпавшимся — вылетела из моей головы, едва он договорил. — Нам нужно завершить некоторые формальности. Для начала, позвольте вернуть вам ваш браслет...

И только тут я поняла, чего мне все это время не хватало.

Идентификационного браслета! Личного, универсального документа, ключа, без которого я не смогу не то, что подтвердить свою личность или вернуться в квартиру Рэя, а даже оплатить проезд в общественном транспорте.

Не слабо же меня вчера приголубило, если я не заметила потери...

— Спасибо, — пробормотала я, торопливо нацепив его обратно. Замочек, который могла активировать только я или особые представители спецслужб, мигнул и слился с гладкой поверхностью, будто его и не было.

Почему-то очень хотелось проверить состояние своего банковского счета, но я прекрасно понимала, что это было бы каким-то совершенно глупым жестом.

— Мисс Келли, вы понимаете, что ситуация сложилась очень непростая?

Непростая ситуация — это когда я из кровати вывалилась на Грань, а сейчас, как по мне, все уже очень даже просто!

— Мы обыскали квартиру Рэя Харди и обнаружили оболочку артефакта, который перенес вас. Других артефактов обнаружено не было, и сейчас ведется тщательное расследование. В связи с этим позвольте уточнить: кем был человек, который заходил к вам в тот день?

Я даже не сразу поняла, о ком идет речь. Какой человек? Ни с кем не общалась, никуда не дергалась, сидела примерная на попе ровно, ждала Рэя... и лишь спустя несколько мгновений, до меня дошло.

— Он приходил котенка посмотреть, — мне было даже неинтересно, откуда они узнали о посетителе. Хотя, наверняка, у Рэя стоит какая-нибудь навороченная система охраны-обнаружения...

— Котенка?

— Да, я раздаю котят.

Уже практически рефлекторный вопрос: «Вам не надо?» я мужественно задавила.

— Вы знакомы с ним?

— Он откликнулся на объявление на форуме, и мы созванивались.

— Нам понадобится взять у вас его номер и взглянуть на переписку.

Я пожала плечами — на здоровье. А мужчина продолжил:

— Я должен также сообщить вам, что если Рэй Харди действительно виновен в сложившейся ситуации, то вы, естественно, полностью освободитесь от выполнения принятых обязательств, а также в судебном порядке будет вынесено решение о компенсации нанесенного вам ущерба...

Мне захотелось чем-нибудь кинуть в эти каменные физиономии. Захотелось до зудения на кончиках пальцев. Да катитесь вы со своим ущербом куда подальше! Не нужны мне никакие деньги! Никогда не были нужны! Если бы у меня был выбор, я никогда не променяла бы свою скромную студенческую жизнь на сытое довольство на чьем-либо содержании! А если бы я умерла там, на Грани, то моим родителям не было бы никакого дела до тех миллионов, которые им несомненно бы выплатили! Не все в этой жизни меряется деньгами, вы понимаете это или нет?

Мне хотелось кричать и топтать ногами, и еще — требовать вернуть мне Рэя, сейчас же, сию секунду, потому что он ни в чем не виноват. Он не может быть виноват. Потому что у меня на губах отпечатался короткий поцелуй со вкусом пыли, а в ушах звенели сказанные слова.

Но вместо этого я сидела и смотрела на всю компанию. Молча. И, наверное, с очень глупым, по их мнению, выражением лица.

— А на время расследования Союз оплачивает вам номер в гостинице при своем филиале. Ваши вещи могут привезти туда без вашего участия, но если вы хотите собраться самостоятельно, то вас, конечно же, сопровождают.

— Номер? — переспросила я. — Зачем?

— Было решено, что в сложившейся ситуации, для вас будет неприемлемо возвращаться в квартиру офицера Харди.

— Мне запрещено? — я недоуменно нахмурилась.

Если квартиру уже обыскали и больше им оттуда ничего не нужно, то зачем тогда меня куда-то выселять?

— Нет, но мы посчитали, что будет лучше...

— То есть я имею право там остаться? — перебила я.

— Да, имеете, но...

— Тогда я не поеду ни в какую гостиницу. Отвезите меня домой.

— В Кронбург? — недоуменно уточнил кто-то из присутствующих.

Меня затрясло. Я прямо почувствовала, как мелко задрожали руки, лежащие на коленях. Я уже открыла рот, чтобы разораться, выплескивая всю злость, все переживания, что накопились за этот короткий, но дивно насыщенный промежуток времени. Но тут мне на плечо легла тяжелая рука — легла с таким весом, что меня почти что вжало в стул.

— Господа, — спокойно произнес Гектор Честер. — Мисс Келли желает вернуться в квартиру офицера Харди, и нет причин ей в этом препятствовать, поскольку его вина пока не доказана. Я полагаю, что вопросов к нам юридических или каких бы то ни было она прямо сейчас не имеет...

Последнее предложение было произнесено с вопросительной интонацией и многозначительной паузой, позволившей мне согласно помотать головой — не имею, отстаньте от меня.

— ...а потому она крайне признательна вам за участие, — тут меня, к сожалению, не спрашивали, а то бы я снова помотала, что ничего я не признательна! — но хотела бы уже остаться одна и отдохнуть.

«Господа» вняли и незаметно рассосались, пообещав, впрочем, навеститься позже, уже несколько иным составом, и задать еще вопросы. И я осталась с куратором.

До дома мы ехали в молчании, но офицер Честер не высадил меня у подъезда, а сопровождал до самых дверей, видимо, чтобы убедиться, что я не передумаю. Я зашла в квартиру, и замерла на пороге, растерянно озираясь. В квартире царил бардак. Шкафы были распахнуты, часть вещей из них сброшена на пол, часть виднелась убранный кое-как, как будто тот, кто переворачивал вверх дном жилище арда хотел создать видимость аккуратности.

— Кис-кис-кис, — позвала я дрогнувшим голосом, и почти сразу же на знакомую интонацию вынырнула серая мордаха мамыши. Она сипло, недовольно мявкнула, чинно приблизилась и принялась тереться мне об ноги с видом величайшего одолжения. Дети прискакали куда бодрее, топорща хвосты-морковки и пища наперебой.

— Вы уверены? — уточнил за моей спиной Гектор Честер, и я кивнула. — Может быть, вам что-нибудь нужно? Вызвать уборщицу? Заказать доставку? Психолога?

— Не надо заказывать психолога, — пробормотала я. — Он ни в чем не виноват. — И, взяв кошку на руки, доверительно сообщила ей: — Ох уж эта армия, все они решают кардинально.

Мой юмор офицер по-прежнему принимал с непоколебимостью

мраморной статуи, и я вздохнула.

— Спасибо, офицер Честер, если вдруг мне что-то понадобится, я обязательно с вами свяжусь.

Мужчина кивнул, уже взялся за ручку двери, как меня осенило:

— Стойте! Мне кое-что очень-очень нужно!

Офицер изобразил всяческую готовность и тут же об этом пожалел, потому что я выпалила гипнотическим голосом с растянувшейся от уха до уха улыбкой:

— Котика возьмите! Очень хороший котик! Привитой, приученный... золото, а не котик! Кошечка, правда, — поправилась я, сообразив, что лимит мальчиков уже исчерпала, — но какая в общем-то разница?

И вот тут мне пришлось сильно удивиться, потому что Гектор Честер не посмотрел на меня, как на умалишенную, а наоборот, присел и с интересом уставился на малышню. И пояснил, бросив на меня взгляд снизу-вверх:

— А что? У меня племяшка давно просит, и жена гадала, что на день рождения ей подарить... Точно воспитанные?

— Лично дрессировала! — заверила я, не веря своим глазам и счастьем.

Рекламируемая дама прониклась серьезностью ситуации, подставила пятнистое пузо протянутой руке и затарахтела с громкостью старого лодочного мотора.

— После работы заеду, заберу, сейчас не с руки, — деловито сообщил офицер, выпрямившись.

И ушел, оставив меня в счастливом недоумении.

— Ну что, дети мои, — я обвела взглядом кошачье семейство. — Кушать — и за работу?

Возражений, особенно по первому пункту, не последовало!

В конце концов, я была даже рада оставленному после обыска бардаку — было чем заняться. Я наводила порядок бездумно, механически, тщательно. И только занявшись шкафом в спальне слегка очнулась от своего медитативного состояния, потому что заметила кое-что крайне занятное. Вещей Вивиан, которые я тогда зло утрамбовала на верхнюю полку, нигде не было. Совсем.

Я прошла в ванную и заглянула под раковину — пакет с элитными пузырьками тоже исчез.

Я крайне сомневалась, что все это прихватили с собой те, кто перевернул здесь все вверх дном. Неужто очаровашка-Вив забежала? Но у нее ведь нет доступа.

Мысль о том, что Рэй за моей спиной встречался с этой змеищей,

пусть даже и для того, чтобы вернуть ей добро, была неприятной. А если она к нему опять целоваться лезла? Или еще куда? Не то, чтобы я сомневалась, что ард способен отбиться от одной озабоченной девицы, но...

Я закусила губу и нервно ее пожевала. А потом нервно хихикнула.

Вот, казалось бы, Рэй мне тоже поводов для ревности не давал, а я — ревную.

И к кому!

А его еще ревностью попрекала...

Господи, скорей бы, скорей бы они там уже со всем разобрались и вернули мне моего арда.

Да, моего.

Решив для себя это, я вернулась к прерванному занятию.

Я провозилась с уборкой почти до самого вечера. Правда, посередине ее прервал приехавший следователь. Он дотошно выпросил у меня все скучные подробности моей жизни за последнюю неделю, списал, с моего письменного согласия, всю информацию с терминала, имевшую и, возможно, не очень отношение к делу, потом задал вопросы по второму кругу. Кажется, немного расстроился, получив на них те же ответы — не видела, не знаю, понятия не имею — и отбыл.

После его ухода, я, поддавшись какому-то странному порыву, набрала номер того парня с котенком, толком не зная даже, как объясню ему свой звонок, но механический голос на том конце сообщил мне, что «аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». И это было очень странно.

К ужину подъехал офицер Честер, и я вручила ему последнего незабронированного котенка, а потом уснула на диване за каким-то дурацким фильмом в обнимку с кошкой, подоткнутая с боков мелкими мохнатыми комками.

Следующий день прошел еще более уныло, потому что заняться мне было нечем.

Был звонок и сообщение от Мины, но я не ответила ни на то, ни на другое. Мне было запрещено разглашать произошедшее кому бы то ни было, а болтать на отвлеченные темы и делать вид, что ничего не случилось, у меня не было сил.

Был звонок от Ниты, но я заверила ее, что со мной все в порядке.

Был звонок от офицера Честера, который на мой вопрос о новостях отмолчался, а на свой повторный о психологе получил ответ — да оставьте

вы человека в покое, пусть живет!

И все. Пусто. Грустно. И одиноко.

«Не раскисай, Линетт», — строго пыталась построить я сама себя. — «Что ты какая размазня!»

Все ведь не так уж плохо. Правильно сказала Сэм — все закончилось благополучно. А Рэй... они обязательно во всем разберутся. Так что соберись, тряпка! Думай о хорошем, например, о том, что фактически пристроила все семейство, кроме мамы! Это ли не повод для радости? Конечно, повод! Надо отметить!

И вот я сидела на диване, в пижаме и разных носках. Лохматая. Несчастливая. И уныло жевала праздничное мороженое из большого ведерка, когда услышала, как щелкнул замок. Дверь открылась. Закрылась...

Ведерко покатилося по полу, я сорвалась с места и с радостным визгом бросилась на шею Рэю, впечатав не ожидавшего такой прыти арда в стену.

Я вцепилась в него, как клещ, впилась в губы, обвила руками, ногами, с восторгом ощущая его ответ — язык, скользнувший в мой рот, и руки, подхватившие меня под попу, и стойкое ощущение того, что этого поцелуя он ждал не меньше меня.

Мой. Мой ард — никому больше никогда не отдам!

— Ли... Ли... — от хриплого шепота сладко дергало живот и внутри все сжималось. — Ли, пусти... я грязный весь, дай я хотя бы душ приму.

Я замотала головой, вцепившись еще теснее, и ард тихонько рассмеялся мне на ухо, порождая ворох мурашек по позвоночнику.

После чего выпустил, и под непреодолимым воздействием силы тяжести я все же сползла с него вниз и встала ногами на пол.

— Я быстро, — он звонко чмокнул меня в губы, шлепнул по попе и скрылся за дверью ванной, захлопнув ее перед самым моим носом, а для верности еще и провернув замок.

Неженка! Чистюля! А еще ард называется!

Я пнула закрытую дверь, а потом от души попрыгала на одной ноге, поджав подбитый палец. Из ванной послышался шум воды, а из комнаты — дружное строенное чавканье. Я сунулась туда и обнаружила, что мороженое украсило пол красивым сливочным пятном, а коты продолжили празднование без меня.

Я метнулась за тряпкой. Потом представила, что не успею, Рэй выйдет, а я тут на полу, кверху задницей и с тряпкой. Потом озадачилась что хуже — я с тряпкой или лужа мороженого. Потом плюнула — бес с ним, с мороженым! — он выйдет из ванной, весь такой сверкающий-благоухающий, а я душ, конечно, принимала сегодня, но на голове бардак,

и шорты эти по-хорошему не то чтобы соблазнительно смотрятся... Рванула в спальню, вспомнила, что расческа в ванной, рванула в ванную, вспомнила, что там Рэй...

Словом, ард, выйдя из душа в одном полотенце, застал меня посреди гостиной в одном носке, трусах и вывернутой второпях наизнанку шелковой финтифлюшке, низ от которой я безуспешно пыталась отыскать в шкафу, но потом решила, что мороженое все же лучше убрать...

Я растерянно застыла, почему-то поджав босую ногу, и почувствовала, что краснею. Такой он был красивый, стоя передо мной, высокий, сильный, столько в сером взгляде было неприкрытого любования приправленного теплой насмешкой... что сразу стало ясно, что до моей прически и финтифлюшек прямо сейчас арду не было ни малейшего дела.

Он сделал шаг вперед — и я задержала дыхание. Еще шаг — и тяжелые ладони легли мне на талию. Судорожный вдох — и горячие губы с запахом мяты накрыли мои.

Рэй подхватил меня на руки, унес в спальню, и под жаркими, то лихорадочными, то упоительно долгими поцелуями я даже не заметила, как осталась без одежды. Но когда Рэй попробовал уложить меня на спину, вдруг мотнула головой и потребовала:

— Нет, ты ложись.

Ард подчинился, раскинулся на кровати передо мной, полностью в моем распоряжении.

Я улыбнулась ему, провела ладошкам по груди, по животу, обхватила ладонью горячий, твердый, уже поблескивающий смазкой член и, решившись, наклонилась и легонько коснулась его губами.

Рэй шумно выдохнул и смял в кулаках покрывало.

Я была рада, что он не тронул меня, не попытался проконтролировать — пусть даже и чтобы показать, как надо. Наверное, если бы он вмешался, я бы растеряла настрой и бросила затею, а так только метнула в него лукавый и смущенный взгляд из-под ресниц и закрыла глаза. Лизнула солоноватую головку (и вовсе не противно!) и снова обхватила губами, теперь уже глубже, со вкусом, лаская языком гладкую теплую плоть.

Рэй дышал рвано, подавался мне навстречу бедрами. Я вздрогнула, когда горячая ладонь легла мне на талию, провела по позвоночнику с нажимом — вверх и вниз. А потом, огладив бедро, скользнула вниз, между разведенных ног, во влажные складки.

Я тихонько застонала, подаваясь навстречу этой ладони и чуть сильнее сжала губами его плоть во рту, чтобы услышать ответный стон.

— Ли, хватит... — хрипло выдохнул Рэй, и я не сразу поняла почему

— вскинулась удивленно — не нравится? Я что-то делаю не так?

Но озвучить вопрос не успела, потому что ард дернул меня за руку, опрокидывая на постель, перевернулся, подминая под себя и вошел одним резким движением.

Я вскрикнула, выгнулась, прижимаясь к нему животом и грудью, чтобы усилить это прекрасное ощущение наполненности и продлить сладкое мгновение первого проникновения. И Рэй будто понял — не торопясь двигаться, наклонился, целуя меня — глубоко и жадно, совершенно не смущаясь того, где только что были мои губы.

Я обхватила его руками, ногами, вдавливая в себя всеми доступными мне силенками, и не отпуская. И когда ард начал двигаться, то почти не выходил из меня. И от каждого медленного, глубокого размеренного движения внутри мне становилось все горячее.

И пик наслаждения, пронзивший тело до онемения на кончиках пальцев, в этот раз показался мне каким-то упоительно долгим. Я смаковала его, задыхаясь, вцепившись в широкие плечи и почти теряя сознание. А Рэй, словивший свое наслаждение одновременно со мной, уткнулся мокрым лбом в мое плечо, и его жаркое дыхание приятно щекотало влажную кожу.

Я нежно погладила пальцами красноватые лунки отпечатков собственных ногтей и, не удержавшись от соблазна, больно куснула за мочку уха арда, вознамерившегося будто бы прямо на мне и задремать.

Между прочим, теперь, когда физический голод утолен, можно заняться и любопытством!

Мы лежали под покрывалом — я то ли на Рэе, то ли рядом с ним. Ровное тепло, исходящее от мужчины, приятно грело, а задумчиво-массирующие движения пятерни в волосах рассыпали по телу приятные мурашки. Он не дал мне сразу наброситься на него с вопросами и сначала сам подробно расспросил меня о самочувствии, физическом и моральном, не хуже доктора Эдны, а в чем-то даже дотошнее. Он совершенно не поддавался на провокации и попытки увильнуть от ответов и, кажется, только убедившись окончательно и бесповоротно, что визит на Грань ничего фундаментально во мне не травмировал, отстал, отдавая мне инициативу.

У меня, в отличие от арда, вопрос на языке зудел только один. Зато какой!

— Ну?! — выдала я, преданно заглядывая в серые глаза.

— Что «ну?», — поддразнил Рэй, и я мстительно ткнула его пальцем между ребер.

Он мою руку перехватил, не позволил выдернуть, завязалась возня, но я быстро спохватилась, что против меня подло применяют отвлекающий маневр, обмякла и сделала вид, что вообще мне куда-то срочно понадобилось из постели.

— Ладно-ладно, — неохотно произнес ард, возвращая меня на место.

Действительно неохотно. И голос у него изменился, стал как-то серьезнее, если не сказать, мрачнее.

— Пару лет назад у нас здесь приключилась страшная история, — проговорил ард, и я недоуменно моргнула — при чем тут пару лет назад? — но перебивать не стала. — Пропали три молодых человека из богатых и влиятельных семей. Их искали громко, долго, привлекали множество служб... и останки одного из них в итоге все же были найдены.

Рэй посмотрел на притихшую меня и негромко закончил:

— В желудке одной из тварей изнанки. Треймарские слизни славятся тем, что могут переваривать пищу годами...

У меня к горлу подкатила тошнота, но я промолчала, ожидая продолжения.

— Ты не представляешь, что вообще тут вызвала эта находка. На ушах стояли все. Абсолютно все.

Я нахмурилась, напрягая память — неужто о таком умолчали бы в новостях? И Рэй, угадав ход моих мыслей, тут же пояснил:

— Естественно, в широкую общественность этому факту просочиться не позволили. И вовсе не потому, что Союз опасался за свой имидж. Нет. Больше всего все боялись, что участь самонадеянных пареньков кто-то захочет повторить. Потому что на Грани они оказались не по воле случая, не по нелепой случайности, нет. Они ходили туда на экскурсию. Поразвлекся. Вид экстрима такой — типа прыжков с парашютом. А то скучно жилось золотой молодежи...

— Но... как? — все же не удержалась я, хоть и подозревала, что об этом Рэй и так расскажет.

— Очень просто. Одному арду показалось мало того, что он зарабатывает честной службой, и он решил, что имеет право подзаработать на том, что регулярно рискует жизнью. Он взял себе в подельники товарища, который потихоньку списывал рабочие артефакты как бракованные, и втюхивал граневики за бешеные деньги вот таким вот любителям щекочущих нервы ощущений. Ведь создатели артефакта постарались обеспечить максимальную безопасность его носителю — если передвигаться молча, не ковырять тварей пальцем и не искать

неприятности, то действительно можно без особых стрессов прогуляться на Грань туда и обратно. И никто ничего не узнает.

Рэй вздохнул и поцеловал меня в лоб, будто хотел разгладить обозначившуюся на нем морщинку.

— И был прав. Не узнали бы, наверное, еще долго, если бы его клиенты не оказались слишком самонадеянными. Он ведь пытался соблюдать осторожность, продавал не больше одного граневика в одни руки — мол, разок прогулялись и будет. Но парни убедили его, что покупают на большую компанию, тогда как на деле их было только трое. И в какой-то момент они, видимо, просто расслабились — а может быть, излучения грани сыграли злую шутку, полагаю, ее влияние ты успела на себе испытать — и потеряли осторожность.

Мир полон идиотов, подумала я, передернув плечами. Если бы мне кто-то прямо сейчас предложил еще разок прогуляться по Грани, даже уже с пониманием всего происходящего и особенностей действия артефакта, я послала бы этого человека далеко и надолго. Спасибо, мне хватило. И видов, и фауны, и впечатлений. Я вон от них почти три дня отходила.

— Историю, как я уже сказал, замяли, арда посадили, охрану граневиков и отчетность по ним усилили в несколько раз. Да и дополнительные защиты установили на самой грани, собственно, благодаря им мы тебя и почуяли... — Рэй осекся, видимо, не желая вдаваться в технические детали, и продолжил прерванную мысль: — Правда, если точное количество украденных артефактов было установлено, то сколько их было продано, а уж тем более сколько использовано... Ард бухгалтерии не вел, с клиентами общался обходными путями, так что ни он не мог их выследить, ни они его. Во избежание неприятностей.

— И как все это связано с нами? — поторопила я. Жутковатая прелюдия ни мало меня не воодушевила — буйное воображение, подкрепленное пережитым опытом, уже всюду рисовало картины страшных смертей от лап иномирных тварей. — Один из этих неучтенных-ненайденных граневиков попал ко мне? Его подбросил тот тип? Но зачем?

— Торопыга, — Рэй улыбнулся, как мне показалось, немного вымученно. — Артефакты, знаешь ли, вещи сами по себе тонкие, в их структуру вмешиваться нельзя, так что инвентарный номер поверх не начертаешь, но, тем не менее, от партии к партии они немного отличаются. И особенности каждой партии вносят в реестр. И да, тот артефакт, который отправил тебя на Грань входил в одну из партий, которые расхищал тот ард. И к которой у меня никогда не было доступа. Поэтому, как только это было установлено, все обвинения с меня были сняты.

— Незачем было их вообще выдвигать, — проворчала я. — И я все еще не пойму самого главного — зачем?

Рэй потрепал меня по макушке.

— Угадай, как звали донора того арда?

Я открыла рот, чтобы возмутиться — да мне-то откуда знать подобное? — и застыла, оглушенная догадкой. Такой очевидной. И такой страшной.

— Да, — подтвердил Рэй, и теперь его мрачность становилась полностью объяснимой. — Вивиан работала с ним до того, как познакомилась со мной. Они расстались, правда, задолго до того, как вся эта история всплыла наружу, но теперь я начинаю думать, что именно поэтому она и ушла. Узнала, испугалась, не захотела в это впутываться. А уходя прихватила себе прощальный подарок — мало ли, пригодится.

Я смотрела на Рэя во все глаза, не в силах поверить.

Это не укладывалось в голове. Нет. Просто нет.

— Наверняка, она просто не знала такого нюанса, про партии, или — хотя это маловероятно — понадеялась, что ее имя не сопоставят с пропавшими граневиками. В конце концов, ее тогда даже допрашивали исключительно чтобы соблюсти формальности. И таким образом убивала сразу двух зайцев — мстила разом и тебе, и мне. Сама видела, меня арестовали сразу же, если бы не было возможности определить партию граневика, то вполне вероятно и осудили бы.

— Мне — понятно, — с усилием произнесла я (ни черта не понятно! Чокнутая стерва!). — А тебе? У меня сложилось впечатление, что она рассчитывала на счастливое воссоединение.

— Рассчитывала. Когда пыталась избавиться от тебя первый раз, — я недоуменно сморгнула, и Рэй пояснил: — В тот момент, когда тебя чуть не сбил мотоциклист, мне звонила Вивиан. Очень странное совпадение в свете последних событий, я считаю. Я сообщил следствию и об этом, но, подозреваю, что ее участие в организации несчастного случая никто не докажет, если только не возьмут исполнителя.

Рэй обрисовал кончиками пальцев контур моего лица.

— Она хотела встретиться, помириться, забрать вещи. А я тогда просто сгреб их все и отдал Мэл, они, вроде как, подружки... наверное, это и стало последней каплей.

Я смотрела на арда и могла только хлопать глазами. Слыхала я, конечно, про злобных бывших, но чтоб такое!..

— Я клянусь тебе, Ли, — с неожиданной горечью произнес Рэй. — Я и подумать не мог, что подобное взбредет ей в голову. После мотоциклиста я

даже ни на мгновение не задумался, не сопоставил...

— Эй, — я погладила его по щеке. — Ну ты чего? Если у одной дамочки не все дома, ты в этом никак не виноват. Такое невозможно предугадать.

Рэй прикрыл глаза. Он, кажется, был со мной не согласен, но не стал спорить. Только добавил:

— Ее уже задержали. И вряд ли теперь выпустят. Так что тебе больше ничего не угрожает.

Он притянул меня ближе и прошептал прямо в губы:

— С тобой больше никогда не случится ничего плохого, ясно? Я не позволю.

И я поверила.

Глава 13

Правда, спустя некоторое время, я начала задумываться, не вышло ли это обещание мне боком. Потому что после него жизнь с Рэем вместо того, чтобы войти, наконец, в спокойную радостную колею, только усложнилась.

Я приняла наши отношения, перестала им сопротивляться, перестала одергивать себя и напоминать себе о том, что влюбляться мне ни к чему (все равно поздно и, пожалуй, поздно было уже чуть ли не с первой нашей встречи). Я, наконец, почувствовала нас самой обычной парой без всех этих ардовских сложностей...

И в тот момент, когда это произошло, нагрянули сложности не ардовские, а самые обычные, общечеловеческие — мы стали ссориться.

Поначалу, когда Рэй одергивал меня — не позволял куда-то пойти, ворчал, если я где-то задерживалась — я просто соглашалась или извинялась. В конце концов, волнение за близкого человека — это понятно. Я бы вот тоже с радостью запретила ему ходить на Грань!

Впрочем, причина для волнений все больше таяла в прошлом — вина Вивиан была доказана. И пусть, как и опасался Рэй, наезд мотоциклиста ей не приписали, только лишь отправку соперницы на Грань, этого было достаточно для того, чтобы лишить свободный мир общества этой красавицы на добрый десяток лет. Надо отдать дамочке должное, она выворачивалась до конца. Бедняжка Вив втерла всем жалостливую историю о том, как глушила горе и загубленную жизнь в вине, и по пьяни-то, практически в состоянии аффекта, и решила подбросить мне граневик, а подбила на это совершенно левого товарища в баре. Несмотря на то, что в эту историю не поверил даже суд, доказательств обратного найдено не было. Можно было бы снять перед Вивиан шляпу в змеином умении выворачиваться до последнего — так ловко состряпать историю смог бы не каждый. Ведь если бы найден был исполнитель, то всплыло бы и первое покушение, а это уже никаким аффектом не прикроешь — однозначное пожизненное.

Так что теперь, когда бывшая благополучно оказалась за решеткой, казалось бы, можно было уже и немного расслабиться — но нет. Ард словно бы поставил перед собой цель ограничить все мои передвижения, взять мою жизнь под тотальный контроль, и это начинало неимоверно раздражать.

И самый первый раз мы поссорились именно тогда, когда я в лоб

спросила, с чем все это связано и когда закончится. Рэй рявкнул, что я себе все придумываю, и закрыл на этом разговор. Я дулась полчаса, надеясь, что в мужчине все же проснется совесть и его поведение как-то прояснится, но сдалась, когда ард подкатил с нежностями и билетами в кино.

А потом одно, другое третье. Как-то само собой вспоминалось, что в тот самый первый раз, когда я вознамерилась прогуляться сама, он не пустил меня и утащил в бар со своими мужиками. И как потом частенько провожал до курсов и встречал с них же. И то, что тогда казалось очаровательной заботой, начинало обретать несколько беспокоящий оттенок.

У меня появлялось ощущение, будто меня загоняют в клетку.

Я гнала от себя эти мысли. У него тяжелая работа — говорила себе я. Тяжелее, чем у кого бы то ни было. И он наверняка переживает все равно, что исполнителя Вив так и не нашли. Чувствует свою вину. И все эти срывы по пустякам — это просто от бессилия. Он любит меня, я же знаю, что любит, но мы притираемся друг к другу. И вообще отношения не могут состоять из бесконечного конфетно-букетного. Зато ведь страсть никуда не делась, и по-прежнему в постели он доводил меня до полного исступления, до потери себя, до понимания того, что ничего подобного у меня никогда ни с кем не было и вряд ли когда-то будет.

И вроде только я находила утешение в этой мысли, как случалось еще что-нибудь.

Один раз мы поссорились, когда он выдернул меня с прогулки с Миной. А ей так была нужна моя поддержка. Она последнее время ходила совсем убитая, с Дэном отношения разваливались окончательно, он отстранялся, и она понимала это, но никак не могла найти в себе силы разорвать уже эту мучительную связь...

Другой — ему не понравилось, что у нас засиделась Сэм. Она пришла за котенком и слово за слово... но мы же дома сидели, вот, под присмотром! Чудесно болтали, по-женски перетирали косточки всему отряду. И надо ему было все испортить!

А третий... третий раз, когда я собралась на кошачью выставку, он заявил, что там будет слишком много народу, и он со мной не пойдет и меня не пустит.

И я сорвалась.

Я высказала все, что накопилось за эти два месяца.

Что я так больше не могу, что у меня есть своя жизнь и она — вот сюрприз! — не крутится исключительно вокруг его ардовской персоны. Что я готова идти на уступки, я готова в чем-то поступиться своей

свободой, но я не готова всю себя положить на алтарь этих отношений.

Рэй на это что-то огрызнулся, я окончательно взъярилась. И заявила, что если ему нужна преданная собачка, послушная и заглядывающая в глаза, ну и заодно готовая глотку перегрызть любому, кто покусится на святое — то надо было оставлять Вивиан. И вообще, если не устраивает, пусть катится к профессионалкам, вон их там уже очередь выстраивается в ожидании окончания моего контракта.

Все закончилось тем, что Рэй ушел из дома, хлопнув дверью, а я полночи проревела в обнимку с кошкой.

Он вернулся под утро, попытался завести разговор, но я только дернула плечом, сбрасывая легшую на него ладонь и сделала вид, что он меня разбудил, а я вообще спать хочу.

Утром я поднялась, только когда Рэй, собравшись практически бесшумно, ушел на тренировку, несмотря на то, что почти все это время промаялась лежа с закрытыми глазами, но не в силах уснуть.

В зеркало на меня смотрела осунувшаяся и несчастная физиономия, отчаянно пытающаяся понять, что где и когда пошло не так. А главное — почему.

Я зажевала завтрак, не чувствуя вкуса, приняла душ, забросила стирку, залезла в терминал.

А там меня ждал сюрприз — мигающий значок сообщения.

«Дорогая мисс Келли,

В связи с тем, что ваш текущий экстренный донорский контракт подходит к завершению, мы высылаем вам на рассмотрение новый. Будьте любезны, ознакомьтесь с условиями и сообщите нам о вашем решении до истечения срока действия вашего настоящего контракта.

Имейте в виду, что в случае согласия, вам также необходимо будет пройти ускоренный курс подготовки профессиональных доноров».

И подпись — с уважением.

Я как-то механически щелкнула на иконку приложения к письму, разворачивая присланный документ.

Строчки контракта, совершенно бессмысленные, когда я читала его в первый раз, тогда, когда меня выдернули спасти Рэя, сейчас отпечатывались в голове ясно и четко. Опыт. Я машинально пробежала его глазами, сморгнула и недрогнувшей рукой набрала номер, указанный в графе «по всем вопросам обращайтесь».

Жизнерадостная девушка на том конце бойко поприветствовала меня и с удовольствием пустилась в разъяснения — вот на эти пункты контракта вы при желании можете повлиять, вот на эти — даже не надейтесь, но

вообще...

— Да нет, — перебила я. — Здесь какая-то ошибка...

— Где ошибка? — искренне удивилась, не дослушав, моя собеседница. — Отличный контракт, не хуже, чем у профессионалок. Вы бы соглашались, пока мистер Харди не передумал!

Это было как удар под дых. Я с некоторым трудом заставила себя глотнуть воздуха, потом ровно попрощалась с девушкой, поблагодарила за помощь и отключила связь.

Так, значит, да? Контракт, пока мистер Харди не передумал?..

Это была последняя капля — поняла я и полезла на шкаф за сумкой.

Сумку я заказала еще тогда, когда думала, что жить мне в квартире арда две недели и надо же будет куда-то упаковывать весь спонтанно накопившийся скарб. А потом, когда наводила порядок после обыска, помнится, еще с усмешкой подумала — не пригодилось.

Весь скарб в нее правда все равно не влез, как-то основательно я обросла вещами, ну да ничего, мистеру Харди не впервой избавляться от хлама бывших.

Отчего-то формулировка «мистер Харди» бесила меня больше всего.

Самое важное — в сумку. Контракт — распечатать и положить на видное место с короткой запиской. Если он не потрудился лично сообщить мне, что видит нас только в рамках контрактных отношений, то и не было никакого смысла лично извещать, куда он может засунуть себе свой контракт.

Конечно же, я написала не это. С пятого раза. Но смысл, пожалуй, угадывался.

Кошку с последним котенком, который уже был даже не котенком, а вполне себе кошачьим подростком — тощим, нескладным и смешно большеухим — в переноску.

Все? Все.

Я бросила водителю адрес, и машина плавно устремилась по улицам столицы.

Мина открыла мне дверь в одном халатике на голое тело — сонная и встрепанная.

— Ли? Ты рано, заходи, я сейчас...

Я мотнула головой, выудила из переноски кошачье детище и сунула ей в руки.

— Ой, ты же знаешь, Дэн...

— Шли его к черту, — отрезала я. — Он тебя не стоит.

Потом порывисто обняла подругу, зажмурившись, чтобы не дать

слезам сорваться с кончиков ресниц, повернулась и ускакала по лестнице к ожидающему меня такси.

— Ли!

Я обернулась, увидела, как Мина перевешивается через перила, прижимая к себе котенка, и помахала ей рукой, искренне надеясь, что она внемлет моему совету.

Сев в машину, я взяла в руки терминал и, пока водитель довольно поглядывал на тикающий счетчик, набрала номер офицера Честера.

— Мисс Келли, вы действуете сгоряча, — я прямо почувствовала, как офицер поморщился, в ответ на мое требование досрочно разорвать контракт с указанием причины «видеть его не могу». — Давайте я дам вам пару-тройку дней на раздумья? Нет, я настаиваю. А через три дня мы снова созвонимся с вами и убедимся, что это действительно то, чего вы хотите. Мистер Харди ведь не в рейде сейчас? Еще полторы недели до него? Ну вот. Съездите куда-нибудь, проветрите голову, и мы вернемся к этому разговору. Всего доброго.

Я глянула на померкший экран терминала почти с ненавистью и бросила водителю:

— На вокзал.

По дороге план дозрел окончательно, я отключила, поколебавшись несколько мгновений, идентификационный браслет, стянула его и спрятала в сумку, вырубил питание терминала, и в этот момент почувствовала себя свободной и независимой.

— Билет на ближайший поезд, — я протянула в кассу наличные.

— Куда? — уточнила женщина за большим, во всю стену, стеклом. — Ближайший поезд — куда?

— Куда угодно. Просто — ближайший.

У кассира было чувство юмора. А может быть, наоборот — не было. Потому что я едва успела заскочить в скорый до Стоунфола, отходивший с пятой платформы.

Поезд мчался беззвучно, стремительно покидая столицу, и когда он вырвался за кольцо ее пригородов, и за окном замелькали поля, леса и мелкие скопления деревушек, я, наконец, окончательно расслабилась и, прислушавшись к себе, поняла, что не испытываю сейчас ни малейшего сожаления.

Я ведь в первые мгновения собиралась поехать в Кронбург, к родителям, искренне полагавшим, что их дочь все еще живет в общежитии и готовится быть учителем. Для поддержания этой легенды я даже пару раз слетала в гости, под бубнение Рэя, которому, кажется, не очень нравилось,

что его скрывают, но я как-то все не находила подходящего момента сообщить о столь глобальных переменах в моей жизни. И правильно, как оказалось...

Но потом я сообразила, что в Кронбурге Рэй меня моментально найдет, а я не соврала мистеру Честеру, я действительно просто не могла сейчас его видеть. И что будет искать — не сомневалась.

Умом я понимала, что нам все равно придется встретиться и поговорить. Но я хочу встретиться и поговорить тогда, когда обрету душевное равновесие. Спокойно, хладнокровно. И без контракта между нами. Нет, контрактных отношений с меня точно хватит.

Я вышла, не доезжая до Стоунфола. На промежуточной остановке — в маленьком городке, названия которого даже не запомнила. Отыскала на вокзале доску объявлений — доисторическую, с листочками, приколотыми на булавки. «Сдается комната. Посуточно. Телефон».

Я набрала номер из вокзального автомата — с животным возьмете? Приплачу.

Хозяйка согласилась. Вопрос крыши над головой был решен.

Что ж, теперь у меня будет достаточно времени, чтобы подумать о том, что делать дальше со своей жизнью. Возвращаться в Кронбург после расторжения контракта не хотелось. В столицу — тем более. И сердце ныло.

А я говорила тебе, идиотка, не влюбляйся!

Рэй хороший. Чудесный. Просто он ард. А арды избалованы женщинами. Они окружены теми, кто ставит их выше себя, это не равноправные отношения. Я просто зацепилась за пример его командира и позволила себе увлечься этим, раз мечтаться. А ведь Мина говорила мне, что арды женятся поздно и чаще всего на профессиональных батарейках. Чего я ждала? На что надеялась?

Нет, я все же правильно сделала, что уехала на эти три дня, что дал мне на раздумья Гектор Честер. Что вышло бы, останься я у Рэя? Скандал? Извинения? Страстное примирение в койке? А потом все по новой?

Я, возможно, и была в чем-то наивной, но в то, что взрослого мужика можно перевоспитать — не верила. У всех у нас есть свои недостатки, и в какой-то момент надо задаться вопросом, можешь ты жить с этими недостатками всю оставшуюся жизнь или нет.

Жить в золотой клетке я была совершенно однозначно не готова. Но мне надо будет посидеть и подумать, как донести это до Рэя так, чтобы он понял. И убедить расстаться мирно. Потому что у меня были сомнения, что ард захочет меня отпускать...

Я понимала, что я уже скучаю по нему. До слез — скучаю. И мне больно от того, как все заканчивается.

Но перед глазами стоял образ Мины, практически угрожавшей свою жизнь на ведущие в никуда отношения, и я стискивала зубы и твердила себе, что ни в коем случае не должна повторить ее опыт.

Я проснулась от страшного грохота. Такого, который аж заставил подскочить на кровати. Спавшая в ногах кошка, выгнула спину, прижала уши и отчаянно шипела. А потом грохотнуло еще раз, и я поняла, что это не я подскочила на кровати, а кровать подскочила вместе со мной, когда сотрясся дом. Под окном отчаянно завывли сигнализацией машины.

Паника накрыла волной — это что? Землетрясение? Это у нас-то?!

Пока мозг судорожно пытался вспомнить основы поведения при землетрясении из школьного курса ОБЖ, я откинула одеяло, рванула к окну и замерла, глядя на открывшийся мне вид.

Затянутое облаками небо над городом было расколото зияющей трещиной — сверкающей и искрящейся молниями, которые, ударяя в землю, порождали новые сотрясения — дом снова качнуло и на кухне из шкафчика с грохотом посыпалась посуда.

Прорыв.

Я застыла, глядя на катаклизм и не веря, что вижу его вот так, вживую, а не на экране в новостях.

Кошка прекратила шипеть и низко завывала, раздуваясь, будто готовилась взорваться. Послышались крики, хлопанье дверей, а следом почти сразу взвыла городская сирена — призыв к эвакуации.

Я отмерла и бросилась к сумке.

Натянула джинсы, майку, защелкнула на руке идентификационный браслет. Дернулась было собрать то, что было раскидано по комнате, но дом снова содрогнулся, меня стукнуло о шкаф, с потолка рухнула лампочка, разбившись под моими ногами. Я схватила кошку, прижала ее к груди, не обращая внимания, на впившиеся в кожу когти, и вылетела из комнаты, а затем и из квартиры, дверь которой была раскрыта нараспашку — кажется, хозяйка ее уже покинула.

На улице царил хаос. Сверкали лучи прожекторов, из громкоговорителей и полицейских звучал холодный металлический голос, требовавший соблюдать спокойствие и покидать город без паники. Владельцев частного транспорта призывали проявить сочувствие и брать на борт максимум попутчиков. Те, у кого не было машины, должны были прибыть на вокзал — или на известные точки сбора, где будут ожидать автобусы.

Впрочем, этот голос терялся в том, что творилось снаружи. Люди запрыгивали в машины, кажется, без разбору — кто с кем и в чью! Кричали дети, визжали женщины, орали мужчины. Почти сразу на другом конце улицы взвыла еще и полицейская сирена, и уже человеческий голос сквозь динамики призвал успокоиться. Прорыв произошел не в городе, как могло показаться, но рядом, поэтому несмотря на то, что объявлена эвакуация причин для паники нет. Она будет совершена планово и спокойно, тогда никто не пострадает.

Я покрутила головой и бросилась на этот голос, чтобы скорее добраться до постовой машины.

Та прибыла с большим автобусом, к которому уже стремился поток людей, пихаясь и толкаясь и обретая какую-то видимость порядка только в паре метров от излучавших невозмутимость стражей порядка.

Поколебавшись мгновение, я решительно отделилась от толпы, и подскочила к ближайшему полицейскому.

— Мисс, не задерживайтесь, будьте добры, пройдите...

— Послушайте, мне нужно как можно быстрее вернуться в столицу, я...

— Мисс, автобус доставит вас в ближайший безопасный пункт, а оттуда вы уже можете...

— Нет, послушайте, — взмолилась я и, прежде чем мужчина властно отстранил меня, просто отмахнувшись и подтолкнув в сторону автобуса, затараторила: — Я донор! Я донор арда. Мне нужно в столицу. Он сейчас не в рейде, значит, его отправят ликвидировать Прорыв. И если с ним что-то случится, то я должна быть там, на месте, вы понимаете?

До полицейского, куда больше сосредоточенного на том, что происходило вокруг, чем на девице прыгающей у него под носом, кажется, начало что-то доходить, потому что он сфокусировал на мне взгляд. И я тут же сунула ему под нос браслет:

— Вот, проверьте, там есть вся информация. Мне очень нужно в столицу.

...все же не зря я ходила на курсы. Иначе откуда бы мне было знать, что в экстренной ситуации, когда необходимо добраться до арда, батарейке должны оказывать всяческую поддержку?

Он все же проверил.

Мазнул по браслету сканером, взгляделся в то, что отобразилось на экране, хмуро кивнул и бросил что-то неразборчивое в рацию.

А через какую-то четверть часа, я уже летела над городом в вертолете, стискивая жмущуюся ко мне кошку и неотрывно глядя на разлом в небе.

Где-то там сейчас сражался Рэй, и в свете этого стало как-то совершенно неважно все, что случилось до. Губы сохли, я кусала, облизывала их и все равно не могла оторвать взгляда от одновременно прекрасного и жуткого зрелища, пока вертолет обходил его по широкой дуге.

Через полтора часа я была в столице.

Гектор Честер, встретивший меня, вместо того, чтобы высыпать на голову нотацию, похвалил за сообразительность, сообщил, что Рэй действительно со своим отрядом сейчас находится у Прорыва и новостей оттуда пока нет.

Я зашла в дом со странным чувством обреченности и облегчения. Кошка (не пора ли смириться и дать ей имя?) мгновенно соскочила с остохорошевших рук и удрала на любимое кресло, где тут же принялась ожесточенно вылизываться. Я приняла душ, переоделась, с кривой усмешкой порадовавшись оставшимся вещам и помянув сгинувшую в безымянном городке сумку, а потом прошла на кухню, достала кофе, включила новости и приготовилась ждать.

О том, что Прорыв благополучно закрыт, а вырвавшиеся в наш мир твари Изнанки ликвидированы сообщили лишь к вечеру. На вопрос о количествах жертв среди мирного населения, военных и — самое главное — ардов, министр обороны ответил невнятно, ударившись в подробные объяснения о том, что Прорыв был феноменальным по размеру, а твари — наименее изученными, а значит наиболее опасными...

Я сидела на диване, завернувшись в плед, хлебала холодный кофе и, кажется, перестала дышать, когда услышала щелчок двери.

Я дернулась, но не сорвалась в полет, сшибая все на своем пути, как когда-то, давно, когда Рэя выпустили на свободу. Только прикрыла глаза, вслушиваясь в доносившиеся из коридора звуки — стук сброшенных ботинок, тяжелые шаги, шум воды в раковине, снова шаги.

Рэй замер на пороге и изумленно уставился на меня — так, будто меньше всего ожидал увидеть. И я воспользовалась этой заминкой, чтобы ощупать его взглядом с головы до ног, чтобы убедиться — жив? цел? — хоть и без того было понятно, что никто не отпустил бы его вот так вот домой пострадавшего. И уж тем более (истеричный смешок) мертвого!

И только тогда позволила себе выдохнуть. Жив. Цел.

А на вдохе поняла, что воздух стал каким-то тяжелым. Вязким. Я с трудом протолкнула его в легкие, а он горячим комом плюхнулся ниже, заставив напрячь мышцы пресса в попытке удержать неожиданно острое сладкое ощущение в промежности.

Я смотрела на него, и не знала, с чего начать разговор. Да и надо ли что-то говорить сейчас?

В воздухе медом, патокой разливалось желание — острое, сладкое, жаркое, голодное.

Феромоны.

А это значило, что энергетический баланс Рэя Харди упал до критической отметки, раз его организм запускает аварийные системы выживания.

Чувствуя, как по всему телу разливается дрожь, то ли нервная, то ли предвкушающая, я отбросила плед и шагнула к нему.

— Ли, нам надо поговорить.

Мне говорить не хотелось. Не хотелось слушать — в конце концов, что он мог мне сказать? Извиниться за авторитарность? И надолго хватит этих извинений? Расписать мне контрактные прелести? Мне они не нужны.

Я не хочу выслушивать его аргументы. Соглашаться с ними или пытаться противостоять. Я просто хочу сделать то, зачем я сюда вернулась. Побывать с ним еще один раз. Потому что, что бы между нами ни произошло, мои обиды не стоят его мучений и панических поисков очередного экстренного донора.

Поэтому нет, я не хочу разговаривать. Я не хочу разрушать этот момент последней близости прошлыми обидами и наивными надеждами на будущее, которого у нас нет, потому что мне неприемлемы его условия.

Я приблизилась к нему, чувствуя, как неуловимый запах, знакомый с самой первой встречи, обволакивает меня целиком, как слабеют колени, как подрагивают пальцы рук, которые я положила на твердую грудь, обтянутую грубой форменной тканью.

— Ли.

Кажется, он попытался придать голосу твердости, но я привстала на цыпочки и поцеловала сухие обветренные губы.

В первые мгновения он подался вперед, и его язык жадно скользнул в мой рот, вызывая болезненно-острую пульсацию внизу живота. Но почти сразу ард, будто опомнившись, отстранился, сорвав с моих губ недовольный стон.

— Нет, Ли... Подожди... Стой.

От хриплого голоса, наполненного желанием, у меня окончательно снесло крышу. А уж какой он там смысл вкладывал в звучащие слова — не имело совершенно никакого значения.

Рэй увернулся от поцелуя, и я, не растерявшись, приласкала губами беззащитную шею, прижимаясь к нему всем телом, потерялась бедрами.

Тебе ведь нужно это, глупый. Зачем делаешь хуже и себе, и мне?

Стальные ручищи стиснули плечи и с усилием меня отстранили, отрывая от желанного тела.

Рэй заглянул мне в глаза, и я ответила ему томным взглядом из-под полуопущенных ресниц, и облизнула пересохшие губы, прекрасно понимая, как это смотрится. А что? Меня сюда зачем притащили? Долг исполнять? Вот я и!

— Линетт, возьми себя в руки. В тебе говорят гормоны.

— Пускай твои феромоны заткнутся, тогда и мои гормоны перестанут разговаривать, — промурлыкала я, слыша, что и мой голос против воли наполнился чувственной хрипотцой. — И мы оба знаем, что нужно, чтобы они заткнулись.

Я вывернулась из рук арда, не ожидавшего, что я буду вырываться, и, направившись к спальне бросила через плечо:

— Так что и ты помолчи.

От рыка «Линетт!», по телу пробежала горячая волна.

Пока Рэй медлил, я стянула с себя мешающую одежду, и он появился в дверях как раз в тот момент, когда я переступила через мокрые насквозь трусики.

Я стояла перед ним — обнаженная, бесстыдная, под жадным горящим взглядом, пожирающим меня, а ард все еще медлил, из последних сил, впиваясь пальцами в косяк так, что тот, кажется, жалобно поскрипывал.

Упрямый.

— Иди ко мне, Рэй, — мягко произнесла я, будто уговаривала ребенка. — Потом поговорим.

Мужчина сглотнул и прикрыл глаза, кажется, пытаясь абстрагироваться от вида.

Нет, ну это уже почти обидно!

— Рэ-эй... — тягучий шепот на грани слышимости, но это, наконец, сработало.

Стремительно преодолев разделяющее нас расстояние, Рэй сгреб меня в охапку, впиваясь поцелуем в губы, стискивая ягодицы, вдавливая меня в себя со всей силой, и я торжествующе застонала, выгибаясь ему навстречу.

Он подхватил меня на руки, швырнул на кровать и почти сразу навалился сверху, осыпая жгучими поцелуями лицо, шею, захватывая в плен губ грудь, терзая ее жадно, ненасытно, а я тем временем избавила арда от одежды.

И хрипло вскрикнула, когда его член вошел в меня одним резким движением.

Да!

Да-да-да!

Я жадно хватала ртом воздух вперемешку с поцелуями и сама подавалась вперед, чтобы усилить ощущение проникновения. Мне никак не удавалось поймать его ритм, чтобы ускорить развязку, а где-то на задворках сознания, царило понимание, что Рэй делает это нарочно, чтобы продлить мою агонию, мою жажду.

И свою — тоже.

Но в какой-то момент оттягивать дальше стало просто невозможно.

В предчувствии накатывающей волны оргазма я зажмурилась с такой силой, что на глазах выступили слезы.

Толчок. Толчок. Толчок...

Я выгнулась в сладкой судороге, зарывшись пальцами в короткий темный ежик, прижимая голову арда к своей груди. И чувствуя, как горячее семя проливается внутри под хриплый мужской выдох.

Мы оба застыли, приходя в себя, только тяжелое дыхание нарушало тишину комнаты.

Я осторожно погладила широкие, твердые плечи.

И ничего я не соскучилась, просто...

Просто.

Просто мне будет не хватать этой гладкой, чуть влажноватой кожи и сильной спины с рельефом позвоночника, скользящим под пальцами. Этих рук, где под кожей бугрятся мышцы, этой шеи и щекочущего ощущения, когда проводишь пальцами по кромке роста волос.

Мне будет не хватать твоего запаха, когда я утыкаюсь носом в твою грудь. Мне будет не хватать твоего вкуса — когда я прихватываю губами после близости кожу на шее, или сосок, или мочку уха...

Мне будет не хватать тебя, Рэй.

Он пошевелился, подsunул мне ладонь под затылок, как ребенку, и перекатился на бок, придерживая за талию второй рукой.

Я опомнилась и попыталась выкрутиться. Объятия ожидаемо напряглись, удерживая.

— Пусти, — я стукнула кулачком по литой груди.

— Сначала выслушай.

— Я устала, Рэй. Я приму душ и лягу на диване. И не строй из себя героя, ты устал куда больше меня.

— Я тебя люблю.

Я помолчала несколько мгновений и сказала тихо, но серьезно:

— Рэй, мне больно.

Объятия стали слабее, хотя я и не это имела в виду.

— Я тебя люблю, и уже черт знает сколько таскаю в кармане кольцо. Думал отдать, когда все закончится. Ну и... все чуть не закончилось.

Я притихла, как мышь под веником, сжавшись в тугой болящий комочек. Я не хотела этого слушать. И предложение, вырванное зубами против воли, мне не нужно. Я же не за этим уезжала. Не в нем ведь дело. Кольцо... Хотел бы отдать — отдал.

Глаза щипало, а горло перехватил спазм.

Дура! Только не зареви в очередной раз!

— Подожди немножко, — попросил Рэй на мое молчание. — Я сейчас соберусь с мыслями, и... Только ты не плачь, хорошо? Я не умею, когда ты плачешь. Совсем дурак становлюсь...

Я подавила предательское шмыганье носом, заморгала и постаралась выровнять дыхание.

— В общем, историй тут сразу две. Или даже три... Первая началась, когда меня выкинуло к тебе. Ты мне очень понравилась, и я решил попробовать завязать отношения. Только начать все хотелось по-человечески — со знакомством и ухаживанием, чтобы нам хватило время понять, подходим ли мы друг другу. Отпуск взять... Просто отпуск — это не скоро. Ты бы успела сто раз парня найти, ломай ему потом нос, взыскания за конфликты с гражданскими получай...

Рэй усмехнулся, кривовато, и сам себя, видимо одернул — не тот момент, чтобы шутики шутить.

— Я договорился с парнями, набрал дополнительных смен чтобы отпуск сдвинуть — алгоритм, в принципе, отлаженный, все все понимают, да и начальство в таких ситуациях навстречу идет, и уже собирался заявиться к тебе в гости через месяц-другой, но тут нарвался на звезду этого прорыва — новинку сезона, и тебя очень удачно вызвали ко мне.

Он потерялся подбородком о мою макушку, и я попыталась расслабиться и повозилась, устраиваясь удобнее.

— Надо было с тобой сразу поговорить, но... я подумал, что ты решишь, будто я на тебя давя — притащили силком, еще и в долгосрочные отношения втягивают. Вон ты как из-за срока взъелась... Ну я и решил — дам девочке время обвыкнуться, куда торопиться, если все равно контракт и минимум полгода у меня есть? Как-то так, в общем...

Рэй задумчиво помолчал, может быть, ожидая от меня вопросов, которые я не хотела задавать, а может, просто собираясь с мыслями, и продолжил:

— Это та часть истории, которая про меня. Вторая история — про Вив.

Но она началась еще раньше. Я у Вивиан третий партнер. А до меня был совсем молодой парень, с которым она проработала один стандартный контракт, и тот самый ард, которого посадили за торговлю артефактами особого назначения. Первого она бросила, когда поняла, что перспектив у нее с ним особых нет — парень простой честный служака, да еще и зеленый, такой скоро не женится. Второго — как я подозреваю, когда поняла, что он в любой момент может влететь, да еще и ее, не дай бог, потащит за собой. Я ее устраивал по всем статьям. Заместитель командира, и есть неплохие шансы, что буду расти дальше. Ну и не мальчишка уже — есть надежда, что остепенюсь. Я особо ее прошлым не интересовался, это мне потом уже психолог с отбора у следователя объяснил. Так что, Вив определилась с целями и средствами, и взялась за работу. А когда я вернулся из Кронбурга, она практически сразу почувствовала, что планы рушатся, попыталась спасти ситуацию, мы поссорились, ну а дальше ты знаешь. Хотя и не все...

Он снова вздохнул, обнял меня покрепче и пробормотал в макушку:

— У следователя, который вел твое дело, были подозрения, что мужчина, подбросивший тебе браслет граневика, не просто разовый исполнитель, польстившийся на легкие деньги, а полноценный сообщник. С ее слов выходило, что она представилась моделью, у которой вот-вот рухнет карьера, и подбила левого мужика подбросить сопернице вещь, которая ее скомпрометирует в глазах спонсоров. Никакого вреда здоровью, никакой опасности для жизни. Чем убедительнее Вив доказывала, что подцепила этого парня в левом баре и просто от отчаяния воспользовалась случаем, тем больше следователь сомневался в ее словах. Да еще мотоциклист тот, по чистому везению не сбивший тебя перед зданием Центра и так точно совпавший по времени со звонком Вивиан... Но врала она всегда виртуозно, раз со своими наклонностями проскочила сито отбора, и в этот раз ей почти поверили. Подвела ее Нита.

— Нита? Медсестра? — от удивления я даже прервала свое добровольное молчание и высунула нос, пригревшийся на ардовской груди.

Рэй кивнул:

— Они дружили. Еще раньше, когда Нита только работала в числе медицинского персонала на отборе, а Вив была одной из претенденток, у них сложились приятельские отношения, и потом, после того, как обе пошли на повышение, Вив эти отношения поддерживала. Нита считала, что Вивиан просто нужна отдушина среди дамского серпентария, вот она и выбрала в подружки девушку, которая уж точно не станет метить в соперницы и делать гадости, а Вив... Ну, она всегда отличалась

предусмотрительностью и умела ценить полезные связи.

Я не сдержала скептический смешок — ну-ну. И умница-то, и красавица...

— Примерно тогда произошла одна некрасивая история. Вив как раз прошла отбор и планировала заключить контракт, и почти увела своего будущего партнера у тогдашней батарейки, но парень колебался и не мог определиться. И вдруг с его донором произошел несчастный случай — девушка попала в больницу в тяжелом состоянии. По незнанию выпила коктейль, на один из компонентов которого у нее была сильнейшая аллергия. Мгновенная аллергическая реакция, госпитализация и, как следствие, неспособность выполнять обязанности батарейки. Ард перезаключил контракт со свободной девушкой, которой, по чистому везению, оказалась Вив. Следствия не проводили, несчастный случай был вроде как на лицо, девушка претензий никому не предъявляла, но. Нита точно помнила, что незадолго до этого Вив оставалась в их с коллегами кабинете наедине со служебным терминалом. Терминал был запаролен, и получить доступ к медицинским данным Вив не могла, и Нита не нашла причин подозревать подругу в нехорошем. Хотя заноза видимо осталась. Очевидно, Нита все же хорошо ее знала. Когда выяснили, как ты попала на Грань, трясли всех, кто имел доступ в мою квартиру — в том числе, и медиков. И именно тогда Нита почему-то вспомнила эту историю. Наверное, потому что с тобой уже второй раз происходило то, что выгодно Вив — если считать мотоциклиста. Именно показания Ниты с ее неоформленными подозрениями, запустили цепочку.

Рэй помолчал, погладил меня тихонько по спине, и я наконец-то позволила себе обнять его. Может, и правда, у нас еще есть шанс? Может, мы справимся, и научимся договариваться?

А Рэй продолжил:

— В общем, доказать причастность Вив к наезду можно было, только взяв исполнителя, а до тех пор у нас были лишь подозрения. И они мне очень не нравились. Понимаешь, Ли, если Вив без колебаний бросила двух партнеров и легко подписала меня на трибунал и срок за твою смерть на Грани, но упорно защищала этого неизвестного любителя котиков на мотоцикле — значит, тут не просто наемник. Тут что-то личное. И когда ее посадили, а исполнителя так и не взяли, я боялся, что парень попытается-таки тебя достать — уже не ради денег, а по личным соображениям.

Я недовольно завозилась. В таком разрезе постоянные Рэевские запреты и гиперопека уже не выглядели блажью и придурью, но...

— Нужно было мне все это сразу сказать, — поймав его взгляд, я

попыталась донести до Рэя эту мысль со всей серьезностью.

Рэй, несколько бесконечных мгновений смотревший мне в глаза, наклонился и легко коснулся губами моего лба:

— Хорошо. Если подобное, не дай бог, повторится, я расскажу. Обещаю.

Теплое дыхание растеклось по коже вместе с этими словами, а руки Рэя снова сжались вокруг меня.

Понятно. Извинений за свинское молчание я не дождусь, равно как и объяснений — какого черта?!

Сердито засопев, я боднула его лбом в грудь:

— Дальше!

— А дальше... дальше третья история, которая про нас. В общем, я сгруппил, конечно, но что уж теперь. Просто не хотел тебя беспокоить этой историей с исполнителем, которая к тому же еще и не подтверждена была на сто процентов. Да и... — Рэй дернул плечом. — Привычка. Приказ услышан — приказ принят к исполнению. Ну подуешься на меня чуток, обычное женское дело. Просто хотелось, опять же, раз с ухаживаниями не вышло, хоть предложение красиво обставить. Вы, девушки, любите, чтобы красиво...

— Мы еще любим, чтобы честно, — я снова не удержалась от упрека.

— Так этого кто ж не любит, — в тон мне откликнулся ард и подставил ладонь, когда я попыталась его ткнуть кулаком. — Ну в общем, расследование затягивалось, типа хоть и идентифицировали, найти никак не могли, ты злилась все больше, а тут еще и контракт к концу подходит, мне начали напоминать о том, что надо принимать решение по поводу дальнейшего донорства. Я как-то, видать, и отмахнулся, что меня полностью этот устраивает — вот они и выслали тебе контракт.

Я засопела, вспоминая обиду. Донор его устраивает, а устраивает ли все донора?!

— И я понимал, что надо как-то исправлять все срочно, уже хотел махнуть рукой — черт с ними, с красотками. А в тот день, когда собрался с духом, Сэм пришла, а ты злилась и делала вид, что не понимаешь моих намеков, что нам бы остаться вдвоем. Ну, и представь: я настроился, жду, когда мы наедине останемся, коробка с кольцом через карман шкуру жжет, а вы сидите, общим знакомым кости перемываете! И мило сплетничаете, как у Дэна с Миной все совсем не гладко даже несмотря на то, что этот бабник притих и по бабам бегать перестал.

— Мы не сплетничали, мы Мину жалели! — я аж подпрыгнула от возмущения, приподнялась, села и посмотрела на Рэя сверху вниз. — И

вообще — опять Дэн? Ты издеваешься, что ли? Мы же закрыли эту тему.

— Закрыли, — буркнул ард. — Но приятно мало, знаешь ли, когда твой товарищ только и караулит момент, когда можно будет перехватить твою девушку.

— Это уже проблемы твои и товарища, — я ткнула его пальцем в грудь. — Сами их и решайте. Набей ему морду, что ли? Тебе приятно, мне приятно, ему — полезно. Сбросите напряжение — никакого бизнеса, только личное!

— Эх, надо было, — тяжело вздохнул Рэй. — Да теперь жалко уже.

— Чего жалко? — не поняла я.

— Ты не знаешь? — ард удивленно вскинул брови. — Минка его бросила. Как ты умчалась — так в тот же день и бросила. Ну как — подала заявление о том, что не будет автоматически продлевать контракт и съехала с его квартиры. До конца ее контракта без продления месяц что ли остался. Вчера пришла к нему, чтобы исполнить обязательства, так он ее выставил. Бесится, чуть не подставился сегодня...

Злорадное «так ему и надо!» застряло на языке после последних слов. Нет, смерти я этому дураку точно не желала. И тут же запоздало спохватилась, слегка смутившись от собственной эгоистичности:

— Все нормально прошло? Все живы?

— В нашем отряде — все, — лаконично отозвался Рэй.

В спальне повисла неловкая тишина.

Вот и поговорили.

В голове царил сумбур, мысли и эмоции путались. Бессонная ночь, помноженная на кофе и волнения, а теперь эти признания... и так и не заданный вопрос. Как реагировать? Что говорить? Прав был Рэй, все же в красавостях есть свои плюсы!

Вчера я валялась на узкой кровати в чужом доме и размышляла о том, как буду выстраивать теперь свою жизнь без арда в ней. А сегодня, сейчас...

Я потерла лоб, провела пальцами по уставшим, наверняка, покрасневшим глазам.

Многое вставало на свои места, но я все равно откровенно запуталась.

— Его поймали, — вдруг произнес Рэй. — Я получил сообщение, пока ехал домой. Сообщника Вив взяли. Он решил воспользоваться суматохой в связи с Прорывом, и попытался выехать из столицы.

— Хорошо, — машинально отозвалась я, глядя куда-то в пустоту.

— Когда там твоя выставка?..

Я перевела взгляд на Рэя.

Ард лежал, глядя на меня снизу-вверх. И при взгляде на его уставшее лицо, у меня внутри сама собой поднялась волна какой-то щемящей нежности и подступила комом к горлу.

Рэй вдруг подтянулся и сел так, что наши лица оказались почти на одном уровне.

— Линетт.

— М?

— Ты меня любишь?

— Люблю, — призналась я легко и без раздумий. Это вопрос простой!

— Ты выйдешь за меня замуж?

Я облизнула пересохшие губы. Отвечать? Вот-прямо-зас... ..

— Выйду, — выдохнула я, но прежде, чем Рэй подался вперед с очевидным намерением, уперлась ладонями в его грудь, останавливая. — Но у меня будут условия!

— Условия?

— Да! Во-первых, больше никаких командирских замашек. Если тебе что-то от меня нужно, ты мне это говоришь, а не приказываешь. Если я что-то не должна делать — тоже говоришь и объясняешь почему.

Мужчина склонил голову на бок, соглашаясь с требованием и ожидая продолжения.

— Во-вторых, я буду учиться.

Рэй кивнул.

— И работать!

Тут мужская душа не выдержала.

— Ли, зачем тебе работать? Я тебя и так прекрасно обес... .. понял. Работать так работать.

Я посверлила его взглядом еще немножко, чтобы убедиться, что условие наверняка принято. Потом глубоко призадумалась, не упускаю ли чего важного, и, спохватившись, радостно подпрыгнула.

— И кошку мы оставляем!

— Идет, — хмыкнул Рэй и ухмыльнулся так, что сразу стало ясно — замыслил подлость! — Хочешь, контракт составим?

Я закатила глаза, и ард со смешком сгреб меня в охапку и переместил к себе на колени. И я как-то сразу обратила внимание на то, что мы до сих пор валяемся в постели голые, несмотря на крайнюю серьезность обсуждаемых моментов.

Рэй поцеловал меня с чувством, а потом выдохнул прямо в губы:

— Но тогда у меня тоже будут условия.

— Какие-такие? — настороженно уточнила я, чуть отстранясь.

— Я хочу детей. Не прям сейчас, — поправился Рэй, верно оценив выражение моего лица, — А в принципе. Минимум двух. И чтоб обязательно хотя бы одна — рыжая. Чего ты лежишь? Записывай. Дальше. Эскалопы.

Руки, лежавшие у него на груди непроизвольно сжались в кулаки.

— Эскалопы я жарю сам. Женщина все равно мясо никогда правильно не приготовит. А вот тот суп... Который с кусочками теста?

— С галушками, — сквозь зубы процедила я.

— Да. Вот его готовишь ты. Регулярно, пожалуйста.

— Что-то еще? — ядовито уточнила я.

— Еще...

...

— Скажи-ка, Рэй Харди, почему это у тебя требований больше, чем у меня?!

— Потому что у тебя совершенно нет воображения!

Я бросилась на мерзавца с кулаками.

— Ты будешь смеяться, — сообщил мне Рэй, перекидывая валявшуюся на полу форму на стул, пока я проигрывала в битве со сном, не в силах заставить себя встать и дойти даже до душа. Второй раунд после всех волнений и бессонной ночи высосал из меня все силы. — Но я два месяца таскал это дурацкое кольцо в кармане и именно сегодня его посеял...

— Конечнo, — пробубнила я, окончательно закрывая глаза. — Просто признайся, что его и не было! И ты все придумал, только бы закабалить меня в свое ардовское рабство! На галушки... тьфу, галеры!

— Ну, рыжая!..

Эпилог

Чтобы собраться с духом мне потребовалось немало времени. Я вытерла вспотевшие ладони о шорты, пожевала губу, вдохнула, выдохнула, и, зажмурившись для храбрости, таки ткнула кнопку вызова.

— Привет, мам!

— Линетт, зайка, — пропела родительница по ту сторону экрана, усаживаясь удобнее на большом кресле. — Давно не звонила, все в порядке?

— Да, мам.

— Учеба?

Я почти сорвалась на отработанное «да все отлично», но пересилила себя и все же произнесла то, что собиралась:

— Тут такое дело... Я давно хотела тебе сказать... в общем, я отчислилась из университета.

— Ну надо же! — она вскинула брови, а потом громогласно рявкнула поверх экрана куда-то в сторону: — Котя, она-таки призналась! — и потом сразу мне: — А мы уже думали, ты вообще не собираешься ставить нас в известность.

— Так вы что, знали, что ли? — Я с усилием сглотнула.

— Представь себе, да. Бумажные документы пришли на адрес твоей постоянной регистрации, — мама смерила меня взглядом с выражением «послал бог дурочку!»: — И что ты теперь собираешься делать? У тебя есть какой-то внятный план? На что ты собираешься жить? Потому что я тебя предупреждала и ничего не изменилось: мы с отцом не станем содержать великовозрастную бездельницу...

— Мама, я подала документы на ветеринарный. В столице.

— Потрясающе. Ну, теперь я по крайней мере знаю, где мой ребенок.

— Мам, я же сказала, что я в общежитии!

— О да, ты в общежитии университета, из которого отчислилась! — голос родительницы источал яд и у меня против воли запунцовели уши.

Ладно, с этим, вроде как, разобрались.

— Мама. Мам. Послушай...

— Нет, это ты меня послушай, Линетт Келли!..

— Мам, это еще не все.

Я набрала воздуха в грудь и во время этой вынужденной паузы мать уставилась меня с подозрением и испугом. И когда уже я готова была

выпалить контрольный, дверь комнаты распахнулась и в нее ввалился радостный Рэй.

— Все, Ли, переезжаем! Я выбрал нам новую квартиру!

— Ты выбрал, ты и переезжай, — огрызнулась я и торопливо, пока лицо драгоценной родительницы не успело вытянуться до той степени, что перестало вмещаться в экран, сообщила: — Mam, я замуж выхожу.

Мама сделала странное движение назад, будто хотела присесть, несмотря на то, что уже сидела. Ну, хоть за сердце не схватилась, оптимистично подумала я.

— Котя, Коть! — на этот раз вопль за экран был куда более слабым и дрожащим. — Поди-ка сюда...

Я поежилась и метнула взгляд на Рэя в поисках поддержки. Ард, не особенно стесняясь, встал за моим плечом, демонстрируя себя экрану во всей красе.

— Это Рэй, — неловко представила я его родителям. — И у меня там суп убегает...

После чего позорно дезертировала с места действия, оставляя арду удобное эргономичное кресло и неудобные родительские вопросы. Ничего! Переживет! Ему на поле боя находиться привычное дело!

* * *

— Ли, мы опаздываем!

— А-а-а, сейчас!

Я прыгала по комнате, пытаюсь натянуть туфлю, нигде не зацепиться шлейфом, не растрепать прическу и при этом не оторвать взгляд от экрана терминала, где вот-вот должны были появиться результаты экзаменов. Благо, квадратные метры новой квартиры это свободно позволяли.

— Линетт, мы на свадьбу опаздываем!

— А кто мне в прошлый раз твердил: «Успоко-ойся, без нас не начнут!»?

— В прошлый раз была наша свадьба!!!

— Ой да какая разница, — отмахнулась я, толком не расслышав ответа, потому что в этот самый момент экран наконец мигнул и принялся перезагружать страницу.

Я цаплей замерла на одной ноге, вытянув шею и прижимая туфлю к груди. Сердце забило гулко и часто.

— Ну?! — голос Рэя доносился уже из дверей коридора.

Я задержала дыхание, пробегаясь взглядом по списку, почти упала в обморок, не увидев знакомой фамилии, потом вспомнила, что по привычке ищу не ту фамилию, пробежалась еще раз и снова почти упала в обморок. На этот раз — счастливый.

— Поступила, — прошептала я и почти сразу завизжала, потому что неведомая сила оторвала меня от земли и подкинула в воздух.

— Поздравляю, тетя-кошкин-доктор, — произнес Рэй после долгого поцелуя. — Ну теперь-то на свадьбу?

— Да! — окончательно спохватилась я, и, не слезая с его рук наконец-то победила туфлю, натянув ее, куда надо. — Что ты меня все хватаешь? Пусты, мы опаздываем!

Не пустил. Для верности вынес из квартиры сам.

Этой свадьбы мы ждали долго.

Дэн-то прозрел относительно оперативно. Порычал на Мину, честно отработавшую до конца контракта (на мой смущенный вопрос — как она это все терпит сейчас? Подружка пожалала плечами и философски отметила, что позу «бревно» она освоила в совершенстве). Пометался в поисках нового донора — да и прозрел. Вот только Мина на его явление под дверь с раскаянием, извинениями, кольцом и всяческими предложениями отреагировала более чем прохладно и отправила по известному маршруту. Не верила она ему больше.

Дэн проявил чудеса смекалки и ушел в отпуск, решив взять крепость если не штурмом так осадой. Крепость же проявляла чудеса невиданной ранее стойкости и чувства собственного достоинства.

Пока тянулось это противостояние, многое успело произойти.

Мы поженились, и на моей свадьбе мамапустила слезу и благословила меня таки на ветеринарию с оговоркой «ну, может ты еще и не поступишь», в которой звучала надежда.

Было пересмотрено дело Вивиан. Ее сообщником оказался друг детства и даже более, чем друг. Настолько более, что она с ним даже расплачивалась за содействие весьма пикантной валютой. Впрочем, возможно, именно потому, что Вив не хватило денег на профессионала (а натурой профессионалы, увы, не берут!), все в итоге и закончилось хорошо. Для нас. А для них — пожизненным.

Мы переехали в новую квартиру — такую, чтобы с расчетом на грядущее пополнение, мысль о котором почему-то заставляла меня краснеть. Хотя, казалось бы!

А еще — торжественно нарекли кошку Дуниарской пожирательницей. Сокращенно — Дунькой. В честь той самой изнаночной твари. Рэй

авторитетно утверждал, что наша пожирательница жрет не меньше, вон какая круглая стала...

...где эта дура нашла себе кота, выходя из квартиры только на балкон, и куда я дену новый выводок оставалось под большим вопросом.

А потом Мина по секрету призналась мне, что сил ее больше нет. Я честно ответила, что наших нет уже тоже. Ну и счастливое воссоединение наконец свершилось ко всеобщему облегчению. Правда, у Мины тоже было условие. Вернее, даже не условие а...

В общем, за первый же взгляд налево нежная дама пообещала арду сложный перелом и голодную диету. И ни у кого почему-то не было сомнений, что угроза очень реальная!

— Линетт Харди, я официально предупреждаю тебя, будешь задерживать взгляд на женихе больше трех секунд, отшлепаю!

Я полюбовалась тем, как хитро сверкнули серые глаза и мечтательно отозвалась:

— Значит, буду!